

Троицкие листки

(духовно-нравственное чтение для народа,
публикуемое в конце 19 века)

№ 51-99

Содержание

51. Весна. Весенняя молитва	3
Чему учит нас весна?	3
Весенние посевы	4
52. Утешение в потере близких – ищущим Христова утешения	5
53. Вознесение Господне.....	8
Для чего Господь наш вознесся на небо?	8
54. Не обижай	10
Лучше сам потерпи	11
55. Кроме Церкви Православной, нигде нельзя обрести спасение.....	13
56. Советы опытного старца	15
Хромец и слепец	17
57. Бойся осуждать иереев Божиих.....	18
Святые Таинства не теряют своей силы от недостойности совершающего их иерея	19
58. Цветы.....	21
59. Что такое заповеди Церковные?.....	23
Пример строгого соблюдения уставов Церковных	25
60. Златое слово старины. О том, как жить по-Божии	26
61. Небесная гостя.....	31
Наша надежда непостыдная.....	32
62. Наши идолы.....	33
Можно ли ныне быть мучеником?	36
63. Церковная молитва выше домашней	36
64. Жизнь течет!	39
Вода мимотекущая.....	39
65. Что такое проскомидия?.....	41
Польза поминовения на проскомидии.....	43
66. Пути правды	44
67. Полночь.....	46
68. Есть ли ныне чудотворцы?	49

Троицкие листки 51-99

69. У Бога милости много, но подается она только смиренным.....	51
70. Древнерусские поучения против пьянства	54
71. Обличительная беседа со скопцами.....	56
72. Притча о двух господах.....	59
73. Что такое Священное Предание?	61
74. Урок любви христианской	64
75. Помните, дети, пятую заповедь.....	67
76. Поучительные уроки из истории Всемирного потопа.....	69
77. Доброе слово торговым людям	72
Благородный купец.....	74
78. Почему мы почитаем Крест Христов?.....	75
79. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы	77
Покров Матери Божией над русской землей.....	78
80. Осень	80
81. О том, как Мать Божия спасла Россию в тяжкую годину междоусобицы.....	83
82. К чему ведут семейные раздоры?	85
83. Жизнь есть духовная война	88
Враг с ленивыми не борется	90
84. От совести никуда не убежишь	91
85. Вход во Храм Пресвятой Богородицы.....	93
Дети понятливы, будьте при них осторожнее	95
86. С порочными не дружись.....	96
87. Можно ли верить всякому сну?.....	98
Когда сон бывает легче и приятнее?.....	101
88. Беседа о сквернословии и о матерном слове	101
89. В деле веры и спасения нельзя полагаться на свое мудрование.....	104
Мудрая простота веры.....	106
90. Бойся толковать Священное Писание по-своему	107
Молитва святителя Иоанна Златоуста перед чтением или слушанием Слова Божия.....	109
91. Две лестницы	109
92. Не бегай встречи со священником	112
93. Бегство в Египет.....	115
Рядиться – грешно	116
94. Иордан.....	117
95. Тайна долголетней жизни	119
96. Не всякому слуху верь.....	122
97. Исповедь	125
98. Не всякую и «правду» полезно говорить	127
99. Русский Иосиф Прекрасный.....	130

51. Весна. Весенняя молитва

Благий Человеколюбец! Если на траву, на цветы, на всякую зелень земную обильно изливается благодать Твоя во время свое, то кольми паче подашь Ты просимое рабу Твоему, умоляющему Тебя. Ибо вот, проясняется воздух, и птицы разнообразят голоса свои, воспевая славу великой Премудрости Твоей. Вот вся земля облакается в ризу испещренных цветов, сотканную без рук человеческих, — веселится и празднует праздник. Воскропи и на мое сердце росой благодати Твоей, благий Человеколюбец! Как засеянная земля без ниспадения довольного дождя не может дать и воспитать произрастений своих, — так и сердце мое без благодати Твоей не в силах изнесть благоугодное Тебе и принести плод правды. Этот дождь питает растения, и деревья увенчиваются разнообразными цветами, и роса благодати Твоей да просветит ум мой и сердце мое да украсит цветами умиления, смирения, любви и терпения. Да приблизится моление мое пред Тя, Господи! Даруй мне Святого семени Твоего, чтобы мог я принести Тебе рукояти, полные плодов благих, и сказать: "Слава Давшему что принести Ему", — и поклониться Отцу и Сыну и Святому Духу.

(Из творений преподобного Ефрема Сирина)

Чему учит нас весна?

Каждый видит, как на земле все обновляется с наступлением весны. Растения, не обнаруживавшие признаков жизни, с возвращением солнца снова начинают свою жизнь, на них являются почки, листья, и они снова цветут. Зерно, брошенное в землю, спало там сном, по-видимому, непробудным, но теплый луч коснулся земли, и оно выходит на свет Божий, и красуется золотистым цветком. Все эти чудные явления природы, так часто видимые нами, не что иное, как преобразование нашего нетления и покоя смертного во гробе, нашего восстания и обновления для жизни лучшей, вечной. С особенной радостью смотришь ты на появление цветов и растений в первые дни весенние, ты не можешь объяснить своей радости, сознаешь только, что душа твоя как бы обновляется обновлением сей природы. Знай же, друг мой, что радость твоя при взоре на весеннее обновление лица земного есть предчувствие твоего собственного обновления. Мы засеваем землю телами своими, удобряем, как селянин, семенами свое поле, и для нас наступит весна, как наступает она для семени. — Но не для всех радостна и весна природы: не для всех будет отрадна и весна мира и человечества. Веселится и красуется жизнью во время весны только то, что сберегло свои соки в зимнюю пору, что сохранилось от повреждения. Чахлое дерево, как и чахлый человек, напротив, только теперь обнаруживают всю силу своего

повреждения. Не то же ли будет и в общее всех воскресение? Возвеселится жизнью будущего века только та душа, которая принесет с собой запас добрых дел. А поврежденной душе упорного грешника лучше бы не являться туда. Замечали ли вы тяжкую скорбь на лицах, изнуренных неизлечимой болезнью, при виде обновляющейся природы? им грустно, что вокруг их веселье и жизнь, а в груди тоска и смерть. Вот живое изображение состояния душ грешных в общее воскресение! Не радостно! Будем врачеваться заблаговременно покаянием, иначе придет весна — и горе нам, если встретим ее со смертельным внутренним недугом...

Весенние посевы

Только что настала весна со своим благодатным теплом, и не успел еще снег сойти с полей, как вы все, православные, принялись за полевые работы. В настоящее время это первая у вас забота и, надобно правду сказать — забота похвальная. Ведь если не посеешь, так нечего будет и жать, а там нечего и есть. Заботливость вашу благословляет Сам Бог, когда вслед за зимней стужей посылает тепло, и когда самая земля бывает готова и способна принять семена, чтобы произрастить вам хлеб для вашего пропитания и для всех ваших нужд. Как земледельцы, вы прекрасно делаете, что при открытии весны хлопчете о том, чтоб посеять хлеб, посеять побольше и посеять вовремя. Но делаете ли вы, как христиане, сеяние духовное, — сеете ли вы для своей души необходимое для будущей, блаженной, вечной жизни ее? Здесь-то вы хлопчете о своем пропитании. Но чем ваши души-то в будущей жизни, после всеобщего воскресения, будут довольствоваться? Вот об этом-то сеянии надобно подумать. Да и как не думать нам о сеянии для бессмертной своей души? Как не думать о сеянии, то есть о приготовлении добрых дел, от которых будет зависеть вечная наша жизнь? Теперь вы запасаетесь всем, что потребно для вас в жизни; никому не хочется быть бедняком и терпеть нужду. Как же не сделать ничего для души-то своей, как не запастись на будущую, не краткую, как настоящая, а на вечную жизнь ее? Теперь вы сеете, хлопчете о том, чтобы было вам что есть и пить, никому не хочется страдать или умирать от голода. Как же не подумать о душе-то, как не похлопотать о том, чтоб она не голодала и не жаждала веки вечные? Разве затем мы живем на земле, чтобы только жить, чтобы жить да хлопотать об удобствах и радостях своего тела? Нет! Не земля наше отечество. Наше отечество на небе. На небо всех нас Господь желает собрать. На небе Он, Милосердный, приготовил для нас Свое Царство нескончаемое, Царство полное Божественных радостей, неизъяснимого блаженства и неизреченной славы. Наша забота теперь и должна состоять в том, чтобы сделать запас добрых дел и идти туда, в небесные обители. И скажите, с чем мы пойдем, с чем явимся на небо, когда не припасем никакого добра в этот путь? Скажите, разумно ли будет все суетиться и беспокоиться для мамоны, и суетиться до изнурения сил — до упаду, и забыть о том, с чем

явиться на тот свет? *«Не душа ли больше есть пищи?»* (Мф. 6; 25) — сказал нам наш Спаситель. Подлинно, братия! душа больше пищи. Но не с тем я говорю это, чтобы вы не работали, не трудились. Нет! Для труда мы живем, на труд нас Бог сотворил. А говорю, что самая главная забота ваша должна быть о спасении души. И помышляйте о спасении, и разговаривайте о спасении, и трудитесь для спасения. Вот, например, если Бог позволит тебе что-нибудь своими мозолями и потом нажить, — не будь скуп и не расточай всего для себя одного, а удели и ближнему своему, нищему. Дай бедному, что можешь. Положим, невелик твой грош или там какая мерка хлеба, которую дашь убогому, да велико милосердие Божие, потому что Христос Спаситель наш всякую крошку, данную тобой во имя Его бедняку, принимает на Свои руки и на Страшном Суде возвратит тебе в тысячу раз больше, нежели сколько ты дал. Этого мало. Он милостиво и любезно поставит тебя по правую Свою руку, вместе с наследниками Царствия Своего. И этого мало. Он объявит всему свету, всем людям, от первого Адама и до последнего, кто родится при конце мира, что ты сделал для Него в своей жизни, — что ты Ему Самому когда-то подал на Святую Церковь, а тогда-то поставил свечку или там другое какое сделал пожертвование. Вот какой урожай-то будет у того, кто посеет для будущей жизни! Не то, что теперь, — посеешь, да случается, иногда не воротишь и семян.

О, милосердный Боже! Какой радостью и каким блаженством переполнится тогда тот человек, которому Ты скажешь: *приди ко Мне!* Такой полноты радости и внутреннего довольства совестью никто в этой жизни не изведал и не поймет.

Братья мои возлюбленные! Ищите прежде всего Царствия Божия, сейте более всего в жизнь вечную, сейте, пока есть время, пока Господь держит вас на белом свете. Тот, кто умер, уже не будет сеять. Нельзя! Точно также, как и вы в зимнюю пору не сеете, — нельзя, а пробавляетесь тем, что по милости Божией припасли летним временем. Аминь.

(Поучение из духовного журнала "Странник", 1860)

52. Утешение в потере близких – ищущим Христова утешения

«Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти?» (Пс. 88; 49).

«Блаженни мертвии, умирающий о Господе, ей, глаголет Дух, да почуют от трудов своих» (Апок. 14; 13).

«Не скорбите, якоже прочий не имущий упования» (1Сол. 4; 13).

«Уповающего же на Господа милость обыдет» (Пс. 31; 10).

«Упование наше Отец, Прибежище — Сын, Покров — Дух Святой, Троице Святая, слава Тебе! К Тебе возвах, внемда уны сердце мое» (Пс. 60; 3),

«в день скорби моя Бога взысках» (Пс. 76; 2).

Кто не терял близких сердцу, кто не нуждается в "Христовом утешении", о котором молит для всех плачущих и болезнующих по отшедшим Матерь

наша, Святая Церковь Православная, у Бессмертного Христа Царя и Бога нашего, веселя нас надеждой воскресения! Потеряв человека, даем мы ему настоящую цену, даже иногда, может быть, и увеличиваем оную.

С моим зачатием пишется внутри меня закон разрушения; на каждый вновь образующийся член смерть накладывала свое грозное клеймо, говоря: он мой. Цепь дней моих есть цепь больших или меньших страданий; каждый новый день моей жизни есть новый шаг, приближающий меня к нетлению. Приходят болезни, и трепещущее сердце вопрошает их: предвестники ли вы только моей кончины, или уже дана вам власть разлучить тело от души разлукой горестной и страшной? Иногда умственное мое око, развлеченное суетой, не видит моей печальной участи, но едва встретится какое-либо внезапное скорбное приключение, опять быстро притекает к моему любимому поучению, как младенец к соскам материнским, — к поучению о смерти, ибо в истинной печали сокрыто истинное утешение, и благоразумное памятование смерти расторгает смертные узы!

Ты, Которого неизреченной благодати мы создание, скажи нам, почто жизнь нашу растворил горестями? Неужели Твое милосердие не трогается нашими страданиями? почто даешь мне бытие и потом восхищаешь его мучительной смертью?

Не услаждаюсь Я, вещает Бог, твоими болезнями, о человек! Но из семени скорбей твоих и твоих печалей желаю произрастить для тебя плоды вечного блаженства. Не в твоём только теле запечатлел Я закон смерти и разрушения, — запечатлел его в каждом предмете этого видимого мира. Я заповедал всему миру вопить тебе вместе с твоим телом, что жизнь эта не есть жизнь истинная и настоящая, что нет в этом мире ничего постоянного, к чему могло бы привязаться твое сердце любовью непредосудительной! Когда ты не внемлешь громкому гласу всей вселенной, тогда Отеческое Мое благоутробие заставляя Меня поднять жезл наказания; тогда томлю тебя искушениями, измождаю недугами, угрызая скорбями, дабы ты, оставив безумие, сделался премудр. Я Сам претерпел Крест ради спасения человеческого и кого хочу привлечь к Себе, того сперва поражаю скорбями и стрелами скорбей умерщвляю его сердце к временным сладостям. Жезл наказания есть знамение любви Моей к человеку. Так некогда уязвлял Я страданиями сердце раба Моего, Давида, и когда поток искушений отделил его от мира, тогда некоторое необычное размышление явилось в уме его. *«Помыслих, — пишет он, — дни первыя, и лета вечная помянул, и поучахся!»* (Пс. 76; 6), — то есть взглянул я на мимошедшие дни моей жизни, и они мне показались мимолетным сном, быстро исчезнувшим явлением. Потом вспомнил о вечности, стал сличать ее с краткостью прошедшей моей жизни и, сравнив вечное с временным, убедился, и в чем же убедился? *«Убо образом ходит человек, обаче все мятется»* (Пс. 38; 7), — т.е. сколько человек не суетится, сколько не заботится о разных временных приобретениях, однако все это напрасно, ибо не престаёт он быть на земле

некоторым кратким явлением, гостем, странником! Таковые чувства и размышления удалили его от мира страстей, он начал поучаться в законе Господнем день и ночь и стремиться к познанию себя и Бога, как жаждущий елень приходить на источники прохладных вод. Как царь, он имел возможность всех временных наслаждений, но когда вкусил сладости внутренних благ, тогда забыл снести и самый хлеб свой. (Пс. 101; 5).

Сердечно соболезную и сострадаю в горести вашей, и в полной мере ценю скорбь сердца вашего, по немощи человеческой и сродному ей печалованию; лишась близкого и любезного сердцу человека, нельзя не почувствовать и не болеть сердцу, и надобно отдать долг любимому предмету соболезнованием, однако ж, не предаваться неутешному сетованию и скорбению; но так как вы — истинный христианин, ищите утешения страждущему духу вашему в священной нашей вере, во уповании на благодать Божию и безмерную Его любовь к нам, грешным, и в предании себя во всем Его Святой воле. Только для неверующих не цветет в домашней жизни чистая радость, ибо кто умирает для его сердца, тот умирает навсегда, из отдаленной вечности ему не блещет луч надежды и утешения, его радости мгновенны, а печали безотрадны. Но христианин, убежденный и уверенный в действиях Промысла Божия, покоряется Святой Его воле, вся на пользу устрояющей, и познает, что в здешней юдоли он есть странник, идущий в свое отечество и препровождающий в него отходящих отселе близких и друзей по назначенному для них творческой Премудростью окончанию своего странствования, надеется и сам с ними некогда соединиться в блаженной вечности милостью Бога нашего. И это самое утоляет печаль о разлуке с близкими сердцу нашему людьми. К этому же и святыи апостол Павел укрепляет своим учением в Послании к Солунянам: *«Не хочу вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочий неимуций упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе; тако и Бог умерших о Иисусе приведет с Ним»* (1 Сол. 4; 13, 14), — т.е. умершие в вере и надежде жизни вечной воскреснут. Примите это рассуждение в утешение вашей печали, положитесь на милосердие Творца нашего и явите покорность Святой Его воле.

Написал я вам мои чувства, если и противные светскому разуму, то, по крайней мере, искренние, а искренность может быть утешительной во время печали. Усопший завещал вам перед своею кончиною быть добрым христианином; и я вам этого желаю от всего моего сердца. Тогда смерть потеряет в очах ваших свой грозный вид и сделается только некоторым приятнейшим переходом от временных скорбей к бесконечному наслаждению; она перенесет вас в чертоги, в коих теперь обитает, как мы с некоторой достоверностью угадываем, наш почтеннейший о Господе брат. Самая печаль об умерших, озаренная светом истинного разума, истаивает, а на месте ее зачинает прозябать благое упование, утешающее и веселящее душу.

... За все слава Премилосердному Богу, изливающему нам во всяком случае неизреченные блага! Ибо Источник благодати не может источать из Себя никаких других волн, кроме благодатных, не понимая коих человек часто ропщет на Всеблагого.

«Бог наш не есть Бог мертвых, но Бог живых, вси бо Тому живи суть. Аще живем, аще умираем, Господни есмы». Тому слава и держава во веки веков. Аминь.

(Из писем Оптинского старца иеросхимонаха Макария)

53. Вознесение Господне

В сорок четвертый день по Воскресении Своем, Иисус Христос собрал учеников Своих в Иерусалим и в последний раз дал им следующие наставления: "Вы идите по всему миру и проповедайте Евангелие (без различия) всем людям. Кто уверует и примет Крещение, тот будет спасен; а кто не уверует, тот подвергнется вечному осуждению. Вы же не отлучайтесь из Иерусалима, пока не облечетесь силой свыше. Вот (вскоре) Я пошлю на вас обещанное от Отца Моего, о чем вы слышали от Меня. Потому что Иоанн крестил водой, а вы через несколько дней будете крещены Духом Святым". — Ученики стали спрашивать Его: "Господи! Не в это ли самое время Ты восстановишь и царство Израилю?" — Он отвечал: "Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец предоставил Своей власти. Но вы получите силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете свидетелями обо Мне в Иерусалиме и по всей Иудее, и в Самарии, и даже до пределов земли". — После этого Иисус Христос вывел их вон из Иерусалима на гору Масличную напротив Вифании и, поднявши руки Свои, благословил их. И когда благословлял их, стал отдаляться от них и в их глазах подниматься от земли, и облако взяло Его из виду их. Таким образом Господь вознесся на небо и воссел одесную Бога. Ученики все еще смотрели вслед вознесшегося Господа, как предстали пред них два мужа в белой одежде и сказали: "Галилеяне! что вы стоите и смотрите на небо? Иисус, Который вознесся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо". Тогда они воздали Ему, Как Господу Богу, служебное поклонение и возвратились в Иерусалим с великой радостью. И пребывали всегда в храме, славословя и благословляя Бога.

(Из "Священной истории" протоиерея М. Богословского)

Для чего Господь наш вознесся на небо?

По любви к нам Господь сошел на землю, жил между нами, положил за нас душу Свою на Кресте. По любви к нам и вознесся от нас на небо. Вот что говорил Он ученикам Своим: *«Уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам: аще ли оже иду, пошлю Его к вам»* (Ин. 16; 7). Каждому из вас, как бы так говорил Он, надобно будет идти в мир с

проповедью о Мне: на то вы и Апостолы, но не думайте, будто найдете в мире радость. *«В мире скорбни будете, восплачете и возрыдаете вы, а мир возрадуется: вы же печальни будете»* (Ин. 16; 20). Тебя, Петр, поведут, *«амаже не хоцеши»* (Ин. 21; 18), заключат в темницу, и в Риме для креста твоего готово уж дерево. Ты, Иаков, первый пострадаешь от меча в Иерусалиме. Тебя, Иоанн, далеко, далеко сошлют в заточение на остров Патмос. Тебя, Андрей, ждет крест в Ахаии; да и тебе, Филипп, умереть на кресте в Иераполе; с тебя, Варфоломей, сдерут кожу в Армении; тебя, Фома, избодут копьями в Индии; а тебе, Матфей, готовит муки Эфиопия. Да, каждому из вас предносится уже чаша страданий. А кому приятна скорбь? и как вам тут обойтись без утешения? — Да, и после вас будут люди, которые, подобно вам, за имя Мое потерпят разные мучения, или сами станут распинать плоть свою со страстями и похотями — кто в пустыне, кто в затворе... Тем тяжело, и этим не легко... И вообще, *«вси хотящий благочестно жити, гоними будут»* (2 Тим. 3; 12), а тяжело быть гонимым! Пойду же Я к Отцу Моему и пошлю вам Утешителя; а если не пойду, Утешитель не придет. Значит, *«уне есть, да Аз иду»*. — Гряди, Господи, невольно говорит отовсюду поражаемое горем наше сердце, гряди и пошли нам Утешителя!

Господь вознесся от нас на небо затем, чтобы с высоты неба смотреть на нас, как отцу на детей, чтобы видеть оттуда всякого и всякому в беде подать помощь. Святого первомученика Стефана иудеи побивают камнями, тяжело Стефану терпеть, но Господь смотрит на него с высоты неба, подкрепляет его, и святой страдалец среди страданий радостно взывает: *«Се вижу небеса отверста, и Сына Человечески одесную стояща Бога»* (Деян. 7; 56).

Господь вознесся от нас на небо затем, чтоб, подобно солнцу, с небесной высоты освещать и согревать всех нас Своею благодатью. Солнце светит с неба и добрым, и злым, так и Господь вознесся от нас на небо, чтобы призирать оттуда Своею благодатью на праведных и грешных: первых любить, а последних вести ко спасению. Солнце своими лучами согревает землю, и она становится плодоносной; так и Господь с высоты неба согревает Своею благодатью холодные наши сердца, и они, становясь плодоносной нивой, дают духовные плоды!

Господь вознесся от нас на небо затем, чтобы отворить нам двери в Царство Небесное. До Христа никто из праведных не мог взойти на небо: *«Никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе. Сын Человеческий, сый на небеси»* (Ин. 3; 13).

Господь вознесся от нас на небо затем, чтобы там ходатайствовать за нас пред Богом Отцом. *«Аще кто согрешит, Ходатая имамы к Отцу, Иисуса Христа праведника. И Той очищение есть о гресех наших»* (1 Ин. 2; 1,2). О, какая радость для грешника! На небе милосердый у нас Заступник, сильный Ходатай пред Богом Отцом!.. Чего-чего не сделают для нас язвы Его, которыми покрыт Он за наши грехи! О, дай только нам, Господи, покаяние, а надежда наша светлая как солнце ярко блестит на небе.

Господь вознесся от нас на небо затем, чтобы приготовить там место, где мы жили бы целую вечность и блаженствовали: *«Иду уготовати место вам, и аще уготовлю место вам, паки приду и пойму вы к Себе, да идеже есмь Аз, и вы будете»* (Ин. 14; 2, 3). Добрая, радостная весть!

Господь вознесся от нас на небо, чтобы там всех, любящих Бога, упокоить с Ангелами. А нам-то, грешным, где уготовал Господь место? Будет ли и нам на небе хоть какой-нибудь уголок? Увы! Вот в Писании сказано: *«Не имать в него внити всяко скверно, и творяй мерзость и лжу, но токмо написанная в книгах Агнца»* (Апок. 25; 15). Итак, горе тебе, грешник, горе тебе! Плачь, но не с отчаянием плачь, вот и на нас с тобой милосердый Господь смотрит с высоты неба, и говорит: *«Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние»* (Мф. 9; 13); покайтесь только, и вы сподобитесь равной чести со святыми. Где место Петру, трижды от Меня отрекшемуся и горько о том плакавшему, где место жене грешнице, плакавшей у ног Моих, где распутному сыну, где разбойнику место, — там и ваше может быть место, только плачьте о грехах своих, как Петр, припадайте ко Мне с раскаянием, как грешница, обращайтесь ко Мне, как сын распутный, смиряйтесь, как мытарь, сраспинайтесь Мне, как благоразумный разбойник, и вы спасетесь: на небе есть у Меня место и для вас, не тесно там: *«в дому Отца Моего обители мнози суть»* (Ин. 14; 2). Я весь ваш: будьте только и вы Мои!"

Так вот зачем Господь вознесся от нас на небо! Все для нашего же счастья и блаженства. Значит, в этот день не мрачная скорбь, а светлая радость должна занимать наше сердце!

(Из духовного журнала "Странник", 1860)

54. Не обижай

Бывает, что какой-либо грубый человек обиду делает рабу перед господином его; так и грешник, когда какую-нибудь обиду делает христианину, делает ее пред Господом Богом, яко Вездесущим и Всевидящим. Как добро, творимое христианам, Себе вменяет Господь, по реченному: *«...понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, Мне сотвористе»* (Мф. 25; 40), так и обиду, творимую христианам, Себе вменяет Господь. Посему, кто человеку обиду творит, тот и Господу творит, кто человеку досаждаст, тот и Господу досаждаст. Коль тяжко грешат таковые, видишь, христианине! Досадно тебе и весьма досадно, когда кто твоего работника перед тобою обижает; ты же дерзаешь христианина, раба Христова, перед Господом его обижать! Или то думаешь, что Господь всех не видит тебя, как и ты не видишь Его? — Нет! нет! Никто и ничто от Всевидящего ока Его не утаится. На пути ли или в пустыни, в доме или наедине, или на публике, тайно или явно делаешь зло, или во внутренности сердца твоего замышляешь неправду, — Он везде присутствует и все, что и где делаешь и замышляешь, видит и в книге Своей записывает, и в последний

день во всем том перед всем миром обличит тебя по реченному: «...обличу *тя* и представлю пред лицом твоим грехи твоя» (Пс. 49; 21). Укоряешь ли, злословишь, ругаешь и поносишь ближнего твоего? Тут Он присутствует и слышит злое слово твое, и видит обиду его. Клевещешь ли на брата твоего? Тут Он есть и слышит клевету твою. Бьешь ли или убиваешь ближнего твоего? Недалеко Он от тебя и видит злое дело твое. Похищаешь ли и крадешь чужое добро? Перед Святыми очами Его крадешь. Лжешь ли и обманываешь ближнего твоего? Видят очи Его ложь твою. Словом, все, что не делаешь ближнему твоему, все перед Господом всех делаешь. А от сего видишь сам, какое досаждение величеству Его делаешь и коль тяжко грешишь. О, лучше, воистинну лучше неоднократно умереть, нежели Христу Господу досадить, Христу, Который так нас возлюбил, непотребных рабов, что и умереть за нас не отрекся. О, человеце, который каким-нибудь образом ближнего твоего обижаешь! Осмотрись, пожалуй осмотрись, что ты и кому, и перед кем делаешь; осмотрись, пока время не ушло! Называешься ты христианином, знаменуешься Крестом, ходишь в церковь, поклоняешься и молишься Богу, поешь "Аллилуиа", и — что более всего того, приступаешь ко алтарю и причащаешься Животворящих Таин Христовых, слушаешь и Слово Божие, и проч. Знаки-то суть подлинно христианства, но когда обиды делать ближнему и грешить не престаешь, — берегись, чтобы вместо христианина врагом Христовым не быть. Испытай же себя и рассуждай, как ты с ближним своим обходишься, и покайся, и исправь себя, пока время есть покаяния.

(Из книги "Сокровище духовное" святителя Тихона Задонского)

Лучше сам потерпи

Не плачь, не сокрушайся, не скорби много, когда тебя люди обижают, притесняют, отнимают у тебя счастье, лишают тебя спокойствия. Бога они у тебя ведь не отнимут и вечного спасения тебя не лишат? Напротив, за то, что люди отнимают у тебя счастье в этой жизни, Господь вознаградит тебя блаженством по смерти: и за временное твое здесь беспокойство, которое от других терпишь, воздаст тебе спокойствием там вечным.

Вот когда плачь, сокрушайся, скорби заранее, — когда станешь ты других обижать и притеснять, когда от тебя другие будут плакать и скорбеть. Несчастнейшее существо тот человек, который других делает несчастными. Накажет Господь всякого обидчика, притеснителя, досадителя, будут сами после горько плакать и скорбеть все эти люди. И это бы еще была великая тебе милость, если бы ты в этой жизни понес наказание за злые свои дела, если бы здесь успел оплакать грехи свои против ближнего и загладить их добрыми делами. Кого здесь Господь наказывает, тех в жизни будущей помилует; кто здесь покается, те там не будут страдать от раскаяния. Но если ты нераскаянным и ненаказанным останешься до жизни будущей, то вечное будешь там нести наказание, вечно будешь там плакать и скорбеть от злых

своих дел. "К кому из нас относятся эти слова мои, — скажете вы, — мы, кажется, не обижаем других, из нас никто не знает за собою этого греха". Дай Бог, чтобы и никогда мы не знали этого греха за собою; да сохранит Господь всех нас от этого величайшего несчастья — делать других несчастными. Обижать других так грешно, что и слово обидное сказать, и желание обидеть другого есть большой грех. Говоря ныне об этом, я не имею никого из вас в виду, я говорю это так только, в предосторожность себе и вам, и всем. В Святом Евангелии от Матфея читаем мы: *«Глас в Раме слышан бысть; плач, и рыдание, и вопль мног: Рахиль плачущися чад своих, и не хотяше утешитися, яко не суть»* (Мф. 2; 18). Это вы знаете, когда было, — когда по повелению царя Ирода убивали в городе Вифлееме и окрестностях его всех младенцев мужского пола от двух лет и ниже. Четырнадцать тысяч погибло их тогда. Ах, слушатели! читая описание этого ужасного события, задолго до нас бывшего, мы и невинные в нем как-будто видим и слышим, как убивают этих бедных младенцев, как рыдают их несчастные матери: и больно нам за них, и плакать мы готовы с ними. Но Ирод бесчеловечный... он ведь в аде читает теперь описание этого события, и вечно он будет читать его там, и вечно будут видеться ему эти страдания младенцев, и вечно будут слышаться ему эти рыдания матерей, и вечно будет мучиться он ими, и вечно будет страдать от них! Так и с тобой может случиться, слушатель мой: ты теперь не чувствуешь, возлюбленный брат, какое делаешь зло, что обижаешь и притесняешь других до слез и скорбей, не чувствуешь, как больно плакать и скорбеть от твоих обид и притеснений. Может быть, ты и не знаешь и знать не хочешь, что от тебя плачут и скорбят другие. После все узнаешь, узнаешь, изведешь на себе все зло злых дел своих. С воскресением твоим в жизнь будущую оживут перед тобой все злые твои дела, тогда и скрытое во мраке осветится, и сердечные намерения обнаружатся (1 Кор. 4; 5), тогда услышишь рыдания обиженных, увидишь и слезы притесненных тобою, и будут жечь тебя эти слезы огнем неугасимым, и будут грызть тебя эти рыдания червем неусыпаемым. Да, зло вечно будет мучительно для тех, в чьей памяти оно вечно будет оставаться; червь их никогда не умрет, и огонь их во веки не погаснет (Мк. 9; 48). Нет, не делай себе вечного зла, т.е. не обижай, не притесняй других, не доводи понапрасну никого до слез горьких, никогда не доводи, хотя бы от того пришлось тебе самому плакать и скорбеть, нуждаться и бедствовать. Если ты решишься лучше терпеть нужду и бедность, чем для своего довольства и обогащения обижать других, то бедность твоя будет пред Богом лучше всякой богатой Ему жертвы, потому что эта бедность спасет тебя от греха. Если ты решишься лучше плакать, чем других доводить до слез, то слезы твои будут Богу приятнее всяких твоих славословий, потому что они будут выражением твоей любви, полагающей душу за други своя. Да ведь и плакать утешительно, когда плачешь, а не хочешь доводить другого до слез: и в бедности весело, когда нуждаешься, бедствуешь, а у других не отнимаешь, чужого не берешь. Беден — да никому не должен обидами, на глазах часто слезы, — зато на душе нет греха против

ближнего. Впрочем, беден ты и не будешь, только трудись честно, не обижая других, не притесняя никого, — Господь благословит твои труды, и ты с блаженными кроткими наследуешь землю. Плакать также ты не будешь, по крайней мере, долго не будешь, лишь бы другие от тебя не плакали. Господь скоро утешит тебя с блаженными плачущими. Нет, слушатели, чего бы вам ни стоило, не обижайте других, не отнимайте ни у кого довольства и счастья, не лишайте никого спокойствия. Горе тем веселящимся, от которых другие плачут; горе тем насыщенным, от которых другие голодны остаются; горе вам, богатые, если вы наживаете богатство обидами, притеснениями и другими неправдами; не здесь, в жизни, ваше горе, а там — за пределами гроба!

(Из поучений протоиерея Р. Путятина)

55. Кроме Церкви Православной, нигде нельзя обрести спасение

1.

К преподобному Агафону однажды пришли некоторые иноки и, желая испытать, не рассердится ли он, спрашивают его: "Ты, Агафон, мы слышали о тебе, что ты блудник и гордец?" — Он отвечал: "Да, это правда". Они опять спрашивают его: "Ты, Агафон, пустослов и клеветник?" — Он отвечал: "Я". И еще говорят: "Ты, Агафон, еретик?" — Он отвечал: "Нет, я не еретик". Затем спросили его: "Скажи нам, почему ты на первые вопросы соглашался, а последнего не вынес?" — Он отвечал им: "Первые пороки я признаю за собою, ибо это признание полезно душе моей; а быть еретиком — значит быть в отлучении от Бога, но быть отлученным от Бога я не хочу". Так рассуждал великий угодник Божий. А кто отлучает себя от Церкви, тот отлучает себя и от Бога, ибо Господь наш Иисус Христос есть глава Своей Церкви. Блаженный Августин говорит: "Спасается только тот, кто имеет главою Христа, а имеет главою Христа лишь тот, кто находится в Его теле, которое есть Церковь". Пока ты в единении с Церковью, ты — живой член тела Христова, хотя по грехам своим не можешь назвать себя здоровым членом; а если оставил Церковь Православную, то ты перестал уже быть ее живым членом, ты уже отсеченный от нее, а, стало быть, и мертвый член; и как бы не были велики добродетели твои, никакой они не принесут тебе пользы.

Послушай, что пишет друг патриарха Софрония, блаженный Иоанн, в "Луге духовном": "Старец Кириак убеждал и молил одного брата - несторианина оставить свои заблуждения и обратиться к Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Он сказал ему, что нельзя спастись, если не будем православно верить. Брат отвечал старцу: "Святой авва! Все ереси тоже говорят, что если ты с нами не будешь иметь общения, не спасешься. Что же мне делать, не знаю я, бедный. Помолись Господу, чтобы мне познать истинную веру". Старец с радостью принял предложение брата и сказал ему: "Останься в моей келлии, и я надеюсь на Бога, что Его благодать откроет тебе

истину". Оставив брата в своей пещере, он вышел к Мертвому морю и стал молиться за него. И точно, около девятого часа следующего дня брат видит, что кто-то стоит перед ним, по виду страшный, и говорит ему: "Пойди и познай истину". Взявши его, приводит в темное и смрадное, но жаркое место, и показывает ему в огне Нестория, Евтихия и Аполлинария, Неагрия и Дидима, Диоскора и Севера, Ария и Оригена, и других. Тот, который показал это место, сказал ему: "Оно уготовлено и для этих еретиков, и для тех, кои последуют их учению. Итак, если тебе нравится это место, оставайся при учении своем. Если же не хочешь подвергнуться подобному наказанию, обратись ко Святой, Соборной и Апостольской Церкви, в которой принадлежит наставлявший тебя старец. Я говорю тебе, что если человек все добродетели сотворит, но не будет православно веровать, придет в это место". С сим словом брат пришел в себя. И когда пришел старец, рассказал ему, что видел, и вскоре приобщился к Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Он остался со старцем в Камоне и, проживши с ним несколько лет, скончался в мире.

2.

«На камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолеют ей» (Мф. 16; 18).

«Небо и земля мимо идет, словеса же Моя не мимо идут» (Мф. 24; 35).

Верно слово Господа! Кто посмеет усомниться в нем? Он сказал: *«Созижду Церковь Мою»* — и создал; Он обещал, что *«врата адова не одолеют ее»*, и она стоит непоколебимо, — всегда стояла она, стоит и ныне, и будет стоять, по непреложному слову Его, до окончания века. Сколько было нападений на Церковь! И каждый раз нападавшие на нее враги погибали, а она возвышалась и с каждой победой становилась все сильнее, все неодолимее. Да и как не стоять твердо Церкви Божией, когда Христос Господь столь возлюбил ее, что и Себя предал за нее, дабы освятить ее и сделать чистой и непорочной невестой Своей? Как не стоять ей, когда Он же Сам и глава ее, Он — ее защитник и покровитель: Его ли одолеют силы врагии? Нет, скорее солнце угаснет, нежели Церковь помрачится, скорее небо и земля прейдут, а слово Господа не мимо идет!

И эта-то истинная Церковь есть Матерь наша, Святая, Соборная и Апостольская Церковь Православная. Она, и только она одна есть *«столп и утверждение истины»*: в ней — Богоучрежденное священноначалие, в ней все Богоустановленные таинства, и только в ней одной наше спасение.

Итак, кто говорит, что Церкви Божией, истинной Христовой Церкви нет более на земле, тот, стало быть, не верит слову Самого Господа, Который и Сам обещал невидимо пребывать в Церкви Своей до окончания века (Мф. 28; 20). Кто думает, что заблуждение и ложь одолели Церковь Божию, тот Самого Господа — страшно сказать — представляет лживым. А если Церковь Христова и донныне пребывает на земле, то чего же ищешь ты, возлюбленный о Господе брат? Тебе нужно спасение? Оно — в Церкви. "Не должно у других искать истину, — говорит святой Ириной, — ее легко

заимствовать от Церкви, ибо в нее, как в богатую сокровищницу, Апостолы положили все, что принадлежит истине. Где Церковь, там и Дух Божий, и всякая благодать". Тебе непонятны некоторые ее чиноположения и уставы, ты хочешь знать, почему и для чего в Церкви учреждены те или другие обряды? Спроси же об этом у самой Церкви, обратись к ней, как послушный сын, и она охотно исполнит твое желание; у нее не установлено ничего без разума, ничего без смысла и значения. Зачем же ты бежишь из ограды ее? Или ты разумнее всех святых Божиих, которые обрели спасение в Церкви, которых Сам Господь прославил по неложному слову Своему: «...прославляющие Мя прославлю» (1Цар. 2; 30)? Знай же, возлюбленный, если ты думаешь устроить свое спасение помимо единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви Православной, если ты уклоняешься от общения с нею и затеваешь создать какую-то *свою* церковь, по своему смышлению, то в гордости своей ты сам жестоко заблуждаешься. Кто не хочет быть покорным сыном Православной Церкви, тот выслушай грозное слово Самого Господа Церкви: «*аще и Церковь преслушает брат твой, буди тебе яко же язычник и мытарь!*» Господь поручил Церкви дело нашего спасения, и потому всякое самочиние в сем деле ведет прямо к гибели. "Кто Церкви не слушает, — говорит один святой отец, — тот не есть сын Церкви; кто не сын Церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не Христова овца; кто не Христова овца, тот напрасно ожидает вечной жизни". "Хочешь спастись? — поучает святой Златоуст, — пребывай в Церкви, и она не выдаст тебя. Церковь есть ограда: если ты внутри сей ограды, то тебя не тронет волк; а если выйдешь вон, то будешь похищен зверем. Не уклоняйся же от Церкви, нет ничего в мире сильнее ее. Она — твоя надежда, в ней — твое спасение". Как без корабля нельзя переплыть море и достигнуть пристанища благоотийного, так нельзя без повиновения учению Православной Церкви достигнуть спасения душевного. Ее возлюби, как Матерь, ей повинуйся и самое Слово Божье бойся толковать по-своему. Ей даны ключи разумения, и она одна — непогрешимая истолковательница его. Помни: "Кому Церковь не мать, тому Бог не отец!" (Слова святого Киприана).

«*Мати Сион, ренет: человек... веселящихся всех жилище в тебе!*» (Пс. 86; 5, 7). Так воспевал некогда венценосный Пророк, взирая на свой возлюбленный Сион. Мати наша, святая Церковь Православная — зываем мы — новый Сион Господа нашего Иисуса Христа! Поистине всех веселящихся жилище в тебе! Из твоих материнских недр мы родились, на твоих материнских руках мы живем и действуем, и покоимся. Ты везде с нами и всюду за нас!

56. Советы опытного старца

Если кто оскорбит тебя, смолчи и скажи ради Христа самому себе: "Вот, из-за меня, грешного, оскорбили Господа моего!" Если услышишь, что кто-нибудь возненавидел тебя и клеветет на тебя, то пошли ему, что можешь, в

подарок, дабы потом мог ты сказать в день Судный: "Оставь нам, Владыко, долги наши, якоже и мы оставляем долги должником нашим". Если поленишься встать к утрени, не давай пищи чреву своему, ибо писано есть: *«праздный да не яст»*. Уверяю тебя, кто учинит покражу, тот подвергается взысканию, — вот так же взыщет Бог со всякого, кто не встает от сна на службу церковную, исключая болезни или великое утруждение. Впрочем, и от болящего, и трудом утомленного Бог требует молитвы сердечной и служения Ему, ибо это можно выполнять и без телесного труда. Если случится тебе осудить своего ближнего, и совесть твоя будет тревожить тебя, то поди, поклонись ему в ноги и скажи: "Прости, меня, отче, я осудил тебя", — и впредь остерегайся осуждать или клеветать на кого-либо, ибо осуждение и клевета есть смерть для души. Если брат по любви принесет тебе что-нибудь в подарок, и ты знаешь, что он беднее тебя, то постарайся отдарить его чем-либо побольше его подарка. А если сам не имеешь, то поклонись ему до земли и скажи: "Прости меня, брат, Господа ради: я беднее тебя, не могу ничем поплатиться с тобою; Бог Сам тебе да воздаст за твою доброту!" Пробудившись от сна, прежде всего прославь Господа Бога устами твоими и тотчас же начни псалмопение. Наш ум — точно мельница, с самого утра и во весь день мелет или пшеницу, или плевелы, поэтому поспеши засыпать в него пораньше пшеницу, пока враг не подсыпал туда плевелы. И когда бы не подсказало тебе сердце твое, днем ли или ночью: "Встань, помолись Богу", — ведай, что святой Ангел-хранитель твой подходит и говорит с тобою, — это его речи: "Встань, помолись Богу". И когда ты встанешь на молитву, станет и он с тобою, и будет прогонять от тебя духов злых, рыкающих на тебя. А если не послушаешь и не встанешь, он тотчас удалится от тебя, и тогда легко можешь впасть в руки невидимых врагов твоих. Когда же отходишь ко сну, отнюдь не вспоминай ни о какой женщине, хотя бы она была и святая по жизни; но старайся с молитвою заснуть, ибо о чем человек думает наяву, то самое видит и делает во сне, доброе ли, худое ли. Молись, во-первых, об очищении от страстей, во-вторых, об избавлении от неразумия, и, в-третьих, — о сохранении от всякой напасти и о прощении твоих грехов. Одного проси себе в молитве — Царствия Божия и правды его, то есть добродетельной жизни и рассуждения, а все прочее приложится тебе. Если заболеешь и попросишь у кого-нибудь, что тебе нужно, а тебе не дадут, то не печалься в сердце твоём, а лучше скажи: если бы я был достоин получить это, то Бог положил бы на сердце брату, и он дал бы мне. Если видишь, что брат согрешает, то поспеши сказать: "Будь ты проклят, сатана! Это — твое дело: мой брат не сделал бы этого сам по себе!" Остерегайся и храни сердце твое, чтобы не осудить своего ближнего, дабы Святой Дух не оставил тебя. А если будет клеветать тебе брат на брата, то бойся из ложного стыда соглашаться с ним, а скажи ему, чтобы он перестал осуждать ближнего и замолчал. Или же скажи ему так: "Я, брат мой, сам повинен осуждению, и не могу судить другого", — и сим ты и себя, и его спасешь от греха. Ложась в постель свою, вспоминай свой гроб и говори сам себе: "Даст ли мне Бог

завтра встать с одра или нет?" И прилежно молись своему Творцу прежде, чем заснешь, — избегай грешных помыслов, да воспримешь вечные блага от Господа Бога, Ему же слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(Поучение из "Пролога")

Хромец и слепец

Был некий домовитый человек; он насадил вертоград, обнес оградой, ископал точило, устроил и ворота, но не затворил входа. Возвращаясь домой, он сказал: "Кого оставлю я сторожем моего вертограда? Если оставлю кого-либо из служащих мне рабов, то, зная мою снисходительность, расточат они мое добро. Вот что сделаю: приставлю к воротам слепца и хромеца, — так что если кто из врагов моих захочет окрасть мой вертоград, то хромец увидит, а слепец услышит. Если же кто-нибудь из них двоих захочет войти в вертоград, то хромец, не имея ног, не может проникнуть внутрь, а слепец, если и пойдет, то попадет в пропасть и расшибется". И, посадив их у ворот, дал им власть над всем, что вне вертограда, и пищу, и одеяние приготовил неоскудно, только сказал: того, что внутри вертограда, не касайтесь без моего повеления. И после того ушел, сказав, что возвратится со временем. Долго сидели они, и сказал слепец хромецу: "Что это за благоухание повеваает из ворот вертограда?" Отвечал хромец: "Внутри вертограда есть у Господина нашего много доброго и несказанно приятного на вкус. Но так как Господин наш премудр, то он посадил тебя, слепого, и меня, хромого, так что не можем достигнуть и насытиться тех добрых плодов". А слепец сказал в ответ: "Что же ты давно не сказал мне этого, чтобы мы не оставались при одном желании, но пошли и завладели тем, что у нас под руками? Хотя я и слеп, но имею ноги и силен, могу носить и тебя, и бремя; бери корзину и садись на меня, я тебя буду носить, а ты показывай мне путь, и обретем все блага Господина нашего". — "Если же, — прибавил слепец, — придет сюда Господин наш и спросит о воровстве, то я скажу: ты знаешь, Господин, что я слеп. Если же спросит тебя, ты скажи: я хром и не могу войти внутрь вертограда. Так мы перехитрим своего Господина и сами возьмем себе награду за сторожевую службу". И вот воссел хромец на слепца и достигли внутрь вертограда, обокрали все бывшие там плоды Господина своего. И пришел человек этот и, увидев, что его вертоград обокраден, счел нужным разлучить слепца от хромеца, и повелел сначала привести слепца, чтобы его допросить. "Не поставил ли я тебя, — сказал Господин, — как доброго сторожа моему вертограду; зачем же ты его обокрал?" — "Господи, — отвечал слепец, — ты знаешь, что я слеп и без водящего меня не вижу, куда идти, я не слыхал, чтобы кто-нибудь шел мимо меня в ворота. Но я думаю, Господи, что воровал хромец". Тогда повелел Господин блюсти слепца, где сам знал, пока не призовет хромеца и будет судить обоих. Затем Господин призвал хромеца и поставил его на очную ставку со слепцом, и начали они обличать друг друга. Хромец говорил слепцу: "Если бы ты меня не носил,

никак бы я не мог при своей хромоте добраться туда". Тогда Господин сказал: "Как вы крали, так и теперь пусть всядет хромец на слепца". И когда хромец всел на слепца, то Господин приказал перед всеми рабами своими немилостиво казнить их и мучить в мрачной темнице; там будет плач и скрежет зубов.

Разумеете же, братие, толкование сей притчи. Человек домовитый — Бог, Творец всяческих. А вертоград — это земля и мир сей. А оплот вертограда — Закон Божий и заповеди. А слуги, сущие с Господом, — Ангелы. Хромец — тело человека, а слепец — душа его. А что Господь посадил их у ворот — это значит, что он отдал во власть человека всю землю, дав ему закон и заповеди. Когда же человек преступил заповедь Божию, за это осужден на смерть, то сначала душа его приводится к Богу и оправдывается, говоря: не я, Господи, но тело согрешило. Поэтому и нет мучения душам до второго пришествия, но они блудятся, где Бог знает. Но когда Господь придет обновить землю и воскресить всех умерших, как предрек Сам Христос, тогда *«все сущии во гробех услышат глас Сына Божия и оживут, ...и изыдут сотвориши благая в воскресение живота; а сотвориши злая, в воскресение суда»* (Ин. 5; 28,25,29). Тогда души наши внидут в тела, и каждый получит воздаяние сообразно с своими делами: праведники — вечную жизнь, а грешники — бесконечную и бессмертную муку. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

(Притча святого Кирилла, епископа Туровского)

57. Бойся осуждать иереев Божиих

Не осуждайте, говорит Господь, и не будете осуждены. Слышал я от многих: "Горе мне! Как мне спастись? Поститься я не могу, не спать — тоже, быть девственником я не в состоянии, уйти из мира в пустыню не в силах, милостыню творить — ничего у меня нет, — не знаю, как я могу спастись!.." Такому человеку я отвечаю: прости, и тебе будет прощено; не осуждай, и не будешь осужден — вот чем ты можешь спастись. Если у тебя ничего нет из имений, если твое тело не в силах понести труды, то не осуждай, хотя бы ты и своими очами видел кого-либо согрешающим — вот тебе средство ко спасению! Един Бог есть Судия всех, Он каждому воздаст по делам его. А кто судит чужие грехи, тот противник Самого Христа, он и называется антихристом, ибо присваивает себе Суд Христов. Когда ты видишь брата согрешающим, то ведь не знаешь, в каких делах проведет он остальную жизнь свою. Разбойник, со Христом распятый, был человекоубийца, а Иуда — ученик и Апостол Христов, и притом один из самых близких к Нему учеников, и в самое краткое время какая произошла с ними перемена! Разбойник вошел в Царствие Божие, а ученик — в погибель... Посему-то и не должно осуждать человека, как бы он грешен ни был: ведь он брат тебе; где тебе знать, хороши ли его дела или худы? Часто бывало, что многие согрешали явно, а покаяние прилежное приносили втайне; и мы видели, как

они согрешали, но их покаяния и обращения к Богу не видали; так что мы осуждаем их, как грешников, а Бог оправдает их, как праведных. Итак, умоляю вас, не будем никого осуждать! И особенно бойся осуждать иерея Божия в его явных или тайных прегрешениях, о которых приходится тебе слышать; не дерзай говорить: "Он грешник, а приступает к совершению таинств, и потому не нисходит благодатный дар Святого Духа", — ничего подобного не смей и в уме помышлять. Иерей Божий есть сам судья и испытатель таин сердечных. Пойми же, что иерей, во всяком случае перед Богом, выше тебя, и предоставь Суд Судие Праведному. Если иерей и согрешил в чем-либо, то он согрешил против Божественных повелений, а ты в чужих делах не судья и не исследователь. Знай свою меру и свой чин. Ты скажешь: разве не подлежит и сам иерей церковному суду и канонам? — Конечно, подлежит, но не твое дело судить его или допрашивать, — это дело Божие, или дело поставленного Богом святителя (епископа). Ты — овца: как же смеешь судить своего пастыря? Зачем предвосхищаешь, как фарисей, Суд Божий и судишь священный сан? Ведь Бог тебе не поручал сего, не давал на то права. Посему умоляю тебя, не осуждай никого, а особенно иерея Божия. С верой и с великим страхом, с истинным покаянием и с чистой совестью приступай к Божественным Таинам и касайся святости их. Ибо если бы даже и Ангел Божий приносил святую безкровную жертву, а ты причащался бы от руки его Святых Таин недостойно, то тогда и сам Ангел не очистил бы тебя от греха, как и Писание о сем свидетельствует. Иуда принял от Самого Владыки Христа Пречистое Тело Его, но причастился недостойно, и за то тотчас же вошел в него сатана, от которого да избавит нас Господь Бог. Аминь.

(Из поучений преподобного Анастасия Синаита)

Святые Таинства не теряют своей силы от недостойнства совершающего их иерея

Недаром так усердно просил Бога псалмопевец: *«не уклони сердце мое в словеса лукавствия нещевати вины о гресех»*. Все мы, грешные, стараемся подыскать оправдание своим слабостям и порокам; а самое обыкновенное оправдание у нас, что "не мы одни грешники", что "вот и пастыри наши, наши отцы духовные, такие же грешники, да еще, пожалуй, и похуже нас". А наше ли дело судить своих пастырей? Господь заповедал слушаться даже лицемерных фарисеев: *«...вся елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите: по делом оке их»* — и только по делом их — *«не творите»* (Мф. 23; 3). А наши пастыри, слава Богу, еще не фарисеи; если и есть у них какие-либо немощи, то ведь они не Ангелы, — они такие же люди, как и мы, с такими же слабостями и недостатками... Что же? если они, как люди, согрешают, то неужели не следует и слушать их? Они возвещают нам не свое слово, а слово Божие: Сам Господь сказал Своим Апостолам, а через них и всем пастырям Церкви: *«...слушали вас, Мене слушает: и отменяйся вас,*

Мене отмається» (Лк. 10; 16). Стало быть, кто повинуется своему духовному отцу, тот повинуется Самому Христу, а кто не слушает своего духовного отца, кто осуждает его немощи, — тот не слушает Самого Христа!

Вот если бы не имели силы таинства, совершаемые немощными иереями, тогда, пожалуй, позволительно было бы нам сетовать на их немощи, и то — только скорбеть и сетовать, а не судить и осуждать. Но этого, слава Богу, нет и быть не может... Как бы грешен не был иерей — совершитель таинства, самое таинство имеет для нас, грешных, всю спасательную свою силу. Ведь таинство совершает иерей не своей силой, а силой благодати Божией, данной ему в рукоположении через епископа; лучше сказать, таинство совершает Сам Бог, а иерей — только видимое орудие Божие в этом важном деле благодати Божией. Послушаем одно древнее сказание, записанное святыми людьми для душевной нашей пользы и назидания.

Один вельможа в Палестине купил себе раба, мальчика, родом из Скифии, и отдал его священнику, который служил в его домовый церкви. Мальчик обучился грамоте и стал прислуживать священнику. Раз вельможа спросил его: "Христиане скифы или нет?" — "Нет, господин, — отвечал отрок, — они не знают Христа, и я, кажется, не крещен". Тогда вельможа поручил священнику окрестить отрока, что тот и исполнил. Новопросвещенный пришел к своему господину, по обычаю держа в руках зажженную свечу. — "Поди, призови крестившего тебя", — сказал вельможа. Отрок пошел, но скоро возвратился и сказал, что того, кто крестил его, уже нет в церкви. Три раза господин посылал его в церковь, но мальчик каждый раз возвращался с тем же ответом. Тогда удивленный вельможа обратился к другому рабу и сказал: "Поди ты, позови священника". Тот пошел, застал священника еще в алтаре (он потреблял Святые Дары) и пригласил его к вельможе. Тогда господин сказал новокрещенному: "Как же ты говорил, что нет в церкви крестившего тебя? А это кто же?" — Отрок отвечал: "Истинно говорю тебе, господин мой, что этот священник не крестил меня; тот, кто совершал надо мною крещение, имел лицо, подобное молнии, он весь сиял, точно солнце, он же совершал и Божественную литургию. И когда он служил, то сей священник стоял за дверями церковными, связанный железными оковами по рукам и ногам, а двое каких-то черных держали его все время, пока светоносный муж совершил литургию". Еще более удивился этому вельможа, в страхе отвел он священника в свою опочивальню и спросил его, что все это значит? Тогда священник со слезами упал к ногам вельможи и сказал: "Вижу, что Господь не утаил от тебя истины, господине мой, поэтому и я скажу тебе всю истину о себе. Когда я был в своем родном городе, то, по действию врага, впал в тяжкий грех. Узнал о том мой епископ и наложил на меня запрещение — не совершать службы Божией. А я человек бедный, без служения мне нечем было жить, и вот я ушел сюда. Ты, господин мой, сжалился над нищетой моей и принял меня в свой дом. И я, окаянный, попирая свою совесть и забывая о вечной муке за нарушение Божественных правил, и доселе служил, как прежде...". Тогда вельможа посоветовал ему

удалиться в монастырь, чтобы там принести покаяние в своем тяжком согрешении, что тот и исполнил.

Итак, нет нам, братие, никакого извинения в осуждении всякого человека, тем паче — иерея Божия! Лучше подумаем: сами-то мы можем ли сказать о себе, что достойно приступаем к Святым Таинствам, которые совершает для нас иерей, нами осуждаемый?..

58. Цветы

Знают весну по цветам, как лето по колосьям; лето жатвою красно, осень плодами богата, зима, как девица цветами, украшается снегами, а весну знают по цветам! И Господь наш велит нам смотреть на эти цветы: *«смотрите,- говорит, крин сельных, как растут!»*(Мф. 6; 28). Слово "крин " означает лилию, эту царицу цветов, и когда говорится в Евангелии: *«смотрите крин сельных»*, — это значит то же, что — "смотрите на полевые цветы". Велит нам Господь наш смотреть на полевые цветы для того, чтобы мы получали от них некую духовную пользу, ибо как пчела, летая по цветам, собирает с них мед, так и мы, взирая не телесными только, но и душевными очами на цветы, соберем духовную сладость, научимся некоему познанию.

Во-первых, Господь наш, поучая нас нестяжанию или, лучше сказать, тому, чтобы мы не заботились слишком о приобретении имений, о пище, об одежде, об украшениях, о богатствах, — велит нам смотреть на полевые цветы, как они растут: *«не труждаются, не прядут»*, а Бог их так одевает. Не подумай, что Бог этими словами запрещает трудиться и иметь житейские попечения, — нет: Он и Адаму повелел иметь пропитание от труда рук своих и добывать себе хлеб в поте лица. Он запрещает только излишнее попечение, которое бывает соединено со грехом и опасностью, Господь говорит о тех, которые не надеются на Промысл Божий, ненасытно ищут обогащения, забывают Бога и обижают своего ближнего грабежом, воровством, разбоем и всякими неправдами: вот таким-то Бог и велит смотреть на птиц, Богом питаемых, на цветы, Богом одеваемые, и полагаться более на Его Святой Промысл, чем на свои попечения. Так и святой Златоуст рассуждает: "Бог не запрещает нам трудиться — ибо и святой Апостол говорит: *«праздный да не яст»*; Бог повелевает только не полагаться во всем на свои заботы, не забывать Его Самого. Мы должны трудиться по мере сил наших, а о спасении душ наших стараться со всем тщанием, со всей чистотою". Так говорит святой Златоуст.

Смотреть на цветы полевые Господь велит еще и для того, чтобы мы познавали суету и скоротечность этой нашей жизни. Помните, что говорит Давид: *«Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный тако оцветет»* (Пс. 102; 15); и еще: *«...утро яко трава мимоидет, утро процветет и преидет: на вечер отпадет, ожестеет и исхнет»* (Пс. 89; 6). Вся жизнь наша, как будто один день, как день имеет утро и вечер, так и в жизни нашей: утро — это рождение наше, а вечер — кончина смертная. В этом-то дне, то есть в

жизни, мы как будто трава, по слову святого апостола Петра: *«зана всяка плоть яко трава»* (1 Пет. 1; 24). И что в траве — цветок, то в плоти нашей — дыхание наше; и как цветок травы утром расцветает, к вечеру отцветает, увядает, отпадает, так и жизнь наша: человек рождается и уже приближается к смерти; едва расцветает, как уже и отцветает; с минуты своего рождения, как от утра дневного, он идет к вечеру смерти; едва восходит, как уже начинает склоняться к своему западу!

И в такой-то краткой жизни нашей что другое можно видеть, как только траву и цветы, скоро увядающие? Посмотришь ли на красующуюся молодость? — Это цветок, которому нечего ждать, кроме того, что ему скоро придется поблекнуть! Взглянешь ли на цветущие красотой лица? — И это цветок, в тот же день увядающий и в прежнее состояние безобразия обращающийся. Видишь ли человека, телом бодрого, сильного, здорового? Опять — цветок, который из-за какого-нибудь маловажного случая тотчас потеряет и силы, и бодрость, и здоровье. Смотришь ли на богатство и роскошь? И это все цветок, который может исчезнуть за одну ночь, по слову Господа: *«Безумие, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал ему кому будут»* (Лк. 12; 20)? Видишь ли великую славу человеческую? И она — цветок, по слову Апостола: *«...всяка слава человека, яко цвет травный: изше трава и цвет ея отпаде»* (1 Пет. 1; 24), умрет человек, и слава его погибла... Когда он умирает, то все оставляет, и не сходит с ним слава его!..

И как из цветов редкий приносит плод, пригодный для пищи человеку, — большей частью они услаждают только зрение человека, и то немного, — так и с цветка бедной души нашей редко собираются духовные плоды добродетелей: большей частью человек насладится временной сладостью греха, но и та обращается для него в вечную горечь, ибо то, что услаждает, — временно, а то, что причиняет горечь, — вечно. Да и какого плода можно ожидать от красоты юности, от цветущих лиц, кроме гноя, червей и смрада в гробу? Что за плод от богатства и роскоши, кроме хлопот, печали и слез, как говорит святой апостол Иаков: *«Приидите ныне богатии плачтитеся и рыдайте... богатство ваше изгни, и ризы ваши молие поядоша!»* (Иак. 5; 1, 2). Какой плод будет от почестей, славы и роскошной жизни, кроме ононого рыдания, записанного в книге Соломоновой, рыдания, которым рыдают грешники по смерти: *«Что пользова нам гордыня? и богатство с величием что воздаде нам? Преидоша вся она яко сень, и яко весть претекающая: яко корабль преходяй волнующуюся воду... или птицы прелетающая по воздуху!»* (Прем. 5; 8-11). Вот пустоцвет кратковременной, жалкой жизни нашей!

Да! Непрочна красота цветов, — недолга жизнь наша! Иисус, сын Сирахов, берет столетнюю жизнь человека и сравнивает эти сто лет с одной каплей воды: *«число дней человеку, — пишет он, — много лет сто: яко капля морския воды... тако мало лет в день века»* (Сир. 18; 8). Слышите, что он говорит? Сто лет жизни человеческой столь же ничтожно в сравнении с вечностью, как одна капля воды в сравнении с целым морем! По нашему

мнению, сто лет — долгая жизнь, и мы удивляемся, когда слышим, что кто-нибудь дожил до ста лет, а по мнению сына Сирахова, и в самом деле это так, — столетняя жизнь есть только одна капля воды! Да если бы кто и тысячу лет прожил, и то было бы ничтожно, и то — капля воды! Почему? А потому, что за временной жизнью настает вечная, бесконечная жизнь; в этой жизни все минувшие века, сотня и тысячи лет будут казаться одной каплей, мимолетным сновидением, которое человек по пробуждении тотчас же и забывает. Взвесь одну каплю в сравнении с целым морем: много ли в капле весу будет? Сравни сто или тысячу лет с бесконечной вечностью: долог ли век покажется? — разве одним днем, по слову псалмопевца: *«тысяща лет пред очима Твоима, Господи, яко день вчерашний, иже мимо иде»* (Пс. 9; 5)! Вот как кратковременна жизнь наша, которой мы наслаждаемся как красивым цветком, а того и не думаем, что этот цветок скоро, скоро завянет!

Но я опять обращаюсь к словам Господа: *«...смотрите крин сельных, како растут»*. Как же растут сельные крины — цветы? Они растут и раскрываются к небу. Не к земле трава обращает свой цветок, а разворачивает его к небу, раскрывает, распростирает внутренности свои, будто хочет показать их лицу небесному, или, лучше сказать, — Самому Создателю Богу. А Господь наш велит нам смотреть на это и учиться у цветов тому, чтобы наши помыслы сердечные, наши желания, наши привязанности обращать не к земным пристрастиям, но к Единому Богу, чтобы любить не тварь, а Творца, желать не земного, но небесного, искать не дольних, но горних. Вот почему Он и говорит: *«смотрите крин сельных»*, — как бы говоря: пусть самые цветы полевые будут служить вам примером, о люди! пусть они будут для вас наставниками и учителями Богомыслия, Боголюбия и Богослужения!

Если человек, по слову псалмопевца, *«яко трава»*, то помыслы в сердце будут *«яко цвет»*, или листочки цветов. Вот их-то человек и должен раскрывать Богу, Создателю своему, о Нем, едином, всегда помышлять, Его, единого, в своих помыслах содержать. У кого сердце и ум расположены к сему, у того и цветы эти не останутся без плода, но принесут плод воистинну божественный: кто всегда помышляет о Боге, тот любит Бога, кто всегда мыслит о земном, тот любит землю. Кто что любит, тому и сам подобен!

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

59. Что такое заповеди Церковные?

«Слыши, сыне, наставление отца твоего, и не отрини заветов матери твоея» (Притч. 1;8).

Это слово Премудрости, братия, прилично обратить к каждому сыну Церкви Православной: *«Слыши, сыне, наставленные, или повеление Отца твоего — Бога, и не отрини заветов матери твоея»* — Святой Церкви. Так, христиане, есть заповеди Божии, необходимые для спасения, есть и заповеди Церкви, также спасительные и благотворные. Как Мать, пекущаяся о спасении нашем, Церковь знает и все нужды, и все немощи наши, и для

нашего же блага дает нам свои материнские наставления, свои заповеди, и, подобно Господу своему, говорят нам: *«Аще любите мя, заповеди моя соблюдайте»* (Ин. 14; 14). И мы обязаны почитать и любить Святую Церковь, мы должны повиноваться ей. Если послушный сын не отвергает наставлений своей матери плотской, то как же можно отвергать завещания духовной Матери нашей, Святой Церкви Православной, блюстительницы нашего спасения, руководительницы к Царствию Небесному? Неразумно некоторые говорят: довольно нам заповедей Божиих; для чего еще заповеди церковные? зачем прилагать новые тяжести к прежним? — Чтобы не думать так и не говорить, познаем, что такое эти заповеди церковные. 1). Это не какие-либо новые заповеди, не такие, на которые не было бы указания в самых заповедях Божиих. Заповеди Церкви не только согласны с заповедями Божиими, но суть те же самые заповеди, только более подробно объясненные. Так есть Божественная заповедь о посвящении особенных дней для богослужения, а церковь и назначает эти особенные дни, требует от нас участия в ее богослужении общественном, — где же тут новая заповедь? Не та же ли это заповедь Божия, только более раскрытая и объясненная? Есть заповедь Господня: *«покайтесь»*. А Церковь назначает известные времена и дни для покаяния, в эти дни заповедует пост, не позволяет совершать торжеств брачных. Где же тут что-либо новое, не подходящее под общую заповедь Господню? Церковь говорит как бы так: чада! нам заповедано молиться и освящать известные дни богослужением, идите во храмы мои, где я все приготовила, что нужно для богослужения. Нам велено совершать покаяние: вот и для этого указываю вам время и способ, примите мои правила, уже освященные, испытанные, верные. Кто скажет после сего: зачем это? Кто назовет все это новостью? 2). Церковные заповеди не трудны для ревнителей благочестия и для того даются, чтоб облегчить нам исполнение заповедей Божиих. Церковь в своих правилах соображается и с возрастом, и с состоянием чад своих. К Великому, например, посту она prepares нас постепенно, возвещает о нем заранее, в самый пост оглашает нас умиленным пением, поучает примерами святых, руководит молитвами и особенными священнодействиями, в некоторые дни облегчает пост. Что же тут трудного? Заповеди Святой Церкви — это истинно материнские завещания! Мать ничего не требует от детей, что выше сил их. 3). Да если и есть какой труд в исполнении заповедей Церкви, то он с преизбытком вознаграждается духовной пользой, какую доставляет послушным. Ты, послушный сын Церкви, приучаешь себя с детства посещать святой храм, изучаешь молитвы и все богослужение, ты привыкаешь в постные дни ограничивать свои похотения чувственные; этим послушанием Церкви ты полагаешь основание всем добродетелям христианским. И исполняется слово Господне: *«верный в мале и во мнозе верен есть, а неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть»* (Лк. 16; 10). Если кто не радит о сохранении заповедей церковных, то можно ли поверить, что он — строгий наблюдатель заповедей Божиих? Посмотрите на людей благочестивых: они свято чтут

предписания Святой Церкви, они любят ее богослужение и собрания, ее обычаи, ее книги и песнопения. Чада Церкви Православной! Не верьте "разумным" нынешнего века, будто нет греха в нарушении уставов Святой Церкви! Так могут думать только те, которые не знают или не хотят знать ее духовной власти над нами. Церковь облечена силой и властью Христовою, имеет ключи Царства Небесного; что разрешает или связывает она на земле, то разрешается или связывается на Небеси. Пастырям ее сказал Господь: «*Слушали вас, Мене слушает, и отменяяйся вас, Мене отменяется*» (Лк. 10; 16). О власти церковной вообще сказано: «*...аще и Церковь кто преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь*» (Мф. 18; 17), т.е. тоже, что нехристианину. Значит, если ты не покоряешься уставам церковным, то не покоряешься власти апостольской, власти Христовой; тогда, если не обратишься, все источники спасения, открытые в Церкви, заградятся для тебя, и ты останешься вне ковчега спасительного, ибо вне Церкви, как вне ковчега Ноева, нет спасения.

Постараемся же, братия, лучше познать заветы Матери нашей, Святой Церкви. Нарочитых заповедей церковных обыкновенно считается девять. *Первая заповедь* предписывает совершать богослужение в известные времена и по особенному чину или уставу церковному. *Вторая заповедь* повелевает молиться за пастырей, Церкви, за царя, за начальников и всех православных христиан, живых и усопших. *Третья заповедь* предписывает особенные молитвы на разные случаи, бедственные и радостные. *Четвертая заповедь* поучает, когда и как должно поститься. *Пятая заповедь* повелевает исповедывать грехи перед священником. *Шестая заповедь* запрещает иметь общение с еретиками. *Седьмая заповедь* требует особенного уважения и послушания духовным отцам. *Восьмая заповедь* повелевает совершать браки только во времена, дозволенные Церковью и удаляться всяких бесчинств. *Девятая заповедь* предписывает почитать святыню и любить благолепие храмов Божиих.

Вот, возлюбленные, те девять заповедей, какие должно особенно наблюдать православным христианам из любви к Матери своей, Святой Церкви Православной. Все они спасительны, все согласны с заповедями Божиими, и мы при самом Крещении обязались все их исполнять, когда обязались веровать во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Аминь.

(Из "Воскресного чтения", 1852)

Пример строгого соблюдения уставов Церковных

Юный Савва, впоследствии названный Освященным, трудился однажды в виноградном саду, очищая лозы виноградные, окапывая корни их и поливая водой, которую сам издалека носил с великим трудом. Опаляемый жаркими лучами восточного солнца, обливаемый собственным потом, он, как отрок, почувствовал большой голод и жажду, прислонился под тень ближнего

яблоневого дерева и поднял разгоряченное чело свое к небу. На вершине дерева Савва увидел прекрасное спелое яблоко, которое теперь было очень полезно ему для подкрепления сил, для утоления жажды и голода. Юный садовник сорвал яблоко и хотел вкусить, но вдруг ему пришло на мысль, что время, определенное уставом церковным для употребления плодов, еще не наступило, и что нет на то позволения от начальника. "Соблазн! — сказал себе Савва, рассматривая обольстительный плод. — Вот также и райское яблоко было красиво и хорошо, но оно погубило моих праотцов, они вкусили его и преступили через то заповедь Божию. Не то же ли и я хочу теперь сделать, что сделали наши прародители в Раю? Ведь и мне запрещено Святой Церковью вкушать теперь сей плод!.. Нет, во всю жизнь мою до самой смерти не буду есть яблок за то, что это яблоко соблазнило меня и чуть не сделало преступником моего устава!" И, несмотря на томительный голод и жажду, мудрый отрок бросил искусаительный плод на землю и повел жизнь самую воздерженную и осторожную, каждую мысль свою, каждое чувство и деяние подвергая строгому разбору и самоосуждению. Конечно, он не хуже многих других знал, что яблоки вкушать не грех; помнил даже апостольское слово, что труждающемуся делателю прежде подобает вкушать от плодов труда своего, но устав Церкви, который впоследствии сам образовал, он предпочел и голоду с жаждой, и красоте зрелого плода.

60. Златое слово старины. О том, как жить по-Божии

Чем был цельный русский человек древней Руси в своем отношении к Церкви Православной, в своей семейной жизни, которая справедливо именовалась церковью домашней, в отношении к согражданам и к службе царской, как верноподданный своего законного государя, — все сие явно видно из предлагаемого (в переложении на современную речь) духовного завещания благовещенского иерея Сильвестра, духовника и воспитателя, друга и советника царя Ивана Васильевича в его юношеском возрасте, в счастливые для России первые годы его царствования. Истинно русские люди и ныне в своей жизни, сколько для них возможно, следуют тем же самым правилам, которые начертал Сильвестр для своего сына на основании личного опыта и глубокого изучения коренных основ русской народной жизни. Справедливо заметить, что в нравственных основоположениях сие завещание сходно, с одной стороны, с завещанием князя Владимира Мономаха своим детям, с другой, — крестьянина петровских времен Ивана Посошкова.

Милое чадо мое, дорогое! Послушай наставлений отца твоего, родившего тебя и воспитавшего в добром обучении и заповедях Господних. Блюдися от неправедного имения и твори добрые дела. Имей, чадо, великую веру в Бога и все упование возлагай на Господа: никто, надеющийся на Христа, не погибнет. Прибегай всегда с верой к святым Божиим церквам, особенно в воскресные и праздничные дни; заутрени не просыпай, обедни не

прогуливай, вечерни не опускай; молись каждый день и у себя дома, — это долг каждого христианина. А в церкви Божией и дома на молитве стой со страхом, и жену, и детей, и домашних тому же учи, чтобы Богу молились и слушали службу Божию с вниманием, не смели бы в то время ни о чем беседу вести и по сторонам без нужды не озирались. Священнический и иноческий чин почитай, они — Божии слуги, через них мы очищаемся от грехов, они имеют дерзновение молиться Господу о грехах наших и умилоствлять Бога. Повинуйся, чадо, отцу духовному и всякому священническому чину во всяком наставлении духовном, и жена твоя пусть поступает также. Призывай их в дом свой, чтобы молились о здравии за царя, за царицу и чад их, и за весь царствующий дом и палату, и за священнический чин и монашеский, и за всех христиан; твори молитвы и о прощении твоих согрешений и за домочадцев твоих; пусть иереи и воду святят с Животворящего Креста и святых мощей, и святых икон чудотворных; в случае болезни они же во здравие и освященным елеем помазуют. И в церквях Божиих также поступай: приходи туда с милостыней и с приношением за здравие, а по преставившимся поминовение совершай, — за то и сам будешь помянут у Бога. Церковнослужителей и нищих, маломощных и бедных, скорбных и странных приглашай в дом свой; и по силе каждого накорми, напои и обогрей; подавай и милостыню от своих трудов праведных и дома, и на площади, и на дороге: ею очищаются грехи, ведь нищие — это ходатаи перед Богом о грехах наших. Живи, чадо, во всем по правде и имей ко всем любовь нелицемерную, никого ни в чем не осуждай, свои грехи обсуждай, как бы избавиться от них. Чего сам не любишь, того и другому не твори; и храни целомудрие паче всего; да наступи на самолюбие свое, как на лютого врага, и возненавиди, как милого, но душевредного друга, хмельное питье. Господа ради удали ты от себя пьянство, в нем все недуги, от него все привычки худые... Если от сего сохранит тебя Господь, то все доброе и полезное получишь от Бога, и у людей будешь в почете, и душе твоей откроешь очи на все добрые дела. Вспомни, чадо, слово апостольское: *«ни блудницы, ни прелюбодеи, ни лихоимцы, ни татие, ни пияницы, ни хищницы, Царствия Божия не наследят»* (1 Кор. 6; 9, 10). Если ты побежден какой-либо страстью или впал в какой-либо грех, то прибегни, чадо, к Богу с теплой верой и к отцу духовному с горькими слезами; плачь о грехах твоих и приноси искреннее покаяние, чтобы потом уже не делать сих грехов, и соблюдай то, что заповедует тебе отец духовный, и понеси епитимью: Господь милостив, Он праведных любит и грешных милует, и всех зовет ко спасению. Удерживай язык твой от зла, уста твои, чтобы не говорить лести; храни себя от лжи, от излишних похвал и клеветы, ни чем не гордись, но считай себя самым последним человеком и увидишь славу Божию. Никого не презирай, чадо, в нужде, не забывай, как мы, твои родители, жили: никогда никто не уходил из дома нашего скорбный или с пустыми руками; по силе всякому, в чем нуждался, подавали ради Бога и скорбного добрым словом утешали, а нам

Христос невидимо посылал милость Свою, обилие всяких благ. А зла мы никому и не мыслили делать, разве случалось когда без умысла, от неразумения. Люби, чадо, чин монашеский и всегда принимай, и питай странников в дому твоём; и в монастыри ходи с милостыней и приношением; посещай и заключенных в темницах, а равно и убогих, и больных, и подавай им по силе милостыню. Домочадцев своих одевай и корми досыта, а жену свою люби и живи с ней по закону, как Господь заповедал. По воскресеньям, средам и пятницам, и в праздники Господни, и посты — в чистоте себя сохраняйте, пребывая в посте и молитве, в покаянии и всякой добродетели. Законное сожителство — во славу Божию, а любодеев и прелюбодеев судит Бог. И что сам делаешь, чадо, тому и жену учи, — учи ее страху Божию, всякому приличию, занятию и рукоделию, домашнему хозяйству и всякому порядку, чтобы умела она сама и пищу изготовить, и по дому распорядиться, и всякое рукоделие женское знала; если сама все знает и умеет, то сумеет и детей, и прислугу всему научить, во всем распорядиться и указать; да чтоб сама хмельного питья отнюдь не касалась, и дети, и прислуга у нее не знали бы его; чтоб без дела жена ни на час не оставалась, кроме немощи, и прислуга у нее тоже. А если будет она в гостях или у нее гости, то чтобы отнюдь вина не пила, а со своими гостями вела бы беседу о рукоделии да о домашнем хозяйстве, и о законном житии христианском; по-пустому не смеялась бы и пересудами не занималась. Ни дома, ни в гостях, ни себе самой, ни прислуге не позволяла бы песен бесовских и срамословия, непристойных речей и дурных поговорок, и с ворожеями и гадалками вовсе не зналась бы: таковых людей и в дом не следует пускать. Если жена не слушает тебя, построже вразуми и пригрози, но не гневайся на нее, и она на тебя; поучи ее наедине, а потом и приласкай, и жалуй, и люби ее. Учи также и детей своих, и домашних всех страху Божию и всем добрым делам: ведь ты за них ответ дашь в день Страшного Суда. Крепко держись, чадо, добрых людей, в каком бы звании они не были, подражай их добродетелям, слушай их слово доброе и исполняй его. Читай чаще Писание Божественное и полагай его на сердце на пользу себе. — Ты сам видел, чадо мое, как мы жили в страхе Божию, в простоте сердца, любили мы Церковь Божию и Божественным Писанием себя пользовали; и все по милости Божией нас уважали и любили, и мы старались каждому, в чем нужно, угодить и рукоделием, и службой, и покорностью, а гордости и прекословия всячески избегали. Никого мы не осуждали, ни над кем не смеялись, никого не укоряли, ни с кем не бранились. Если приходила от кого обида, — мы терпели ее Бога ради, и вину на себя же принимали, а через то и враги делались нам друзьями; и если в чем согрешал я перед Богом или добрыми людьми, тотчас же оплакивал я грех свой, и калялся со слезами перед отцом моим духовным, с умилением прощения просил и его наставления духовные с любовью хранил, чтобы он не приказывал мне. А если кто обличал меня в моем прегрешении или в неведении, или если кто смеялся надо мной и поносил меня, все сие я с любовью принимал и на себя только смотрел, и

если за дело меня обличали, то каялся в том и потом отвергался то делать при Божией помощи; а если неповинно и без дела меня порочила худая молва, или смеялись надо мной, а иногда даже и били меня, и в том я винил только себя одного и перед людьми не оправдывался, а думал про себя: Бог все сие исправит Своим праведным милосердием, — и вспоминал при сем слово Евангельское: *«Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите кленущия вы, и молитесь за творящих вам обиду. Бьющему ты в ланиту, подаждь и другую: и от взимающего ти ризу, и срачицу не возбрани. Всякому просящему у тебе, дай; и от взимающего твоя, не истязуй»* (Лк. 6; 27-30). Вспоминал и молитву оную: "Господи, даждь милость ненавидящим мя и враждующим на мя, и поношающим ми; такожде и оклеветающим мя; да никтож от них, николиже мене ради нечистаго и грешнаго зло постраждет, ни в нынешнем, ни в будущем веце, но очисти их милостию Своею, и покрый их благодатию Своею, Благий!" — Вот чем я всегда утешал себя. — От самой юности моей и доселе я никогда не опускал ни одной службы церковной, кроме немощи. Ни нищего, ни странного, ни скорбного, ни убогого я никогда не презирал, разве когда по неведению... Ты сам видел, чадо мое, сколько круглых сирот и бедняков и в Новгороде, и здесь, в Москве, я кормил и поил до совершенного возраста, и учил их, кто к чему был способен. И мать твоя многих девочек-сирот и убогих вдов воспитывала в добрых правилах и обучала их рукоделию и всякому домашнему хозяйству, а потом, наделив, мы и замуж их повыдали; а молодцов поженили у добрых людей. И все-то они, дал Бог, своим добром домами живут, и кто к чему был способен, в чем Бог благословил его, тем и занимаются. И по милости Божией из-за этих питомцев наших не было стыдно перед добрыми людьми, ни с кем мы из-за них не ссорились, — от сего Бог нас миловал; а если самим нам приходилось от своих питомцев много скорбей и убытков потерпеть, то все это мы на себе понесли, никто о том не слышал, а нам Бог все пополнил. И ты, чадо, тому же подражай и также поступай; на себе всякую обиду понеси и потерпи, а Бог вдвое тебе за то заплатит! Живи, чадо, по закону христианскому, как следует, без лукавства, без хитрости. Только не всякому духу верь: доброму подражай, а лукавых и беспутных бегай. Со всяким тщанием храни законный брак, до самой кончины жизни своей блюди чистоту телесную и, кроме жены твоей, не знай никого. Берегись также недуга пьянственного: в этих двух грехах всякое зло заключается, в них ад преисподний: и дом от них пуст, и имуществу потеря, и от Бога такой человек не жди помилования, и у добрых людей он без чести и в посмеянии, и от родителей проклят! Если, чадо мое, Господь сохранит тебя от сего зла, если ты сохранишь закон супружеский по заповеди Господней и от хмельного питья воздержишься, и поживешь во всякой добродетели, как живут люди богобоязненные, то и от Бога ты будешь помилован и у добрых людей будешь в почете, и дом твой Господь наполнит всякой благодатью. Напомню еще и сие: гостей проезжих у себя корми, с соседями и знакомыми любовно живи, а если куда сам в гости

поедешь, подарки недороги вози за любовь. В дороге, где остановишься, хозяина дома за стол с собой сажай, а беднякам милостыню подавай. Если будешь так делать, то тебя везде будут ждать и встречать, и в путь провожать, да и от всякой опасности сберегут. Во всем этом убытка ведь нет: у добрых людей хлеб-соль — заемное дело, и подарки тоже, а через сие дружба скрепляется навеки, да и слава-то добрая. В дороге и за приятельской трапезой, а также и в торговых делах отнюдь не начинай ссоры, а если кто и обругает тебя, потерпи, Бога ради, и от ссоры уклонись: добродетель всегда пересилит злобу; Господь гордым противится, а смиренного любит и послушному благодать подает. — Если и у домашних твоих случится с посторонними ссора, ты на своих же прикрикни, а если дело далеко зашло, то лучше обвини своего, хоть бы он и оправдывался. Через сие ты ссору покончишь и потерь со враждой избежишь. Своего недруга постарайся напоить и хлебом-солью угостить; вот тебе вместо вражды и будет дружба.

Помни, сын мой, великую милость Божию к нам: от юности и до сего времени я не судился ни с кем, ни с кого ничего не требовал и ни перед кем не отвечал. Сам ты видел: много было у нас всяких мастеров, мы и деньги им давали на работу вперед по рублю и по два, и больше; много между ними было и плутов, и пьяниц, и со всеми ними я всегда рассчитывался без ссоры и смуты, и за сорок лет, дал Бог, ни разу дело не доходило до пристава. Все мирились хлебом да солью, питьем да подачей, добром да своим терпением. Если я у кого что покупал, то у меня с продавцом короткий расчет, без проволочки расплата, да еще хлеб-соль на придачу. За то дружба навек: мимо меня он уж никому не продаст и худого товару не даст. А если кому я сам продавал, то все по любви, а не в обман; кому не понравится мой товар, у того я назад возьму и деньги ему сполна отдам; и вообще в покупке и в продаже у меня ни с кем брани да споров не бывало, и добрые люди мне во всем верили, и свои, и чужие. Никому ни в чем не лгали мы, никого не обманывали — ни в рукоделии, ни в торговле. Ты сам видел: большие дела водил я со многими людьми; да все, дал Бог, без вражды кончалось. Сам знаешь, не богатством жили с добрыми людьми, — правдой, лаской, да любовью, а не гордостью, и без всякой лжи. — Умоляю тебя, чадо мое любимое, Господа ради и Пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, читай сие писание мое с любовью и с вниманием, запиши все сие на сердце твоём, поучай сему и жену твою, а также и детей, и всех домашних твоих; всех учи страху Божию и житию добродетельному. И если все сие сам будешь исполнять и научишь сему семейных твоих, то обрящешь у Бога вся благая и жизнь вечную наследуешь вместе с тем, кого ты поучал. А если, сын мой, моего моления и поучения не послушаешь, и не будешь жить, как здесь написано, как живут все добрые и богобоязненные люди, и не станешь соблюдать заповеди твоего отца духовного, не будешь слушать совета добрых людей и Слово Божие не будешь читать, и о домашних твоих не будешь заботиться, — то я за твой грех не буду отвечать: ты сам дашь ответ в день Страшного Суда и за себя, и за жену, и за домочадцев твоих. Но если,

чадо мое возлюбленное, ты сохранишь сии малые заповеди моего нехитрого поучения и пойдешь по нашему пути, и послушаешь меня, и делом будешь то исполнять, то будет на тебе милость Божия и Пречистой Богородицы, нашей Заступницы, и великих чудотворцев Сергия и Никона, и всех святых, и наша родительская молитва, и мое вечное на тебе благословение отныне и до века, и благословляю тебя, чадо мое, и прощаю в сем и будущем веке, и буди на тебе милость Божия, и на чадах твоих, и на всех благодетелях ваших отныне и до века!

А если благословил Бог, и благочестивый и православный царь государь повелел послужить тебе в его царской службе (сын иерея Сильвестра служил при таможенных делах), то умоляю тебя, чадо, и со слезами говорю тебе: Господа ради, помни царское повеление, проси у Бога всей душой и всем помышлением помощи и разумения в царском деле; служи верой да правдой, без всякого ухищрения и лукавства; во всем государевом — другу не дружи, недругу не мсти, чтобы ни в чем не было никому замедления, всякого отпуская с любовью, без ссоры, а не успеешь что сделать, — добрым словом потешь, и в торговле прямой расчет учиняй, дабы служба твоя ни в чем убытка государю не причиняла; сам будь доволен благословенным государевым жалованием; да чтобы все у тебя государево было всегда на счету и в смете, и в записи, на приходе и расходе; с чиновниками будь послушен, с товарищами миролюбив, а к подчиненным строг и любовен, ко всякому человеку будь приветлив, а обиженных и скорбных без всякого замедления отпускай и от себя, по силе их накорми и напои, и милостыню дай, смотря по человеку. А если случится судить кого, то суди без всякого ухищрения, по правде и истине, без замедления, кто бы ни был: богатый ли или бедный, твой друг или недруг, как сказано в Евангелии: *«не на лица зряще, судите сынове человечести, но праведен суд судите: им же бо судом судите, судят вам и в нюже меру мерите, возмерится вам»*. Слава Совершителю Богу ныне и во веки веков. Аминь.

61. Небесная гостья

Однажды в глубокую ночь преподобный Сергий перед иконой Богоматери пел акафист. Часто взирал он на Ее святой образ и усердно молил Матерь Божию о своей обители. "Пречистая Мати Христа моего, — взывал богоносный старец, — моли Сына Твоего и Бога нашего, да призрит Он на святое место сие". Окончив молитву, сел он для отдохновения, но вдруг сказал ученику своему, Михею: "Бодрствуй, чадо! Мы будем в сей час иметь чудесное посещение". Едва сказал он сие, как послышался глас: "Се, Пречистая грядет!" — Услышав сие, святой Сергий поспешно вышел в сени, и здесь осиял его свет паче солнечного, и он узрел Препоблагословенную Деву, сопровождаемую апостолами Петром и Иоанном. Святой пал ниц, но Благая Матерь прикоснулась к нему и изрекла: "Не бойся, избранниче Мой, Я пришла посетить тебя; услышана молитва твоя об учениках твоих, не скорби

более об обители твоей; отныне она будет во всем иметь изобилие, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоём к Богу Я неотступна буду от места сего и всегда буду покрывать его". Сказала Она сие и — стала невидима... Вострепетал старец от страха и радости, а когда пришел в себя, то увидел ученика своего лежащего как мертвого и поднял его. Михей упал к ногам старца и вопрошал его: "Скажи, отче, Господа ради, что за чудное сие виденье? душа моя едва не разрешилась от тела". Но Сергей не мог еще говорить от волнения душевного; только лицо его цвело радостью. Когда старец несколько успокоился, то повелел Михею призвать двух благоговейных мужей из братии — Исаака и Симона, и возвестил им общую радость и надежду. Все вместе совершили они молебное пение Богоматери. Святой же всю ночь пробыл без сна, внимал умом Божественному видению.

По преданию, сие небесное посещение было в пост Рождества Христова, в ночь с пятницы на субботу. Посему и установлено в обители Преподобного Сергия каждую пятницу с вечера совершать всенощное бдение с акафистом Богоматери, в юго-западном притворе Троицкого Собора, на том месте, где, по преданию, была келлия преподобного Сергия, и красуется теперь величественная икона, изображающая сие досточудное пришествие Небесной Гостьи. А каждую субботу после ранней литургии в церкви преподобного Никона, в том же притворе, совершается молебное пение во славу Богоматери, причем поется канон, нарочито составленный в воспоминание дивного Ее посещения, попеременно с двумя другими канонами.

Наша надежда непостыдная

"Не скорби, не заботься об обители твоей: Я Сама неотступно буду при ней, Сама буду покрывать ее", — так вещала Царица Небесная Своему избраннику, смиренномудрому старцу преподобному Сергию. Пятьсот лет с той поры прошло, и Она неизменно держит слово Свое, — цветет и красуется на земле Русской обитель Сергиева, покрываемая благодатным Покровом Матери Божией. Много горя и бед претерпела за эти пятьсот лет Россия многострадальная, не раз опустошали ее полчища татарские, не раз одолевали поляки и литва, самая Москва-матушка не раз была в руках вражеских, но святая Лавра чудотворца Сергия непоколебимо стояла, точно скала, несокрушимая бурными волнами бушующего моря житейского, и сокрушались эти волны бурные о стены смиренной обители Сергиевой! Так, братие, Лавра Сергиева всегда была крепким щитом Русской земли, и Матерь Божия, покрывая благодатным Покровом Своим обитель Сергиеву, покрывала вместе с нею и всю землю Русскую. Отраднo, возлюбленные, особенно отраднo вспомнить сие теперь, когда скорбная мысль наша от минувших бед и скорбей родной земли невольно обращается к бедам и скорбям нашего многоскорбного времени. Кто не ведает, братие, горя нашего лютого? Всему миру известно оно: единоверные нам народы оплакивают вместе с нами нашего царя-мученика, отдаленные чужеземные царства

соболезнуют нам, самые недоброжелатели наши притихли и с ужасом смотрят на то, что творится у нас? Увы, стыд покрывает лица наши, и мы не смеем прямо в глаза смотреть даже неведущим Бога Истинного! Боже наш! Была ли когда-либо скорбь народная лютее скорби нашей? Изныло все сердце наше, исстрадалась душа русская, каждый из нас готов бы охотно сложить голову свою у ног царя-батюшки, только бы избыть эту горькую беду, только бы не видеть того ужасного, позорного, во всем мире небывалого, у самых безбожных народов неслыханного дела, какое совершилось у нас на Руси святой! Нет! и не выскажешь словами всей горечи, которая переполняет и поныне русское сердце, так наболело оно! Видно грехи наши тяжкие вопиют ко Господу, забыли мы Церковь Божию, не хотим знать ее уставов спасительных, оскудела в нас любовь христианская, дети родителей не слушают, родители во всем дурном детям потворствуют, пусты стали храмы Божии, зато на торжищах и в корчемницах шум веселья и лики празднующих... Мудрено ли, что из наших детей выходят безбожники-цареубийцы? У кого бы им доброму научиться, когда сами-то мы делаем все только худое? Вот и грядет на нас гнев Божий, — уже отнял Господь у нас, недостойных, Своего раба верного, нашего царя-благодетеля Александра Николаевича, и ищет скорбная душа наша утешения, и сердце невольно спрашивает: куда прибегнем? где укроемся от гнева Божия, чада Русской земли? Да где же, если не у Матери Божией?! Она всегда заступала землю Русскую, Она и теперь неотступно с нами, — ведь это только мы отступаем от Нее, мы убегаем из-под крова Ее благодатного! Итак, скорее под кров Матери Божией, православные русские люди! Поучимся у малых детей: когда провинятся они в чем-либо перед матерью, то бегут к ней со слезами и, не смея смотреть ей прямо в лицо, укрываются на груди ее... Придем и мы, припадем к благодатной Заступнице рода нашего, в покаянии восплачемся пред Нею о наших тяжких грехах, и Она укроет нас от гнева Божиего. *«Не имамы иным помощи, не имамы инья надежды, разве Тебе, Владычице! Ты нам помози»*, Ты нас заступи, и как древле спасала, так и ныне спаси землю Русскую от лютых врагов ее — богоотступников! Веруем, что о сем умоляет Тебя и избранник Твой, преподобный отец наш Сергей: не ради наших грешных молитв, а ради его святых молитв не отнимай Покрова Твоего, о Мати всех скорбящих, от нашей скорбящей земли! Аминь.

(Поучение на день преподобного Сергия)

62. Наши идолы

Во времена давно минувшие у неразумных людей бездушные идолы почитались за богов, а у нас, грешных, в нынешние времена наши же греховные страсти заменяют богов. Те древние люди в неведении творили грех идолопоклонства, ибо не сиял еще для них свет правды (Прем. 5; 6), а мы просвещены светом Веры Православной, мы знаем, что грешно, что не

грешно, а все грешим и служим страстям нашим, как бы каким-нибудь богам. Те иногда поклонялись идолам поневоле, потому что их заставляли, им приказывали цари и мучители, а нас никто не принуждает, мы по своей доброй воле как усердные рабы служим своим греховным похотениям. Христос говорит во Святом Евангелии: «...всяк творяй грех, раб есть греха» (Ин. 8; 34). О, горе нашему злобному нраву, по которому мы уподобляемся идолопоклонникам, и заслуживаем те же, что и они, и даже еще большие муки! Согрешать в ведении, по доброй воле много хуже, чем грешить неволею и в неведении. А что действительно наши греховные страсти для нас тоже, что для язычников были обоготворяемые ими идолы, сие ясно видно из слов святого апостола Павла, который говорит: «...мнози ходят, ихже многажды глаголах вам, ныне же и плача глаголю, враги креста Христова: имже кончина погибель, имже бог чрево» (Флп. 3; 18, 19). «Таковии Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву» (Рим. 16; 18). Почему же наше чрево заменяет нам Бога? Конечно, потому, что мы угождаем ему, как Богу, и даже еще больше, чем Богу. Ибо не столько мы служим Господу Иисусу Христу постом, воздержанием и усмирением плоти, сколько работаем своему чреву объедением, пьянством и другими удовольствиями плотскими. Точно также должно судить и о прочих страстях греховных: если мы поработаем себя этим страстям, то они — наши боги, о чем говорит и блаженный Иероним, объясняя сие изречение закона Божиего: «*Не буди тебе бог новее*», — "у кого чрево — бог, у того — новый бог, и сколько у нас страстей, сколько грехов, столько и новых богов. Я разгневался, значит гнев у меня — бог; я посмотрел на женщину с вожделением, значит сие вожделение у меня — бог; у всякого, кто что любит, чему поработил себя, то ему и бог". Так говорит Иероним. Чревообъедение и пьянство — вот наш идол Бахус, гнев — идол Марс, блудная страсть — это наша Венера, сребролюбие — вот Навуходносоров идол золотой, а мы, служащие сим страстям, то же, что идолопоклонники. Прекрасно объясняет сие наше злонравное идолопоклонство святой Златоуст: "Не говори мне, что ты не поклоняешься золотому идолу; лучше докажи, что ты не делаешь того, что велит тебе делать золото. Различны виды идолослужения: один мамону (богатство) почитает господином, другой чрево признает богом, а иной — другую, еще более грубую страсть. Ты не приносишь им в жертву волов, как делали язычники, зато делаешь еще хуже: ты закладываешь им в жертву свою душу. Ты не преклоняешь колени, не кланяешься идолам, зато с совершенной покорностью исполняешь все то, что повелевают тебе и чрево, и золото, и твоя господствующая страсть. И язычники гнусны тем, что обоготворяли страсти наши. Похоть плотскую они называли Афродитой или Венерой, гнев — Ареем или Марсом, а пьянство — Дионисом или Бахусом. Хотя ты и не делаешь для себя идолов вещественных, как язычники, но ты с великим усердием служишь тем же самым страстям, члены Христовы делаешь членами блудницы и оскверняешь себя другими беззакониями". Вот слова Златоуста. Ясно, что всякая наша

страсть — греховная, всякий грех, обратившийся в привычку, есть идол нашей души, грехолюбивое сердце — вот капище сего идола, грехолюбие — это идолослужение, соизволение же на грех в помысле и греховном пожелании есть отвержение Христа, а выполнение задуманного греха самым делом — это и есть жертвоприношение идолу. Вот как соделавшийся рабом своих греховных страстей, становится идолопоклонником. А если в нас существует и даже все увеличивается такое духовное идолопоклонство, то должны быть и духовные мученики, без пролития крови страдальцы. Ибо как в те времена, когда нечестивые, не ведавшие Бога люди поклонялись бездушным идолам, было бесчисленное множество святых мучеников, проливавших кровь свою за Христа и умиравших многообразными видами смертей, так и в наше время, когда в наших нравах повсюду господствует идолопоклонство, то есть служение греху, истинные христиане должны из любви к Христу быть мучениками, хотя и без пролития крови, — должны постоянно умерщвлять в себе страсти свои, должны умирать для греха так, чтобы уже быть неспособными к совершению греха, не поработать себя похотям греховным. И как привычный грех есть наш любимый идол, так и сопротивление греху есть мученический подвиг. Мучитель тут — или наше грехолюбивое естество, или греховная привычка, или сам искуситель — диавол. Слуги мучителя — это нечистые помыслы, влекущие ко греху, а также те люди, которые склоняют или соблазняют нас на грех. Разные виды мучений — это борьба с нечистыми помыслами, борьба со страстями и похотями. Вот так каждый христианин может соделаться духовным мучеником Христовым, хотя и не будет проливать он своей крови, но сподобится венца мученического. О сем-то духовном мученичестве прекрасно рассуждает святой Златоуст, говоря: "Ты скажешь: как можно подражать теперь мученикам? — теперь не времена гонений. Я хорошо это знаю, теперь не время гонения, но время мученичества; не время таких подвигов мученичества, однако время венцов; не преследуют люди, но преследуют бесы, не гонит мучитель, но гонит диавол, лютейший из всех мучителей. Ты не видишь перед собой горящих угольев, но видишь разженный пламень похоти. Они попирали ногами горящие уголья, а ты попирай огонь естества; они боролись с дикими зверями, а ты обуздывай гнев, как дикого и свирепого зверя; они устояли против невыносимых скорбей, а ты побеждай нечистые помыслы, от твоего сердца исходящие, и ты будешь подражатель мучеников. Ныне, по слову Апостола, *«несть наша брань к крови и плоти, — но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобе поднебесным»* (Еф. 6; 12). Похоть плотская есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, — это пес лютей и беснующийся; прогоняй его тысячу раз, и он тысячу раз будет нападать на тебя и не отступит. Жесток пламень горящих угольев, но пламень похоти еще хуже, еще сильнее; нет у нас никогда отдыха от этой войны, никогда не видим покоя, пока живем на земле, постоянная у нас борьба, непрестанный подвиг, чтобы и венец получить за сие самый верный". Так рассуждает

златословесный учитель. Стало быть, умерщвление страстей греховных есть мученичество без пролития крови.

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

Можно ли ныне быть мучеником?

Авва Афанасий сказал: "Некоторые из вас говорят, что ныне нет гонений, нет и мучеников. Неправда. Почувствуй мучения совести, умри для греха, *«умергни уды твоя, яже на земли»* (Кол. 3; 5), отсеки пожелания земные, и ты будешь мученик по произволению. Мученики боролись с мучителями, царями и князьями, есть и у тебя мучитель — диавол, этот царь греха; есть и князья-гонители, это — демоны. Тогда строили для них капища, и ставились жертвенники, и каждому идолу совершалось мерзостное идолослужение. Пойми, что и ныне есть в душе капища и жертвенники, есть и мысленный кумир. Капище — это ненасытное сладострастие, жертвенник — это греховные пожелания, а кумир — это самые греховные страсти. Кто поработен блудной похоти, кто все время проводит в удовольствиях плоти, — тот уже отрекся Иисуса и поклоняется идолу. Этот идол у него — мерзостная плотская страсть, тоже, что у язычников — Афродита. Кто побеждается гневом и яростью и не отсекает в себе сей бешеной страсти, тот отрекся Иисуса и поклоняется своему гневу, — а это значит, что он служит языческому идолу Арею или Марсу. Кто сребролюбив, затворяет сердце свое для брата своего и не милует ближнего своего, тот отрекся Иисуса и также служит идолам: он поклоняется твари вместо Творца, ибо сребролюбие, по слову Апостола, есть корень всякого греха, и у него бог — идол языческий Аполлон. Вот, если воздержишься и сохранишь себя от неистовых страстей, от греховных пожеланий, то это и будет значить, что ты поправ кумира, отрекся зловерия и стал мучеником".

(Из "Пролога")

63. Церковная молитва выше домашней

Аще кто в продолжении трех седмиц не приидет в церковное собрание, не имея никакой настоящей нужды или препятствия, то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения". Вот строгая заповедь Святой Матери нашей, Церкви Православной. Это не голос одного какого-либо учителя Церкви, — это голос Вселенского Собора (80-е правило 6-го Вселенского Собора) и, следовательно, властное слово Самой Церкви Божией. Если же она, наша Матерь, почитает нужным для нашего спасения такое строгое правило, то это значит, что церковная молитва несравненно выше молитвы домашней, келейной. И это, действительно, так. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что одно *"Господи помилуй"*, произнесенное в Церкви купно с собором верующих, стоит целой сотни земных поклонов твоей одинокой келейной молитвы. Почему так? Потому, что Сам Христос

сказал: *«Идеже два или трие собрани во Имя Мя, ту есмь посреди их»* (Мф. 18; 20). Молиться, говорят, мы можем дома. — "Сам себя обманываешь ты, человек, — говорит на это Златословесный учитель. — Дома, конечно, молиться можно, но нельзя так молиться, как в Церкви, где такое множество отцов, где возносится к Богу единокорный глас. Не так скоро ты услышан будешь, молясь Владыке сам по себе, как молясь вместе с братьями твоими, ибо здесь — единокорные, согласие, союз любви, молитвы священников. Для того священники и предстоят, чтобы молитвы народа, будучи слабы, соединившись с их сильнейшими молитвами, вместе с ними дошли до неба... Такая молитва имеет гораздо большую крепость, большее дерзновение, чем молитва домашняя. Откуда это видно? Послушай, что говорит нам Павел: *«Иже от толика смерти избавил ны ест, и избавляет: нан же и уповахом, яко и еще избавит, споспешествующим и вам по нас молитвою»* (2 Кор. 1; 10, 11). Таким же образом и Петр освобожден из темницы, ибо молитва *«бе прилежно бываемая»* от Церкви к Богу о нем (Деян. 12; 5). Если же церковная молитва была полезна для Петра, то почему, скажи мне, ты презираешь ее силу и какое имеешь оправдание в сем? Желая утолить гнев земного царя, вы все сбегаетесь с детьми и женами, а для того, чтобы умиловать Царя Небесного и освободить от гнева Его не одного человека, не двух, не трех, не сто, но всех грешников во вселенной, — вы сидите спокойно и не стекаетесь все вообще, дабы Бог, смягчившись вашим единокорным гласом, и их избавил от мучения, и вам простил грехи. Как же, скажи мне, ты можешь после сего надеяться спасения? В оное время, возлюбленный, не только люди возносят сей страшный глас, но и Ангелы припадают ко Владыке, и Архангелы молятся". Подобно сему рассуждает наш Московский святитель Филарет. "Можно, говорят, молиться Богу дома, духом. Нет о сем спора, — говорит святитель, — но люди, которые лучше нас умели молиться духом, не бегали от храма, а прибежали в оный с радостью", — *«Возвеселился о рекших мне: в дом Господен пойдём»* (Пс. 121; 1). Пророк Даниил, муж желаний (Дан. 10; 11), человек, который жил молитвой, когда не мог идти в храм Иерусалимский, потому что был в Вавилоне, и потому что храм был разрушен, старался сблизить себя, по крайней мере, с местом бывшего храма, становясь на молитву перед открытым к Иерусалиму окном, и в те часы, в которые была приносима жертва в храме до его разрушения (Дан. 6; 10). Или Даниил суверен? Или вы хотите быть духовнее Даниила? Нет, надобно признаться, что те, которые не посещают храма под предлогом молитвы духом, или совсем не радят о молитве, или совсем не понимают сего дела. В молитвах и славословиях Церкви дышет благодать Пророков, Апостолов, святых; в них наипаче Сам Дух Святой ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными (Рим. 8; 26).

Иной говорит: "Дома я молюсь усерднее, чем в церкви; тогда и сердце умиляется, и помыслы не рассеиваются, а в церкви не слажу с собою и смущаюсь". Очень может быть, но должно знать, что в сем умилении скрывается опасность духовной прелести. Вот что пишет о сем блаженной

памяти Оптинский старец иеросхимонах Макарий одной из своих духовных дочерей: "Вас смущает то, что вы не можете в церкви при всех мирно молиться; выходя из одной чувствуете, что совсем не были, а дома молитесь лучше и возносите умиленные молитвы. Вы не понимаете, что это есть сильная прелесть, лишаящая вас спокойствия. Когда вы, молясь уединенно, думаете, что хорошо молитесь, то будьте уверены, что она молитва Богу неприятна, хотя бы были и слезы, и чувство умиления; тогда все сие не имеет глубокого смирения, то есть прелесть. В церковной же молитве вы, ища такого же чувства и не находя оного, считаете себя немоллившеюся и смущаетесь, — а это есть последствие или плоды домашних ваших молитв: враг возводит вас до небес и низводит до бездны, там возвышает, а здесь низвергает и причиняет смущение, чем и доказывается основание молитвы вашей на высокоумии. Вы молитесь просто, не ища в себе высоких дарований, считая себя недостойной оных, то будете и спокойны; и хотя видите хладность молитвы своей, тем паче имейте в чувстве смирение, что "я недостойна", но без смущения; то, верно, она принята будет у Господа лучше той, о коей вы мните, что молитесь хорошо. Возьмите себе в пример двух молящихся в церкви, мытаря и фарисея; сей последний молился с мнением о себе, а первый со смирением молился и надежду спасения не во уповании непорочности своей полагал, но, грехи исповедуя, смиренно молился, и услышал молящегося Тот, Который всегда смиренным прощает. Напротив же, фарисей стал отвергнут. Святой Исаак Сирин учит: "Иже не помышляет себя быти грешным, молитва его несть благоприятна пред Богом". Дарования же в молитве даруются достойным того и смиренным, которым оные не вредят, а пользуют; а кто со мнением молится, тот бывает в большой опасности. Предлагаю вам рассуждение одного благоразумного мужа, основанное на истине и опыте: "Опаснее всего действие диавола против прельщенных мнением о своей святости; люди такого рода обыкновенно посредством подвигов телесных утончают природу чувственную; сие делает их способными к принятию впечатлений частью духовных, а потому и дух злой становится ближе к ним. Дух злобы наполняет душу мечтателя призраками света, односторонними, но сильно восторженными мыслями, возбуждив в нем особенную уверенность к самому себе, отводит от истины, а затем мечтатель становится непримиримым врагом всякого, кто не согласен с ним в чем-либо, усиливая в нем более и более о себе самом мнение; дух злобы, наконец, доводит его до того, что мечтатель совершенно расстраивается и в жизни, и в мыслях". О церковной же молитве знайте, что она выше домашней вашей молитвы, ибо она возносится от целого собора людей, в числе коих, быть может, много есть чистейших молитв, от смиренных сердец к Богу приносимых, кои Он приемлет, яко кадило благовонное, с коими и ваши, хотя немощные и ничтожные, приемлются. Совет мой вам: не оставлять церковной молитвы, но смиренно в оной молиться, а не смущаться о том, что будто бы "не молилась и не была", и сию мысль от себя отвергать, а о домашней не

возноситься, — то и будете мирны. Знайте, что плод гордости и возношения есть смущение и неустроение, а плод смирения есть мир и спокойствие; от гордости произошло все зло, а от смирения все благо, посему, рассматривая свое устроение, следуйте полезному".

Не забудем, что в церкви Божией молятся купно с нами и небесные наши заступники, святые Божии. Так, один из учеников преподобного Сергия, инок Игнатий, после кончины угодника Божиего видел, что святой Сергий во время всеобщего бдения стоял на своем месте и участвовал с братиею в церковном пении. Братия того времени возрадовались, услышав о сем видении. Да возрадуются и ныне подвизающиеся в молитвах о таком участнике и споспешнике в оных, а побеждаемые невниманием и леностью да восчувствуют важность церковного Богослужения, на которое и с неба приходят молитвенники.

64. Жизнь течет!

Дни текут и улетают, часы бегут и не останавливаются, в стремительном течении времени мир приближается к концу своему. Ни один день не позволяет другому идти с ним вместе, ни один час не ждет другого, чтобы лететь заодно. Как воду невозможно удержать и остановить перстами, так не остается неподвижной и жизнь рожденного от жены. Бог определил меру жизни человека, и эту определенную меру дни делят на части. Каждый день, незаметно для тебя, берет свою часть из жизни твоей, и каждый час со своей частицей неудержимо бежит путем своим. Дни разоряют жизнь твою, часы подламывают здание ее, и ты спешишь к своему концу, потому что ты — пар. Дни и часы, как тати и хищники, скрадывают и расхищают тебя, — нить жизни твоей постепенно отрывается и сокращается. Дни предают погребению жизнь твою, часы кладут ее во гроб, а вместе с днями и часами исчезает на земле и жизнь твоя. Жизнь, которой живешь ты сегодня, уходит и улетает с концом этого же дня, потому что каждый день берет свою часть из твоей жизни и с ней уходит; и в быстром полете времени часы уходят, исчезают и обращаются в ничто! Как спешно текут дни, так быстро пролетает и жизнь, — нет ей возможности остановиться и стать на одном месте!

(Из творений преподобного Ефрема Сирина)

Вода мимотекущая

Что вода мимотекущая, то и житие наше, и все в житии случающееся. Видим, что вода в реке непрестанно течет и проходит, и все, поверх воды плывущее, как-то: лес, сор и прочее, проходит. Христиане! тако житие наше, и с житием все благополучие и неблагополучие мимо идет! Не было меня прежде нескольких лет, — и се, есмь в мире, как и прочие твари. «*Руце Твои сотвористе мя и создасте мя*», Господи (Пс. 118; 73). Был я младенец? И

миновало то. Был я отрок, и то прошло. Был я юноша, и то отошло от меня. Был я муж совершенный и крепкий, минуло и то. Ныне седеют власы мои, и от старости изнемогаю, но и то проходит, и к концу приближаюсь, и пойду в путь всея земли... Родился я на то, чтобы мне умереть. Умираю ради того, чтобы мне жить. *«Помяни мя, Господи, во царствии Твоем!»* Что мне случилось, то и всякому человеку. Был я здоров и болен, и паки здоров, и паки болен, и прошло то. Был в благополучии и неблагополучии: прошло время, и со временем все миновало. Был я в чести: прошло то время, и честь от меня отступила. Люди меня почитали и поклонялись: минуло то время, и не вижу того. Был я весел, был и печален, радовался я и плакал, и ныне то же со мной случается: проходят дни, проходит с ними печаль и веселье, радость и плач. Хвалили меня и славили люди, хулили и поносили; и которые хвалили, те и проклинали; и которые хулили, те и хвалили: прошло время, прошло и все, миновалась хвала и хула, слава и беславие. Тоже слышу и ныне: то хвалят, то хулят, то прославляют, то бесславят, знаю, что и то минуется: пройдет время, пройдет хула и хвала, слава и беславие. Что мне случилось и случается, то и всякому человеку, живущему в мире сем. Где то время, в которое счастлив я был, здоров, весел, радостен, хвалим и почитаем? Прошло время, прошло и все с ним счастье мое и утешение мое. Где то время, в которое я был несчастлив, был болен, печален, скорбен, хулим и укоряем? Прошли те дни, прошло с ними и все несчастье мое. Пройдет и все, что ныне в сем времени случается, ибо все со временем проходит. Ибо таков есть мир, такое и постоянство его, такое и житие наше в мире. Бедный человек от утробы матери своей даже до гроба: рождается с плачем, живет в мире, как корабль в море плавает, и то восходит, то нисходит, то подымается, то ниспускается, — и умирает с плачем. И нет человека такого, который бы от рождения до смерти в непреходящем пребыл благополучии. Как под небом то ведро, то пасмурно, то непогода и буря, то ясно и тишина бывает, так и всякому человеку случается — то в благополучии быть, то в неблагополучии, то в страхе, то в покое, то в печали, то в радости быть. Но как дни и часы проходят, так всякое счастье и несчастье с ними проходит. Видишь, христиане, что как вода мимо текущая и все по ней плывущее, так время жития нашего, и со временем все благополучие и неблагополучие наше проходит. А так и все житие наше пройдет! И как прошедшие дни наши, как во сне, видим, и с ними все благополучие и неблагополучие, так и прочее время при конце жития, как во сне, будем видеть; и только помнить будем тогда и мечтать, что с нами было. Такое-то житие наше в мире сем.

Не так житие будущего века будет, якоже Божие слово и вера наша нас уверяет. Там житие наше единожды начнется, но никогда не скончается, будет непрестанное и непреходящее. Тело наше не будет иметь немощи, дряхлости, старости, смерти и тления, но будет тело духовное, нетленное, бессмертное, здоровое, сильное, легкое и благоцветущее. *«Сеется в тление, встает в нетлении: сеется не в честь, встает в славе, сеется в немощи, встает в силе: сеется тело душевное, встает тело духовное. Подобаает*

бо тленному сему облецися в нетление, и мертвенному сему облецися в бессмертие... Егда же тленное сие облечется в нетление, и смертное сие облечется в бессмертие, тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою. Где ти, смерте, жало? где ти, аде, победа?» (1 Кор. 15; 42-44, 53-55). Так же слава, честь, покой, мир, утешение, радость, веселье и все блаженство тамо непрестанное будет; непрестанно будут видеть Бога лицом к лицу избранные Божии, и оттого непрестанно будут утешаться, радоваться, веселиться, непрестанно со Христом, яко уды с главою, царствовать. *«Понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся»* (Рим. 8; 17). Также и в неблагополучной вечности непрестанная будет смерть. Единожды умерше, осужденные непрестанно будут умирать и желать смерти, непрестанно будут мучиться и страдать, и никакого не будут чувствовать утешения, прохладения, облегчения. Се есть смерть вторая и смерть вечная! Отсюда следует: 1) понеже временное наше житие непостоянное, и все в нем переменяется и проходит, то не должно нам к временным и мирским вещам прилепляться, но со всяким усердием вечного живота и оных благих искать, *«горняя мудрствовать, а не земная»* (Кол. 3; 2); 2) благополучием мира сего, то есть богатством, славой, честью, похвалой и проч. не возноситься. Ибо всякое благополучие временное как приходит, так и отходит от нас, и бываем как один от несчастливых, нищих, бедных и презренных; 3) в неблагополучии не унывать, ибо и то проходит. И как по прошедшей ноци бывает день, и после бури и непогоды воссиявает ведро, так по скорби и печали — радость, и по неблагополучии благополучие приходит; 4) клевету, хуление, укoreние и поношение своевольных и беззаконных людей великодушно терпеть и не огорчаться тем. Ибо и то, и все проходит. Силен же Бог и клятву их во благословение нам обратить, по реченому: *«прокленут тии, и Ты благословиши»* (Пс. 108; 28); 5) кто в терпении, в благополучии и неблагополучии равно постоянен будет, тот в тишине, покое и мире всегда будет пребывать, и благоприятное, сладкое, Христову житию подобное и сообразное, будет иметь житие, и на земле небесную будет чувствовать радость, и во временной жизни вечного живота сладости будет вкушать. Господи, помози мне! *«И да возвеселятся вси уповающи на Тя, во век возрадуются, и вселищися в них, и похвалятся о Тебе любящими имя Твое»* (Пс. 5; 12).

(Из книги "Сокровище духовное" святителя Тихона Задонского)

65. Что такое проскомидия?

Проскомидия есть приготовление к самой литургии, посему и соединила с ней Церковь воспоминание о первоначальной жизни Иисуса Христа, бывшей приготовлением к Его подвигам. Она совершается вся в алтаре, при затворенных дверях, при задернутой завесе, незримо от народа, как и вся первоначальная жизнь Христа Спасителя протекла незримо для народа. Для молящихся же читаются в это время часы — собрание псалмов и молитв,

которые напоминают самые важные для христианина часы дня: час третий, когда сошел Дух Святой, час шестой, когда Спаситель мира пригвожден был ко Кресту. Облачившись во все священные одежды, иерей приступает к жертвеннику и берет одну из просфор, чтобы изъять середину с печатью, ознаменованной именем Иисуса Христа, как бы изображая уже сим самым рождение Иисуса Христа от Святой Девы. Помышляя, что рождается Агнец, принесший Себя в жертву за весь мир, иерей водружает копьё в правую сторону печати, и произносит слова пророка Исаии о Спасителе: *«Яко овца на заколение ведется»*; водрузив потом копьё в левую сторону, произносит: *«И яко агнец непорочен, прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст Своих»*. Затем, водружая копьё в верхнюю сторону печати, говорит: *«Во смиренни Его суд Его взятся»*. Водрузив, наконец, в нижнюю сторону, произносит: *«Род же Его кто исповесть?»* Приподъемлет потом копьём вырезанную середину хлеба, произнося: *«Яко вземлетя от земли живот Его»*, — и, положив на святом дискосе, крестовидно надрезывает его, произнося: *«Жрется (закалается в жертву) Агнец Божий, вземляй грехи мира, за мирский живот и спасение»*. Потом вонзает копьё с правой стороны, напоминая прободение ребра Спасителя, и произносит: *«Един от воин копьём ребра Его проводе, и абие изыде кровь и вода..»*. В это время диакон вливает вина и воды в Чашу, испросив на то благословение у иерея. Затем, по древнему святому обычаю и чину первенствующей Церкви, священник, взяв в руки вторую просфору, изъемлет из нее частицу в честь и память Препоблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и полагает ее по правую сторону святого хлеба, произнося из псалма пророческое слово: *«Предста Царица одесную Тебе, в ризы позлащенны одеянна, преукрашенна»*. Потом берет третью просфору, в воспоминание святых, и тем же копьём изъемлет из нее девять частиц, которые полагает в три ряда, по три в каждом. Изъемлет первую частицу в честь и память Святого Иоанна Крестителя, вторую — Пророков, третью — Апостолов, и этим завершает первый ряд. Затем изъемлет четвертую частицу в память святителей, пятую — мучеников, шестую — преподобных и богоносных Отцев и Матерей, и завершает этим второй ряд. Потом изъемлет седьмую частицу в память чудотворцев и безсребренников, восьмую — Богоотец Иоакима и Анны, и святого, его же день, девятую — Иоанна Златоуста или Василия Великого, смотря по тому, чья совершается в тот день литургия, и завершает этим третий ряд, и полагает все девять изъятых частиц на святой дискос возле святого хлеба, по левую его сторону. Принимая в руки четвертую просфору за всех живых, иерей изъемлет из нее частицы за все епископство православное, Святейший Синод, патриархов, местного епископа и весь священный чин, за царствующего императора и весь дом августейший, за православных христиан поименно, кого захочет помянуть или о ком просили его помянуть. Затем берет иерей пятую просфору и изъемлет из нее частицы в поминовение всех умерших, прося в то же время об отпущении им грехов их, начиная от патриархов, благочестивых царей,

создателей храма и до последнего из христиан. В заключение всего изъе­млет частицу за себя самого. Все эти частицы, представляющие собой тех, кто поминается при священнодействии, иерей полагает на дискосе возле святого хлеба, внизу его. Таким образом, вокруг этого хлеба, этого Агнца, изображающегося Самого Христа, собрана вся Церковь Его: и торжествующая на небесах, и воинствующая на земле. Все сии частицы к концу литургии, по Причащении, погружаются в Святую Чашу, в Кровь Христову, смолением: *«Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде кровию Твоею честною, молитвами Святых Твоих»*. По окончании описанного приготовления Святых Даров иерей благословляет держимое диаконом кадило, произнося молитву: *«Кадило Тебе приносим, Христе Боже наш...»* В это время святой жертвенник изображает как бы таинственный вертеп, в котором благоволил родиться и возлежать Спаситель мира. Этому знаменованию жертвенника соответствуют все дальнейшие действия совершающего проскомидию иерея: он кадит звездицу и ставит на дискос, — в напоминание о звезде, приведшей волхвов к яслям, где возлежал Богомладенец, почему при поставлении звездицы иерей и произносит слова: *«И пришедши звезда, ста верху, идеже бе Отроча»*. Окадив первый покров, иерей покрывает им Святой хлеб с дискосом, произнося псалом: *«Господь воцарися, в лепоту облечеса...»* и проч. Окадив второй покров, покрывает им Святую Чашу, произнося: *«Покры небеса добродетель Твоя, Христе, и хвалы Твоя исполнь земля»*. Взяв потом большой покров, называемый Святым воздухом, покрывает им и дискос, и Чашу вместе, взывая к Богу, да покроет нас кровом крыл Своих, и, отошед от предложения, поклоняется, как поклонялись пастыри и цари Богомладенцу, и кадит пред Святыми Дарами, изображая в этом каждении благоухание ладана и смирны, которые были принесены вместе с златом мудрецами. Диакон же произносит при всяком действии иерея: *«Господу помолимся!»* Потом принимает из рук иерея кадильницу и говорит: *«О предложенных честных дарех, Господу помолимся!»* — и священник читает молитву, в которой просит, чтобы Господь Сам благословил предложение сие и приял оное в пренебесный свой жертвенник, — и творит иерей вслед за молитвой отпуст проскомидии. Диакон же кадит жертвенник и потом кругом крестовидно свя­тую трапезу, читая тропарь: *«Во гробе плотски...»*, и затем псалом 50-й и выходит из алтаря, чтобы наполнить благоуханием весь храм и приветствовать каждением всех собравшихся ко Святой литургии. Вслед за этим начинается самая литургия.

Полезьа поминовения на проскомидии

Поминование на проскомидии с изъятием частиц за поминаемых есть самое важное и полезное для душ поминаемых. Вот один из многих примеров этого.

Две девицы дали клятвенный обет Богу жить в постничестве и молитвах. К несчастью, осудить, оболгать, укорить — было обыкновенным делом для сих постниц. Преподобный Венедикт, узнав о сем, отечески советовал им удержать язык свой и в случае непослушания грозил отлучить их от Божественного причащения... Но девицы начали издеваться и над святым Венедиктом. Вскоре после сего они умерли и, как великие постницы, погребены были в церкви. Но когда совершалась Божественная служба, и диакон возглашал: *«Елицы оглашенный изыдите!»* — некоторые из христиан видели двух девиц, выходящих из гроба и из церкви. Сие чудное явление продолжалось несколько времени... Наконец, известился о сем и преподобный Венедикт: он пролил о них слезы сердечного сокрушения и, послав просфору в оную церковь, велел вынуть части в жертву Богу об упокоении душ их. С того времени никто уже не видел их, вон исходящих, и христиане веровали, что злословные постницы жертвой и молитвой преподобного Венедикта получили от Бога прощение.

66. Пути правды

Напрасно грешник, укрываясь от суда человеческого, думает укрыться и от Суда Божиего; напрасно успокаивает он себя в сердце своем: *«Не узрит Господь, ниже уразумеет Бог Иаковль... Насажден ухо, не слышит ли? Или создавши око, не смотрит ли?»* (Пс. 93; 7, 9). Все видит Господь, и нет греха, который укрылся бы от Всевидящего ока Его. Рано или поздно, здесь или там Правосудный Бог позовет к ответу нераскаянного грешника, и вечная правда Божия, иногда еще здесь, на земле, в самых ошибках и неправдах людских делает свое дело праведнее всякого близорукое суждения человеческого, обличая и карая такие грехи, о которых знает только Бог да совесть грешная.

Вот что рассказывает о самом себе преподобный Ефрем Сирийский: "В юности, когда жил я еще в миру, напал на меня враг; и в это время юность моя едва не уверила меня, что совершающееся с нами в жизни — случайно. Как корабль без руля, хотя кормчий и стоит на корме, идет назад или вовсе не трогается с места, а иногда и опрокидывается, если не придет к нему на помощь или Ангел, или человек, — так было и со мной. Уносимый волнами обольщения, нечувствительно стремился я к угрожающей опасности. Что же делает со мной благодать Божия? Она сделала вот что: когда странствовал я по внутренней Месопотамии, встретился с пастухом овец. Пастух спрашивает меня: "Куда идешь, молодой человек?" — Я отвечаю: "Куда случится". — И он говорит мне: "Ступай за мной, потому что день склонился к вечеру". Я послушался и остался у него. Среди ночи напали волки и растерзали овец, потому что пастух ослабел от вина и уснул. Пришли владельцы стада, сложили вину на меня и повлекли меня в судилище. Явившись к судье, я оправдывался, сказывая, как было дело. Вслед за мной приведен некто, пойманный в прелюбодеянии с одной женщиной, которая убежала и

скрылась. Судья, отложив исследование дела, обоих нас вместе отослал в тюрьму. Там нашли мы одного земледельца, приведенного туда за убийство. Но и приведенный со мной не был прелюбодеем, и земледелец не был убийцей, точно также, как и я не был хищником овец. Проведя там семь дней, в восьмой вижу во сне, что кто-то говорит мне: "Будь благочестив, и уразумеешь Промысл; перебери в мыслях, о чем ты думал и что делал, и по себе дознаешь, что эти люди страдают не напрасно, но не избегнут наказания и действительно виновные". Итак, пробудившись, стал я размышлять о видении и, отыскивая свой проступок, нашел, что в другой раз, быв в этом селении на поле среди ночи, с злым намерением выгнал я из загона корову одного бедного странника. Она обессилела от холода и от того, что была непраздна; ее настиг там зверь и растерзал. Как скоро рассказал я заключенным со мной свой сон и вину, то и они, возбужденные моим примером, начали сказывать — поселянин, что видел человека, тонувшего в реке, и хотя мог ему помочь, однако же не помог; а городской житель, — что присоединился к обвинителям одной женщины, оклеветанной в прелюбодеевании. "А она, — говорил он, — была вдова; братья ее, взведя на нее вину сию, лишили ее отцовского наследства, дав из него часть и мне, по условию". При сих рассказах начал я приходить в сокрушение, потому что в этом было некоторое явное воздаяние. И если бы один я был, то сказал бы, может быть, что все это случилось со мной просто по-человечески. Но мы трое постигнуты той же участью. И вот есть некто четвертый, отмститель, который вовсе незнаком нам, потому что ни я, ни они никогда не видали его, — так как я описал им и вид явившегося мне. Заснув в другой раз, вижу, что тот же говорит мне: "Завтра увидите и тех, из-за кого терпите вы обиду, и освобождение от возведенной на вас клеветы". Пробудившись, был я задумчив. А они говорят мне: "Что ты печален?" — Я сказал им причину. Боялся же я того, чем кончится дело, а прежние свои мысли, будто все бывает случайно, оставил. И они также вместе со мной были озабочены. Но когда прошла эта ночь, приведены мы были к градоначальнику, и вскоре представлено ему доношение о пяти узниках, из коих двое были братья вдовы, обиженной лишением отцовского наследства. Признавшись в том, в чем были пойманы, они признались и в тех преступлениях, за которые находились в тюрьме заключенные со мной. Из остальных троих один обвинялся в том, что выжег поле с хлебом, а прочие — в соумышлении убийств. Получив несколько ударов и ни в чем не сознавшись, отведены они в тюрьму, потому что судья услышал о назначении ему преемника. А с ними пошел и я, не дождавшись никакого решения дела. Таким образом, все мы находились вместе. Новоприбывший судья был с моей родины, но долго не знал я о нем, из какого он города и кто такой. В эти дни у меня много было свободного времени, и свел я дружбу с прочими узниками. Но, проведя там многие дни, не видал являвшегося мне во сне. Наконец, опять вижу его, и он сказывает мне, что и последние трое, неповинные в том, в чем теперь обвиняют их, виновны в других преступлениях и несут теперь за них

наказание. Я сказал им об этом, и они сознались в неправде, а именно, что были заодно с похитителем, который убил человека за виноградник, смежный с его владением. "Мы, — говорили они, — засвидетельствовали в этом деле, что виноградник принадлежит ему за долг, и что не он убил сего человека, а сам тот, упав со скалы, убился до смерти". Один же из них сказал, что он в гневе ненамеренно толкнул человека с кровли, и тот упал и умер. После сего опять вижу во сне говорящего мне: "В следующий день будешь ты освобожден, а прочие подпадут справедливому суду; будь же верующим и возвещай Промысл Божий". На другой день судья сел на своем судейском месте и стал допрашивать всех нас; он узнал дело в ясности и освободил невинных. Их было пятеро: земледелец, мнимый прелюбодей и трое последних. Обоих же братьев и с ними вместе других, действительно виновных, приказал отдать на съедение зверям. Тогда велел и меня вывести на середину; стал осведомляться о деле по порядку и пытался выпросить у меня, как было дело об овцах. Я сказал правду, как все происходило. Узнав меня по голосу и по имени, а пастуха приказав высечь для показания истины, освободил он меня от обвинения по прошествии без малого семидесяти дней. После сего в ту же ночь вижу прежнего мужа, и он говорит мне: "Возвратись в место свое и покайся в неправде, убедившись, что есть Око, над всеми назирающее". И, сделав мне сильные угрозы, он удалился; с тех пор доньше не видал я его. И я впал в задумчивость, возвратился домой и много плакал. Итак, кто говорит, что все самослучайно, тот отрицает бытие Божества".

(Рассказ из творений преподобного Ефрема Сирина)

67. Полночь

«Полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоя» (Пс. 118; 62).

Почему венчанный Пророк в самые приятные минуты для сна оставляет свое царственное ложе и поднимается в полночь на славословие? Потому что в полночь происходит нечто немаловажное и для всей видимой природы, и для человека, и что Верховный Правитель вселенной часто в полночь совершал и совершает праведные суды свои, пробуждающие благочестивых людей к усиленной молитве.

Один древний подвижник говорит: "Когда в глубокую ночь почувствуешь побуждение к молитве, встань с одра своего, мой сын, встань — не ленись. Знай, что в это время зовет тебя твой Ангел-хранитель и хочет молиться вместе с тобой". И в наше время один семидесятилетний старец многие годы имел обыкновение вставать со своего убогого одра около полуночи; он, поправив лампаду перед иконами, повергался на колена и неподвижно, с распростертыми к небу руками, долго предавался пламенной молитве. На вопрос, почему он избирает для молитвы особенно полночное время, подвижник отвечал: "В полночь бывает самый тяжелый и глубокий сон у людей; тогда всякая спальня есть не иное что, как гробница, где

почивает ослабевшая плоть наша, а душа остается беззащитной. Воры и разбойники часто назначают полночь для воровства и разбоя; тоже делают и разбойники духовные: злые духи с особенным усилием и яростью в полночь нападают на душу и стараются соблазнить ее. Потому я в полночь молюсь за спящий мир, чтобы Господь защитил его и послал святых Ангелов Своих хранить спальни, сии временные гробницы людей, и оберегать каждую душу христианскую от искушений диавола". И Пророк не напрасно поднимался в полночь для молитвы, он знал историю своего народа, ясно ведал, что в истории сего народа многие судьбы Промысла совершались именно в полночь или около полуночи. Около полуночи происходили Богоявления древним патриархам и пророкам. Самые важные события в жизни народа Божиего совершались в ночь и полночь. Так, в полночь Господь взшел в Египет и поразил египетских первенцев; в полночь вывел евреев из Египта. Ночью падала манна в голодной пустыне Аравийской и роса на Гедеоново руно; около полуночи Ангел сошел в ассирийское войско и поразил сто восемьдесят пять тысяч воинов, осаждавших Иерусалим. После этого как было не молиться Пророку, вспоминая суды Божии, совершавшиеся в полночь? Можем предполагать, что глубочайшая тайна Божества, касающаяся не одного народа израильского, а всего рода человеческого, тайна воплощения Сына Божиего, начала раскрываться в тихую полночь. В древней книге священной сказано: *«Тихому молчанию содержащу вся, и нощи в своем течении преполовляющейся, всемогущее Слово Твое, Господи, с небес от Престолов Царских жесток ратник в средину погибельных земли сниде»* (Прем. 18; 14,15). И когда же необходимее было всемогущему слову Бога Отца стать в средину погибельной земли — как жесток ратник, если не в то время, в которое мысленный фараон — диавол, яко лев рыкая, особенно ходит, иский поглотити души человеческие и почитает их менее осторожными и беззащитными, — как не в минуты покоя телесного? Евангелие ясно повествует, что пастыри Вифлеемские услышали пение Ангелов о рождении Господа в стражу ночную. И звезда волхвам являлась ночью и по общему закону звезд к полуночи становилась светлее и ярче. Следовательно, Рождение Владыки мира совершилось в полночное время. Может быть и наитие Святого Духа на Пресвятую Деву было во мгновение полночное, когда Она вся предана была молитве. Находим и другие, весьма важные, события в жизни Искупителя, последовавшие около полуночи. Так, Господь наш часто удалялся ночью на горы для молитвы, — и естественно думать, что сия молитва за род человеческий к полуночи становилась пламеннее и напряженнее. Около полуночи Господь наш шел по морю и подал руку утопавшему Петру. В ночь установил Он Тайную вечерю, около полуночи совершал последнюю земную молитву и проливал кровавый пот в саду Гефсиманском. Около полуночи, а, может быть, и в самую полночь, был предан Иудой. Около полуночи воскрес из гроба. Здесь же можем заметить, что апостол Петр, по свидетельству предания, поднимался с одра в каждую полночь и оплакивал свое отречение. Апостол Павел часто до полуночи

простирает слово поучения к христианам первого времени; в полночь вставал на молитву вместе с апостолом Силою (Деян. 16; 25). Сколько, таким образом, воспоминаний о ночных и полуночных событиях, располагающих к пламенной и усердной молитве! Но будет еще одна полночь, о которой страшно помнить, о которой, однако же, необходимо вспоминать, — будет полночный переворот всеобщей жизни мира, полночный перелом для всей вселенной. Разумею второе пришествие Господа нашего и Последний Суд. В полночь совершился Суд Божий над Египтом и истребление народа Божиего из земли египетской. В полночь, вероятно, совершится или, по крайней мере, начнется Суд над целой вселенной. Спаситель всякий раз, когда говорит о втором пришествии Своем, побуждает нас к бодрости и молитве, как бы опасаясь, чтобы мы не погрузились в сон, который бывает и глубже, и крепче в полночь. Час пришествия Своего Он уподобляет вору ночному, который не знает лучшего времени для кражи, как полночь. В притче о десяти девах, которая указывает на второе пришествие, Господь даже явно назначает полночь для Своего Суда: «...полунощи же вопль бысть, — говорит Он: *Се жених грядет, исходите в сретение!*» (Мф. 25; 6). — Где ляжет тело мое на покой смертный? Будет ли оно покрыто землей или погребено в волнах морских, или пожрано огнем, или похищено у души моей ночным разбойником? Но где бы ты не спала с меня бедная оболочка души моей, а звук трубы Ангельской не даст тебе спать в последнюю полночь мира. Кожа и плоть твоя смешаются с землей, кровь сольется с влагой земной, кости и жилы обратятся в прах, ты весь сотлеешь, — но не сотлеют грехи твои. И ты услышишь глас Сына Божиего, как услышат его все сущие во гробах; и ты пробудишься и встанешь, — может быть, как человек после сна — недоспавший, неомытый, неубранный, с тяжелыми воспоминаниями, несвежий и ни к чему не готовый, — встанешь на Суд в виду Бога твоего и всей вселенной. О каковый час тогда и день, егда сядет Судия на престоле страшном! Книги разгибаются, и деяния обличаются, и тайныя тмы явлена бывают... Ангели предстанут, обличающе деяния, помышления и мысли, яже в нощи и во дни: о каковый час тогда! А ты, миролюбец, и не думаешь об этом часе! Может быть, в эту ночь ты безопасно предаешься сну, отяжелев от вечернего стола, забыв перекрестить свое ложе и сказать Ангелу жизни твоей: "Храни ее". Может быть, во мраке полуночном затеваешь Или делаешь дела, темнее ночи. Или за полночь пируешь и думаешь усыпить себя мечтами плотоугодников: "Да ямы и пиемы, утре бо умрем, — и ни что от нас не останется?" — Не беспокойся, это может случиться, — что ты завтра рано покинешь жизнь или даже и до утра не доживешь; но все дни и полуночи, все ночи и полуночи, проведенные тобой нечестиво, явятся к тебе в последнюю полночь мира и приведут с собой все дела твои, всю историю твоей жизни. Ты увидишь себя, каков ты был, — с первой и до последней минуты земного бытия твоего, и ты скажешь в ярости на себя: Проклят день, в он же родихся, — день, в он же породил мя мати моя! (Иер. 20; 14). Бесплезное злословие, ни к чему не служащее проклятие! Прокляни теперь,

если можешь, прокляни бездельные дела твои и начни жизнь порядочную и благочестивую. Вставай в полночь благословлять Бога за данное тебе бытие, оно величайший дар милосердия для тех, кои не употребляют его во зло. Если трудно тебе подниматься рано, то лучше спи, только не греши. Помни, что единою лежит человеку умереть, потом же суд (Евр. 9; 27). За что, как не за грехи и нечестие?

(Из "Воскресного чтения", 1838)

68. Есть ли ныне чудотворцы?

«Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас» (Лк. 6; 27).

Привыкли некоторые осуждать наши времена и укорять нынешний немощный род человеческий, говоря: ныне нет уже между людьми чудотворцев, какие бывали прежде. Неправда! Если желаете, я покажу вам, что и ныне между людьми есть чудотворцы. Только послушайте, что я скажу: всякий, кто любит врага своего, — чудотворец есть. Слышите ли, что говорю: всякий, любящий врага своего, — чудотворец есть. А что это — истина, докажу от Божественного Писания и от святых Отцев.

Что такое чудо? Чудом называется то, что бывает выше естества, ибо что бывает по естеству, то не чудно, тому никто не удивляется, того никто и не называет чудом, но если что превышает силу естества, то это есть истинное чудо. Не чудо, что пламень, испешдый от печи вавилонской, пожег бывших около нее слуг халдейских, ибо огню свойственно жечь, а людям естественно сожигаться огнем, — то чудо, что огонь не мог коснуться трех отроков, бывших внутри печи, и повредить им. Не дивно, если кто любящих его любит, ибо это естественно, — но дивно, если кто любит врага своего, ибо это преестественно. В самом деле, человек по греховной природе своей не терпит обиды, каждый может видеть это и в себе самом, и в других. Ему иногда кажется лучше умереть, нежели стерпеть обиду от кого-нибудь. Если же для нас не любить врагов естественно, то не прямо ли следует отсюда, что любовь ко врагам есть дело вышеестественное, чудесное, и потому любящий врагов своих — поистине чудотворец есть. Какие же чудеса творит такой чудотворец? А вот послушайте. Любящий врага своего и добро ему творящий просвещает слепого, не телом слепого, а умом слепотствующего. Ничто так не помрачает умные очи, как гнев и ярость. Много примеров, что люди в ярости своей поступали, подобно детям неразумным. Так, например, в житиях святых мучеников читаем, что некоторые мучители, предавшие христиан на снадение зверям, избивали самых зверей, когда те не хотели коснуться мучеников. Ясно отсюда, что в ярости человек, точно безумный, и весьма подобен слепому, ибо не знает сам, куда идет и что делает. Какое врачевство сильно для уврачевания такой слепоты? Сильно незлобие и любовь, сильно благодеяние того, на кого гневающийся напрасно гневается. Ибо когда он видит, что на гнев его не отвечают гневом, а, напротив, являют любовь и злое благим побеждают, то престаёт от гнева и сам пред собой

стыдится, сознавая свой грех, а ближнего своего невинность — так было между гневливым Саулом и незлобивым Давидом. Посему, кто любит врага своего, тот есть чудотворец, просвещающий слепого. Любящий врага своего украшает волны морские и претворяет бурю в тишину. Гневного человека святитель Златоуст называет морем, возмущенным ветрами. Как море волнующееся выбрасывает на сушу все трупы, находящиеся в нем, так и гневливый в ярости своей обнаруживает все тайны друга своего, обличает и бесчестит его. Такое море кто утишит? Тот, кто уничтожит причину волнения. Море не волнуется, если нет ветров и бури: и разгневанный человек перестает гневаться, если не встречает прекословия, брани и противоречия. Умолкни от прекословия, воздержись от распри, оставь противления, и ты уничтожишь причину волнения и увидишь море утихшим. А так как любящий врага своего не прекословит, не бранится, не противится, то он утишает в нем бурю гнева; посему любящий врага своего есть чудотворец, претворяющий в тишину волнение морское. Любящий врага своего угашает силу огненную. Враждебный гнев в человеке есть как бы *«огонь, пополняй дубравы, яко пламень, пожигаяй горы»* (Пс. 82; 15), ибо он попадает высоту добродетелей в самом гневающемся и уничтожает, и как бы в пепел обращает доброе имя, добрую славу ближнего. Пламень угашается или водой, или разбрасыванием вещества горящего — и гнев укрощается либо кротостью молчаливой, как водой, либо снисходительностью, как разбрасыванием вещества горящего. Кроткий и тихий муж, не подавая причины ко гневу, не только не возжет огня вражды, но и возженный угасит, как говорит святитель Златоуст: "Нет ничего сильнее кротости: как вода угашает пламень, так и слово кроткое утишает душу, горящую гневом, паче печи огненной". Снисходительный удаляется от гневающегося и тем отнимает пищу у его ярости. Посему и Апостол поучает: *«Дадите место гневу Божию»* (Рим. 12; 19), то есть вы снисходите, уступите, удалитесь на несколько времени от лица гневного. А так как любящий врага своего кроток, тих и снисходителен, то он удобно погашает гнев его, — посему он есть чудотворец, угашающий силу огненную. Любящий врага своего претворяет горечь в сладость, как Моисей горькую воду Мерры. Полна горести и вражда человеческая. Святой Апостол говорит: *«Всяка горесть да возмется от вас»*, — какая же горесть? — *«гнев, ярость, клещ, хула, со всякою злобою»* (Еф. 4, 31), — та горечь да возмется от вас. И какую сладость можно найти в душе разгневанного человека? Мысль в ней горька, потому что помышляет о злобе, слово горько, ибо досаждаёт, укоряет, бесславит, всякое предприятие горько, особенно для того самого, кто гневается. Чем же можно усладить такую горечь? Ничем, кроме слова или дела доброго со стороны того, на кого раздраженный гневается. И то, и другое средство — и слово, и дело доброе вполне действительны. О слове говорит притча: *«Ответ смирен отвращает ярость»* (Притч. 15; 1), а о добротворении один из святых Отцев учит так: "Если узнаешь, что на тебя гневается брат твой, то пошли ему какой-либо дар". А так как любящий врага своего всегда к нему ласков и

по силе своей благодетельствует ему, терпеливо перенося горечь его гнева, а сладость собственной любви в него переливая, — то он претворяет гнев его в дружбу и любовь. Посему и есть чудотворец, претворяющий горечь в сладость. Любящий врага своего изгоняет беса из человека. Кто сильно гневается и враждует на брата своего и воспаляется мстостью, тот подобен бесноватому, и даже на самом деле подвергается иногда беснованию. Святитель Златоуст воспоминает то, что видел сам своими очами: некто сильно разгневался и через меру возъярился, и от сей безмерной ярости вдруг сделался бесноватым. Да и всякий человек в сильном гневе подобен бесноватому: взор его делается страшным, голос звучит ужасно, сам кусает свои уста или персты, скрежещет зубами, и все домашние боятся его, как бесноватого, бегают от него и скрываются, где бы то ни было. От такого яростного человека кто и чем изженет беса гневного? Бесновался по временам царь Саул, и сия болезнь беснования приходила к нему особенно в то время, когда он гневался на кого-нибудь через меру. Но на кого ему было столько гневаться, как на невинного Давида, которому он завидовал за добрую славу его? И от ярости он впадал в беснование. Что же Давид делал? Играл пред ним на гуслях и тем отгонял от него духа нечистого. Но не столько пение само по себе, сколько кротость Давида врачевала Саула, ибо он злобе Сауловой не противозлобствовал. И так как любящий врага своего покоряется ему своим незлобием и кротостью и издает приятное пение смиренной речи, называя себя таким грешником, каким нарицает его недруг его, — то он и прогоняет ярость его, — посему и есть чудотворец, изгоняющий бесов. Наконец, скажу об одном чуде, которое больше всех прежних: любящий врага своего делается Сыном Божиим, как сказано: *«Любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, и будете сынове Вышняго»*. Что выше сего? Какого еще большего чуда требовать можно? Итак, люби врага своего и будешь новый чудотворец, спасешь и его, и свою душу. Если же не веришь мне, то испытай это на самом себе: начни отселе любить всех, Сын же Божий будет тебе поручником в том. Небо и земля мимо идут, словеса же Его не мимо идут! Без сомнения, будешь сыном Вышнего, какого сыновства желаю как себе, так и всем. Аминь.

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

69. У Бога милости много, но подается она только смиренным

Все грехи мерзки пред Богом, но мерзостнее всех гордость (Святитель Антоний Великий).

Гордость есть мать пороков (Святитель Иоанн Златоуст).

В житии преподобного Антония Великого есть такое сказание. Однажды два беса сговаривались между собой, как бы ввести в искушение великого подвижника. Один из них сказал другому: "Брат Зерефер, как ты думаешь, если бы кто-нибудь из нас вздумал покаяться, то примет ли от него Бог покаяние или нет?" — Зерефер отвечал: "Кто же может знать о том, кроме

старца Антония, который нас не боится! Хочешь ли, я пойду к нему и спрошу его об этом?" — "Иди, иди, — сказал ему другой бес, — только смотри, будь осторожен: старец прозорлив, он поймет, что ты искушаешь его, и не захочет спросить о сем Бога, впрочем, иди, может быть, тебе и удастся получить желаемый ответ". — Бес Зерефер принял на себя человеческий образ, пришел к старцу и начал перед ним горько плакать и рыдать. Богу угодно было утаить от святого старца притворство бесовское, и преподобный принял пришельца за простого человека, и с участием спросил его: "О чем ты так плачешь, что и мое, сердце сокрушаешь своими горькими слезами?" — Бес отвечал: "Отец святой! Я — не человек, а просто бес по множеству беззаконий моих!" — Старец, думая что пришелец по смирению называет себя бесом, сказал ему: "Чего ты от меня хочешь, брат мой?" — "Об одном умоляю тебя, отче святой, — говорил бес, — помолись Богу, чтобы Он открыл тебе: примет ли Он покаяние от диавола или отвергнет его? Если примет от него, то примет и от меня, ибо и я повинен в тех же грехах, в каких он". Старец сказал ему: "Приди завтра, я скажу тебе, что Господь мне откроет". Наступила ночь, старец воздел преподобные руки свои на небо и стал умолять Человеколюбца Бога, дабы открыл ему: примет ли Он покаяние диавола? И вот предстал ему Ангел Господень и сказал: "Так говорит Господь Бог наш: почто умоляешь ты за беса державу Мою? Он только искушает тебя...". Старец сказал Ангелу: "Почему же Господь Бог не открыл мне сей хитрости бесовской?" — Ангел отвечал: "Не смущайся сим, тут было особенное намерение Божие, чтобы не предавались отчаянию грешники, много беззаконий соделавшие, а приносили покаяние перед Богом и знали, что Бог никого не отвергает, к Нему притекающего, если бы даже и сам сатана пришел к Нему с истинным раскаянием; притом Бог не открыл тебе бесовского лукавства еще и для того, чтобы обнаружилось вполне бесовское ожесточение и отчаяние. Итак, когда придет к тебе искушитель за ответом, то не отвергай его, а скажи: "Видишь, как милосерд Господь: Он не отвращается никого, кто приходит к Нему в покаянии, хотя бы и сам сатана пришел. Он и тебя обещает принять, если только исполнишь ты повеленное от Него". А когда он спросил тебя: что ему повелено от Бога? — скажи ему: Господь Бог так говорит: "Знаю Я, кто ты и откуда пришел с искушением, ты — злоба древняя и не можешь быть новой добродетелью, ты изначала начальник зла и ныне добра делать не начнешь, ты ожесточился в гордости, и как ты можешь смириться в покаянии и получить помилование? Но чтобы ты не оправдывался в день Судный, чтобы не говорил: я хотел покаяться, но Бог не принял меня, — се, Благий и Милосердный Господь определяет тебе, если только сам захочешь, такое покаяние. — Он говорит: стой три года на одном месте, обратясь лицом к востоку, и день, и ночь взывая к Богу: "Боже, помилуй меня — злобу древнюю!" — и повторяй сие сто раз; потом говори: "Боже, помилуй меня — прелесть помраченную!" — и это также сто раз; и еще: "Боже, помилуй меня — мерзость запустения!" — опять стократно. Так взывай к Господу непрестанно, ибо ты не имеешь состава телесного и потому

не можешь утрудиться или изнемочь. Вот, когда сие исполнишь со смиренномудрием, тогда будешь возвращен в твой прежний чин и сопричтен к Ангелам Божиим". И если бес обещается сие исполнить, то прими его в покаянии, но Я знаю, что злоба древняя не может быть новой добродетелью". — Так изрек Ангел и восшел на небо. На другой день пришел и диавол и еще издалека начал рыдать голосом человеческим. Он поклонился старцу, и старец, не обличая его коварства, сказал ему так, как повелел Ангел. И что же? Зерефер в ответ на его речи громко захохотал и сказал: "Злой чернец! если бы я захотел назвать себя злобой древней, мерзостью запустения и прелестью помраченной, то уже давно бы это сделал и уже был бы спасен; ужели ты думаешь, что я теперь назову себя древней злобой? Никогда этого не будет! И кто это тебе сказал? Да я и поныне у всех в большом почете, и все со страхом повинуются мне, а ты вообразил, что я назову себя мерзостью запустения или прелестью помраченной? Нет, чернец, никогда! Я еще царствую над грешниками, и они любят меня, я живу в их сердцах, и они хотят по воле моей. Да чтобы я стал рабом непотребным ради покаяния... нет, злой старик, никогда и ни за что! Никогда я не променяю своего почетного положения на такое бесчестие!" — Сказал сие диавол — и с воплем исчез. А старец стал на молитву и, благодаря милосердие Божие, говорил: "Истинно слово Твое, Господи, что злоба древняя не может быть новой добродетелью, и начальник всякого зла не будет делать добра!.."

Сие мы поведали вам, братие, не ради праздного любопытства, — говорит в заключение благочестивый писатель сего сказания, — но дабы вы познали Божию благодать и милосердие. Итак, не отчаивайся ты, который безмерно скорбит о множестве грехов своих, у Бога милости много. Он и самого диавола с любовью принял бы в прежний ангельский чин, если бы тот захотел покаяться. А для нас-то, грешных, Господь и Крови Своей не пожалует... Одного должно бояться, как бы грех не довел тебя до ожесточения, подобного сатанинскому. А это легко может случиться, если над тобой возобладает сатанинская гордость. Вот тогда-то ты уже, конечно, погибнешь, погибнешь потому, что в гордости своей не захочешь принести покаяния. Вспомни книжников и фарисеев иудейских. Чего Господь не делал для их вразумления? каких чудес не являл? Они видели Его чудеса, понимали, что такие дела не может делать простой человек, и однако же — кто не знает, чем все это кончилось? "Человек сей много знамений творит, — рассудили они, — много чудес Он совершает, надо убить Его!" — И убили, на Крест распяли... Вот до чего может дойти сатанинское ожесточение горделивого сердца человеческого! А в наше время гордость человеческая доходит до того, что есть люди, для которых смиренная добродетель стала почти столь же ненавистна, как и для самого сатаны; чтобы отделаться от докучливых обличений совести, они в ослеплении своем уже открыто говорят то, что древний безумец говорил только в сердце своем: «*несть Бог...*» "Нет Бога, — говорит такой человек, — я сам себе бог, и никакой власти над собой, ни Божеской, ни человеческой, я знать не хочу!"

Несчастный, он и не догадывается, что стал усердным учеником духа гордости и, подобно школьнику, только повторяет дерзкие речи своего учителя — злого духа Зерефера... А в таком ожесточении сердца возможно ли покаяние и спасение?

(Рассказ из Жития преподобного Антония Великого)

70. Древнерусские поучения против пьянства

1.

Святые Отцы, по повелению Господню, уставили святые и честные праздники Господни и заповедали праздновать оные духовно, а не телесно, не для того, чтобы чреву угождать пьянством, но чтобы молиться Господу о своих согрешениях, кормить вместе с собой немощных, в приличное время питая тело земной пищей, а душу — духовной. Посему на большие праздники пиров не давайте, а пьянства убегайте; можно немного выпить, но чтобы при сем соблюсти душу от греха и особенно беречь часы службы Божией, чтобы молиться Богу с трезвым умом, а не пьяным, как и апостол Петр говорит: «...трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол яко лев рыкая ходит» (1 Пет. 5; 8), ища пьяных, чтобы их поглотить. О горе нам, братие! Как нам, пьяным, уберечь себя от диавола, если будем лежать, точно мертвые, убежавшие от Бога ради пьянства, удаленные от Духа Святаго ради смрада пьяного, не имущие Слова Божия во устах своих ради пьяной гнилости; как убежать диавола, когда и Ангел-хранитель в то время удаляется от человека и плачет, а бес, смотря на пьяницу, радуется? И приносят бесы к сатане жертву пьянства от пьяниц, веселится сатана и говорит: "Никогда я столько не радуюсь жертвоприношениям неверных язычников, сколько радуюсь пьянству христиан, ибо пьяницы все мои дела готовы выполнить, и за то пьяницы и запойцы из христиан мне милее некрещеных идолопоклонников, потому что трезвых людей Бог хранит, а пьяниц ненавидит и гнушается ими, — один только я радуюсь за них: ведь они — мои, а трезвые — Божии". И говорит сатана бесам, его подчиненным: "Идите, приучайте христиан к пьянству и всякому делу моего хотения". А Ангелы Божии поведали о том с великой печалью Отцам святым, дабы они отклоняли христиан от пьянства, и святые Отцы написали в своих книгах сие чистое и благочестное учение, учение верное и святое, и передали его христианам, дабы они жили по их учению и удостоивались жизни вечной; и кто слушает сие учение святоотеческое и живет трезво, творя дела, Богу угодные, будет жителем Царства Небесного, будет наслаждаться благ вечных, а кто не слушает, тот будет осужден вместе с диаволом в муку вечную. Зная о сем, потщимся, братие, в трезвом, а не в пьяном уме работать Богу и хранить Его неложные заповеди, и поживем в них день и ночь, прославляя Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

(Из рукописи "Золотая цепь")

2.

Братие! Знаете ли, как пьянство ненавистно Богу? Ведь Сам Господь сказал через Своего Апостола: *«Пияницы Царствия Божия не наследуют»*; им уготовано мучение вместе с ворами, с прелюбодеями, с разбойниками. Не запрещается вовсе пить, святые Отцы не запрещали есть и пить в миру и в подобающее время, но они отвергли объедение и пьянство. Дьявол вовсе и не ел, и не пил, но ниспал с неба в преисподнюю, а святой апостол Павел и пил, и ел, но восшел на небо. Для умных людей питье служит к увеселению, а неразумных пьянство без меры ведет ко греху, которого им никогда не избыть. Пусть пьет, кто умеет пить в меру и не выпускает худого слова из своих уст. Если бы неразумный человек, упившись, не грешил, то сему и мертвецы могли бы подивиться. Ибо о пьющих без меры сказано в Писании: *«Кому горе? кому молва? кому судеве? кому горести и свары? кому сини очи? Не пребывающим ли в вине, и не назирающим ли, где пирове бывают?»* (Притч. 23; 29, 30). Пьяница подобен бывает свинье: как свинья, где бы не проходила, везде тычется носом, так и пьяница, куда бы не пришел на пир, везде умом претывается. О, горе нам, братие! Какое мучение ожидает нас, живущих привольно и ленивых к Церкви Божией, пропивающих вечерни и утрени, и другие часы службы Божией! Что ты делаешь, человеце, живя бесчинно и порочно, подражая обычаям неверных? Ведь это им прилично напиваться для удовольствия, а не христианам; христианам должно вместе с окончанием вкушения пищи кончать и вкушение вина, а ты просиживаешь целый день за вином и потом делаешься уже неспособным ни к какому занятию, ни телесному ни духовному, — все продаешь за вино, и душу, и тело... И в самом деле, достойно удивления: вкусить пищи в известный час, а потом целый день проводить в винопитии! Ведь и бессловесные животные так не делают, хотя они и Бога не ведают, и будущего Суда не ожидают, да и никаких нет у них попечений житейских. Мне кажется, что они смеются над нами; если и не говорят, то, кажется, думают так: "Мы, твари неразумные, а и то, когда отъедим, тогда и пить перестаем, а эти ненасытные люди и отдыха не знают, все пьют, будто у них два желудка: один для пищи, а другой для питья, и льют вино в этот желудок, как в утлую посудину, пока не забеснуются от пьянства".

Есть два вида пьянства: одно, когда хвалятся, говоря: "Это де еще не пьяница, если, напившись, ляжет спать, а тот де пьяница, кто дерется, бранится и ругается". А я попытаюсь доказать, что и смирный человек, напиваясь, согрешает, хотя бы и спать он лег, только недоумеваю: к чему бы мне приравнять его? Назову ли его скотом? Но он хуже скота. Прозову ли зверем? Но он и зверя хуже и неразумнее. Смирный пьяница валяется, как болван и мертвец, и часто смердит не лучше мертвеца... А когда этот смирный пьяница, в святой праздник напившись по горло и ослабев, лежит без движения в то время, как люди богобоязненные услаждают свои сердца в церкви Божественным пением и чтением и яко на небеси мнят себя быти, — он же, говорю, не может и головы поднять, — тогда чем он разнится от

неверных? Умолкни ты, который говорит: "Хоть я и напьюсь, но зла не сделаю". Смотри, сколько ты делаешь зла, пропивая праздники! Этот смиренный пьяница полюбил жизнь роскошную, как оный Евангельский богач, и за то будет вместе с ним в вечном пламени геены искать прохлады языку своему, и никогда не найдет, если смерть застанет его в таком положении. А драчливый пьяница не только сам себе вредит, но и другим: он поносит и укоряет людей благочестивых и боголюбивых, а если он к тому же еще власть имеет над другими, тогда уже двойное зло, ибо, боясь обличения, он желает всех поработить своей пагубной привычке, ненавидит людей благоговейных, любит себе подобных и влечет их за собой в огонь неугасимый, поблажая им и соблазняя их. Посему проводите, братие, праздники так, как подобает сие исполнять в новой благодати, — не с избыточными трапезами и питьем, не устраивая игр и гуляний, как это делают неверующие, а паче всего питайте и одевайте убогих, защищайте обидимых, помогайте бедным, держите между собой мир да любовь, а вкусной трапезой ведь Богу не угодите. Он сам сказал: *«...еда (разве) ям мяса юнча или кровь козлов пию? Пожри Богови жертву хвалы и воздаждь Вышнему молитвы твоя»* (Пс. 49; 13,14). Нас спасает одна жертва — чистой совестью приемлемое Тело и Кровь Христова, а вкусная трапеза и сладкие питье — не есть дело богоугодное. Трезвым умом призывайте святых на помощь, когда молитесь о грехах своих, и знайте, что от пьяного никакой молитвы Бог не приемлет. Святой Дух ненавидит пьяного и Ангел-хранитель удаляется от него, так что даже неверных Бог хранит, а пьяниц ненавидит. А когда угощаете убогих, то, Бога ради, не давайте им пить допьяна, чтобы вам не лишиться у Бога награды за любовь странноприимства; ведь Бог сказал: *«милости хочу, а не жертвы»*. Итак, будем пить и есть во славу Божию и в приличное время, а всего более будем питать себя пищей духовной Священного Писания, а вместо питья возьмем учения и наставления святоотеческие, вот и будет наш праздник во славу Богу и святым на радость, и душам нашим во спасение. Тогда и тело наше будет здорово, и Ангел-хранитель неотступно будет при нас, и бесы будут прогнаны. Богу нашему слава. Аминь.

(Из рукописного "Сборника")

71. Обличительная беседа со скопцами

На чем вы утверждаетесь в своей вере и какое имеете свидетельство от Священного Писания?" — спросил скопцов о. Иоанн. Скопцы отвечали: "Мы идем по Евангелию, ибо там сказано: *«суть бо скопцы, иже из чрева материя родившася тако: и суть скопцы, иже скопишася от человек; и суть скопцы, иже исказиша сами себе, Царствия ради Небеснаго»* (Мф. 19; 12). Вот мы на чем утверждаемся". Иоанн: "Здесь нет никакой Господней заповеди или приказания, ниже дан совет, а сказал это Господь только примерно. Для чего же вы только на одном иносказательном Евангельском

слове утверждаетесь, а прочие Евангельские прямые и ясные словеса, заповеди и советы Господни отвергаете? Не явно ли, что вы только прельщаете простых и незлобивых овец? Ежели бы вы скопились совершенно Бога ради, то должны бы вы прежде исполнить Господни Евангельские заповеди, слушать Христовой Церкви и повиноваться пастырям, и исполнять церковные установления. Ибо Господь сказал: *«Слушайяй вас, Мене слушает: и отменяяся вас, Мене отменяется: отменяяся же Мене, отменяется Пославшаго Мя»* (Лк. 10; 16). И еще: *«Аще кто Церковь преслушает, будит тебе якоже язычник и мытарь»* (Мф. 18; 17). Но вы отнюдь не слушаете ни Церкви, ни ее пастырей, а идете своей кривой дорогой. Господь так сказал: *«Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим»* (Мф. 19; 21). И еще: *«Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет»* (Мф. 16; 24). А вы оставили ли и возненавидели ли мир и вся, яже в нем? Раздали ли имение свое? Взяли ли крест свой — нищету и самоотвержение, пост и послушание, и прочие злострадания? Возлюбили ли Господа Иисуса Христа от всего сердца своего и от всего помышления своего? Не явно ли, что вы сами прельстились, да еще и прочих прельщаете? Не больше ли вы собираете имения, золота и серебра, нежели те, которые живут и с женами? Живете вы во всех телесных и душевных страстях, в сластях и роскоши, посреди градов, домами и семействами. Только и есть одно, что скопились и упразднили свой плод, как сухое и непотребное древо. Но этим самым воюете вы против Самого Бога, Который сказал: *«...раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею»* (Быт. 1; 28). Для чего вы противитесь Божию повелению и благословию и гнушаетесь браком и чадородием, как скверной и беззаконием? Не Сам ли Господь ходил на брак и там первое чудо сотворил, воду в вино претворил? Для чего же вы гнушаетесь браком и деторождением? Не явно ли, что вы противоборствуете Самому Господу Богу во Святой Троице славимому: Отцу, Который сотворил мужа и жену, и сказал: *«...раститесь и множитесь»*; Сыну, Который Сам благословил брак и сказал: *«...оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей»* (Мф. 19; 5); и еще: *«...еже убо Бог сочета, человек да не разлучает»* (Мф. 19; 7); Духу Святому, Который совершает тайну брака? Для чего вы противоборствуете всей Святой Христовой Церкви, Пророкам и Апостолам, Вселенским Соборам и всем святым Отцам? Ибо никто из них не отвергал брака, но все его признали тайной Святой Церкви; никто не заповедал скопиться и отрезывать свои уды: ни в Ветхом законе, ни в Новом, ни Господь Иисус Христос, ни Пророки, ни Апостолы, ни который из святых Отцев". Скопцы: "Не похвальна ли чистота и девство паче супружества? Не спаслись ли многие без жен?" — Иоанн: "Воистину так: чистота и девство несравненно выше и честнее перед Богом, нежели супружество; и сколько небо выше земли, столько девство выше супружества. В Ветхом законе многие соблюли девство свое нерушимо, как, например, святой пророк Илья и святой Иоанн Предтеча. Но они были не

скопцы, а девственники. Такожде и в новоблагодатной Христовой Церкви бесчисленное множество девственников было и донныне есть. И первые — святые Апостолы; но они уды не отсекали, а отсекали от себя все мирские и телесные прихоти и суетные мирские попечения, и страсти, и плоть, и уды своя только умертвили постом и злостраданием. И брак они не возбраняли, но еще и благословляли, и заповедали женам любить своих мужей, а мужам — любить своих жен (Еф. 5; 25). Хотя Апостолы и ублажали девство и безбрачную жизнь паче супружеской, но отдавали каждому на произволение, кто что может вместить, а не принуждали, как вы. Святый апостол Павел пишет: *«Сие же глаголю по совету, а не по повелению. Хощу бо, да вси человецы будут якоже и аз: но кийждо свое дарование иматъ от Бога, ов убо еще, ов же еще. Глаголю же безбрачным и вдовицам, добро им есть, аще пребудут, якоже и аз: аще ли не удержатся, да посягают: лучше бо есть женитися, нежели разжигатися»* (1 Кор. 7; 7-9). Вот, святый Апостол не учил скопиться, как вы, но внушал самопроизвольное воздержание, кто что может вместить. Так же и все святые работали и служили единому истинному Господу Богу в девстве и в чистоте, умертвили плоть свою со всеми страстями и похотью и принесли Господу Богу дары — девство и чистоту телесную и душевную. И ныне многие тысячи, подобно им, подвизаются. Вы же идете совсем напротив учения Господа Иисуса Христа и святого Евангелия, и напротив святых Апостолов и всех святых Отцев, и напротив Святой Христовой Церкви. Вы гнушаетесь браком, отмечаете все церковные таинства и пренебрегаете всем священным чином, поставленным от Самого Господа Иисуса Христа, отсекаете свои уды, а сами пребываете во всех страстях, живете посреди мира, без сытости собираете тленное богатство, да и прочих прельщаете и всеми силами стараетесь вовлечь с собой в погибель". Скопцы: "Как вы говорите, что мы не несем креста? Какого еще нам больше креста, что нигде нам не дают места, но всюду нас гонят и все нас ненавидят?" — Иоанн: "Не одних вас гонят, и ненавидят, но всех, зло творящих людей, воров и разбойников, еще и казнят. Святый апостол Павел учит: *«аще же и постраждет кто, не венчается, аще незаконно мучен будет»* (2 Тим. 2; 5). А вы страдаете за свои незаконные дела. Ежели бы вы страдали за девство и чистоту, а принуждаемы были к браку или к беззаконию, то бы вы блаженны были, но несть тако, несть. Святая Христова Церковь никому не запрещает пребывать в девстве и соблюдать чистоту телесную, но еще и весьма ублажает девство, и превозносит паче супружества, ибо девственная и чистая жизнь подобна ангельской. А вы страдаете за свои дела, и не только в этом веке страдаете, но и в будущем вечно будете страдать за ваше противление Господу Иисусу Христу и Его Святой Церкви, и церковным пастырям, которым Сам Иисус Христос препоручил ключи Царствия Небесного и дал полную власть вязать и решить, а нам строго приказал их слушать; а кто их не послушает и отметнется, тот Самого Бога отметнется и не послушает. Который апостол или патриарх, или епископ научил вас скопиться? Воистину, ни един. В

древности оскопился еретик Ориген, и вы теперь — его последователи и ученики. Не явные ли вы еретики и богоотступники? Вы тайно совершаете свои особенные скверные праздники и припеваете свои богопротивные песни и молитвы. А хотя вы и ходите в православные христианские церкви, но это делаете только для приличия и лицемерно, а сердце ваше далече отстоит от Иисуса Христа и от Святой Церкви. Хотя вы и прикрываетесь сверху овечьей кожей, но внутри вы волки и хищники...".

(Сию беседу вели со скотцами два инока, Иоанн и Парфений, обратившиеся из раскола в Православную Церковь. О. Парфений был впоследствии игуменом Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря; из его сочинений и взята предлагаемая беседа)

72. Притча о двух господах

Два человека стояли на площади города и ждали, не наймет ли их кто-нибудь себе в услужение. Они были родные братья, но имели весьма различные свойства: старший был рассудителен и опытен, младший был ветреней, легкомысленен и особенно склонен к забавам и удовольствиям. Оба они были бедны и потому должны были искать себе занятие и пропитание. В том же городе два господина искали себе слуг: один имел обширное хозяйство и, давая праздным людям дело у себя, хотел через то доставить и себе удовольствие, и им выгоды; другой же, хотя не занимался хозяйством, но был тщеславен и всегда завидовал первому, а потому собирал у себя в доме как можно более слуг, чтобы блистать пышностью и великолепием. Посланные от обоих господ пришли на площадь и стали звать обоих братьев, каждый к своему господину. Один говорил: "Идите служить к нам: наш господин богат и щедр, много у него работы, но велика и награда; надобно только быть прилежными и верными, и он сделает вас навек счастливыми". Другой говорил: "Нет, идите лучше к нам: у нашего господина совсем нет никакой работы, а нужны ему люди только для легких услуг в доме; у нас вы будете проводить время в удовольствиях, о содержании же и плате и говорить нечего: увидите сами, как щедро он награждает служащих ему". Братья долго думали и не решались, куда им идти. Старший предпочитал первого господина, а младший пленился описанием веселой и приятной жизни у последнего и решился непременно идти к нему. Таким образом, братья, хотя с некоторым прискорбием, решились разлучиться. Впрочем, чтобы знать, кто удачнее сделал выбор, положили в каждую неделю один раз видеться и рассказывать друг другу о своем житье. По истечении недели оба брата, по условию, увиделись. "Как живешь, брат? — спросил младший, — каков твой господин? Как тебя принял? Ты что-то невесел и уныл: видно тебе не посчастливилось?" — "Не знаю, что тебе сказать на это: я и доволен, и нет. Господин наш, как видно, человек богатый и весьма добр. Принял меня и важно, и ласково, обещал щедро награждать, если буду исправен и верен, и, не отлагая надолго, тот же

час назначил мне дело и велел идти на работу. "Время дорого, — говорил он, — не надобно терять ни минуты". Содержит нас хорошо, о каждом печется, как о родном, сам наблюдает, все ли довольны и здоровы. Хорошо бы нам жить у него, да слишком много дела. Я не много пожил, а уже измучился от трудов. А ты как живешь?" — "О, я не живу, а блаженствую. Наш господин самый любезный человек в свете. Какой у него богатый дом! Везде золото и серебро, либо мрамор. А как он меня принял! Это, кажется, не господин, а друг и товарищ. Все мое дело состоит в том, чтобы или провожать господина в театр, на охоту, в гости, или у себя принимать гостей, доставлять им удовольствия, забавлять их и только. Прошла целая неделя, а я и не видал ее. А какое содержание! Не только пища та же, какую сам употребляет, но и вино позволяет нам употреблять, сколько хотим. О, я бы советовал и тебе к нам же перейти". — "Посмотрю, что будет далее, — сказал старший брат, — если не будет мне легче, то я, кажется, решусь на это. Через неделю скажу тебе, что придумаю". Неделя прошла, и братья снова увиделись. "Что, решился ли ты оставить своего строгого господина? — спросил младший брат". "Нет, — ответил старший, — теперь и не думаю никогда отходить от своего господина: я вижу, что живу в добром месте. Господин наш самый добрый и благородный человек, какие богатые подарки он нам делает!" — "Но ведь ты говорил, что у него трудно; разве теперь вам меньше дела?" — "Нет, не меньше, но я ныне привык к трудам. Теперь мне ничего не стоит встать с восходом солнца и заниматься во весь день. Даже я не могу понять, как я прежде мог жить без занятия и труда, как и ты теперь живешь. Я думаю, что ты должен скучать". — "О, не заботься обо мне. Я не вижу, как время летит. У нас удовольствия столь разнообразны и столь их много, что скуке не может быть места". — "А ты отчего томен и бледен: уже здоров ли ты?" — спросил старший. "О, ничего, — отвечал младший, — это, конечно, оттого, что я ночью мало спал, потому что до самой зари веселился с гостями. Да и теперь мне время идти домой и приготовиться к принятию гостей. Прощай". Еще прошла неделя, и братья опять свиделись. "Здоров ли, брат любезный? ты бледен и худ, тебя едва узнать можно!" — "Ах, я едва могу ходить. Кажется ничего трудного не делал, проводил время в одних играх и забавах, но и они меня так истомили и измучили, что я начинаю опасаться, чтобы не случилось со мной чего худого". — "Я предугадывал, что это случится с тобой: но только не смел говорить тебе, потому что тогда ты бы меня не послушал. Но послушай теперь, брат любезный, послушай совета искреннего, — перемени образ жизни, оставь своего господина. Ты не много послужил у него, но так изнурился, а что будет после? Что будет, если он тебя сошлет от себя, когда ты не в состоянии будешь служить ему? чем ты будешь тогда жить? Подумай об этом!" — "Я уже и сам думаю о сем и располагаюсь отойти от своего господина. Только теперь нельзя сего сделать, надобно кончить некоторые дела. На следующей неделе надеюсь быть свободен". Через неделю старший брат пришел на место свидания, но младшего там не было. Долго ждал он его и, не дождавшись, наконец,

решился идти к нему в дом. — "Не болен ли он, надобно посетить его". Подходя к дому, он еще издали видит у него великолепный съезд, слышит громкую музыку и, подумав, что брат его, конечно, занят принятием гостей, хотел идти назад. Но в какое он пришел изумление, когда не в дальнем от себя расстоянии услышал стон и потом увидел своего брата, лежащего на голой земле! "Что с тобой, брат? Каким образом ты очутился здесь, и в таком жалком положении?" — "Ах, — отвечал тот, — сколько я был безумен, что служил господину, который не имеет ни чувства, ни совести, который только обольщает бедных людей приманкой приятной службы, а после, вот видишь, как за оную награждает! Услышав о моей болезни, хозяин тотчас сказал мне, что более не имеет во мне нужды, и что, следовательно, я должен искать себе другого места. Я представлял ему мое усердие к служению, но он сделал знак слугам, и они насильно вывели меня за ворота и оставили здесь умирать от болезни и горести". — "Несчастный брат! — сказал старший, — твое легкомыслие погубило тебя. Но если выздоровеешь, надеешься ли ты преодолеть свою склонность к забавам и неге и трудиться, сколько сил станет? В таком случае я бы сказал о тебе моему господину, и он, по своему милосердию к бедным, верно, не отринет тебя, несмотря на то, что ты служил у врага его, и приложит о тебе попечение, как отец. Только обещай впредь служить ему одному, сколько позволят твои силы. У нас тебе будет хорошо". У бедного появились слезы на глазах. — "Веди меня к нему", — сказал он и тотчас же побрел, хотя и с трудом, опираясь на плечо своего брата, к новому господину. Милосердный господин милосердно его принял, обласкал, успокоил, скоро исцелил от болезни, приохотил к трудам и сделал его счастливым человеком.

Братья — это все мы. Господин, сперва принявший к себе столь ласково, а потом изгнавший от себя столь презрительно меньшего брата — это мир, который обманывает людей ложным видом своего богатства, увлекает приманкой непрестанных забав и удовольствий, а потом оставляет на явную гибель. Другой господин, строгий, но справедливый и благий, коему служит старший брат — это Бог, который, дав нам краткое время жизни, требует, чтобы мы оное все без малейшего опущения проводили в трудах. Служение Богу сначала кажется тяжким и трудным, но потом легким и приятным, и оканчивается приобретением от Него богатейшего наследия — Царства Небесного. Блажен, кто в служении Богу проводит все время своей жизни! Счастлив и тот, кто, хотя и служил миру, но увидел его обман, и пришел к Богу с искренним раскаянием и готовностью впредь служить Ему одному! Но горе тому, кто всю жизнь свою служит миру и умирает слугой мира!

(Из "Христианского чтения", 1831)

73. Что такое Священное Предание?

Апостолы в своих книгах не все написали, что слышали от Иисуса Христа и что внушал им Дух Святой, многое из этого они передавали

верующим на словах, устно. И потому-то апостол Павел писал к Солунянам: *«Темже, братие, стойте, и держите предание, имже научитесь, или словом, или посланием нашим»* (2 Сол.2; 15). Это-то учение, словесно переданное Апостолами и после написанное святыми Отцами, называется Священным Преданием. Таким образом, вот какое различие между Священным Писанием и Священным Преданием: Священное Писание заключает в себе Божественное учение, письменно переданное нам Апостолами, а Священное Предание заключает в себе Божественное учение, переданное нам Апостолами словесно. Что же именно такое дошло до нас посредством Священного Предания? Это некоторые истины и происшествия, которые с самых первых времен христианства Церковью признаются за откровенные и совершенные Самим Богом, это некоторые постановления и обычаи, которые первенствующими христианами соблюдались и доселе соблюдаются, как от Бога происшедшие. Мы, когда молимся, творим на себе крестное знамение, мы святым иконам и святым мощам поклоняемся, мы святых угодников Божиих и святых Ангелов на помощь призываем, мы в известные времена года и дни постимся, мы церковные службы совершаем по известному чину, мы при таинствах различные обряды наблюдаем, мы об умерших молимся, да и много творим и принимаем такого, о чем в Священном Писании прямо нигде не говорится. От кого же мы узнали, что все это должно признавать и исполнять, как Божественное, как необходимое для нашего спасения? Все это дошло до нас по преданию: Отцы Церкви все это слышали от Апостолов, а Апостолы слышали от Иисуса Христа или научены были Духом Святым; и потому-то мы все, дошедшее до нас по преданию от Апостолов, исполняем, как Божественное, и признаем за Божественное. Вот что Василий Великий говорит о Священных Преданиях: "Из соблюденных в Церкви догматов и проповеданий некоторые мы имеем от письменного наставления, а некоторые прияли от апостольского предания по преемству в тайне. Те и другие имеют одну и ту же силу для благочестия, и сему противоречить не станет никто, хотя и мало сведущий в установлениях церковных. Ибо ежели отважимся отвергать неписанные обычаи, как будто не великую важность имеющие, то неприметно повредим Евангелию в самом главном, или паче от проповеди апостольской оставим пустое имя". Но так как есть и могут быть предания ложные, выдуманые, то необходимо знать, как от них отличить предания истинные, Божественные. Истинные предания от ложных вот как можно и должно отличать: надобно обращать внимание на то, с которого времени вошло в употребление известное предание и, главное, согласно ли с духом Священного Писания. Если оно дошло до нас не от первых времен христианства, а притом и с духом Священного Писания несогласно, то это явный знак, что оно не священное, не Божественное предание. Таковы многие предания у еретиков, хотя они и давни у них, но все же не апостольские, не Духом Святым внушенные, а людьми придуманные. Таковы большей частью предания у наших раскольников. Раскольники и сами, кажется, это чувствуют, по

крайней мере, они никогда и не берутся подтверждать свои предания Священным Писанием или преданиями апостольскими. У них один на все ответ: "Отцы и деды наши так делали", — а сообразно ли с духом Священного Писания делали отцы и деды, или по примеру ли святых Апостолов поступали, — они об этом не знают и не думают. Может быть, кто-нибудь скажет: "Почему Апостолы сами не написали всего, что нам нужно знать для благоугождения Богу и спасения души? Если бы они все сами написали, то, может быть, не было бы после никаких недоумений и споров". Отвечать на этот вопрос нетрудно: Апостолы сами не написали всего потому, что и без их писания все могло сохраниться так, как они учили. Тогдашние верующие, для которых Апостолы преимущественно все писали, и без письменного напоминания знали и исполняли то, что теперь заключается в Священных Преданиях. «Хвалю вы, братие, — писал апостол Павел к Коринфянам, — яко вся моя помните, и якоже предах вам, предания держите» (1 Кор. 11; 2). Апостолы и за нас в этом случае не боялись, они, несомненно, знали, что учение, передаваемое ими на словах, сохранится и дойдет до нас во всей своей целостности и чистоте. Ведь кому передавали они это учение? — Не одному какому-нибудь человеку, не двум, не трем, а целому обществу верующих, целой Церкви. "Не должно, — говорит святой Ириней, — у других искать истину, которую легко заимствовать от Церкви. Ибо в нее, как в богатую сокровищницу, Апостолы в полноте положили все, что принадлежит истине". Могло ли не сохраниться устное учение Апостолов в столь верном и крепком хранилище, какова Церковь? И действительно, древние христиане свято хранили все то и дорожили всем тем, чему научились от Апостолов, что Признавали Божественным. Многие из них соглашались терпеть жесточайшие мучения, и терпели, и умирали, а не соглашались на изменения Священных Преданий. Таким образом, Апостолам нечего было бояться за устное свое учение: они передавали его обществу верующих, Церкви, которая есть живая книга веры, столп и утверждение истины, как говорит Апостол. Правда, много было споров и недоумений касательно Священных Преданий, но разве не было бы этих споров и недоумений, если бы Апостолы сами все написали? Были бы непременно. Священное Писание писано самими Апостолами, а разве мало было споров и недоумений касательно его? Когда люди судят по одному своему уму, тогда они никак не могут освободиться от недоумений; когда в людях действуют страсти, тогда они ни в каком случае не могут удержаться от споров. Так и касательно Священного Предания, и касательно Священного Писания много было недоумений и споров. Апостолы наперед это знали и предсказали, что будут лжеучители, так как и при них самих были уже они, — знали это; но они знали и то, что Церковь все недоумения, ими рассеваемые, разрешит, и все споры, ими возбуждаемые, прекратит. Святая Церковь, действительно, и исполнила это, и исполнила преимущественно на семи Вселенских Соборах. На сих Соборах вопросы и недоумения о Священном Предании и Священном Писании все разрешены, разъяснены; тут решал не один человек, а целые

сотни мужей, решали не простые какие-нибудь христиане, а пастыри и учителя Церкви, избираемые и поставляемые Духом Святым. Посему на решения Вселенских Соборов должно смотреть, как на решения Божественные, потому что собранные во имя Иисуса Христа Вселенские Соборы не новое какое-нибудь учение составляли, а утверждали то, что, как Божественное, дошло по преданию или находилось в Священном Писании. Таким образом, споры и недоумения, касательно Священного Писания и Священного Предания бывшие, Промысл Божий направил в назидание верующих: решением их еще более подтвердилось, что учение, заключающееся в Священном Писании и Священных Преданиях, есть, действительно, учение Божественное. Оно Божественное, ибо отразило все нападения, опровергло все возражения врагов своих, на семи Вселенских Соборах признано и утверждено. Не думайте, впрочем, что ныне уже не может быть никаких споров и недоумений касательно учения, заключающегося в Священном Писании и Священных Преданиях: люди — всегда люди, и страсти в них все те же.

5(Из поучений протоиерея Р. Путьятина)

74. Урок любви христианской

«Чадца моя, не любим словом ниже языком, но делом и истиною» (1Ин. 3; 18).

Чего не можешь ты сделать, любовь христианская? Разве только сатана не поддастся дивной силе твоей, разве только осатанелое, ожесточенное в греховной злобе сердце не смягчится от действия животворящей теплоты твоей! Для того и дано нам сердце, чтобы любить; любовью живет душа христианская, в любви находит она свое счастье, свое блаженство; *«пребывали в любви — в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает»* (1Ин. 4; 16); да и Сам Бог есть всесовершенная Любовь: *«Бог любви, есть»* (1Ин. 4; 16). Так говорит возлюбленный ученик Господа Иисуса Христа и Евангелист Иоанн Богослов, который самым делом показал, какую благодатную силу имеет любовь христианская. Святой Климент Александрийский в своих писаниях сохранил такой рассказ из жизни святого Апостола.

"Раз святой апостол Иоанн пришел в один город, неподалеку от Ефеса, где, между прочим, преподав утешение братии, заметил юношу, видного собой, прекрасного лицом, с пламенным взором; после всего, обратившись к начальствующему епископу, сказал: "Его особенно поручаю тебе в присутствии Церкви и перед Христом свидетелем". Епископ принял юношу в свое попечение и обещал приложить о нем все старание. Святой Иоанн опять повторил свое завещание и засвидетельствовал его; наконец, отправился в Ефес. Старец, взявши к себе в дом порученного ему юношу, воспитывал его, надзирал за ним, заботился о нем с нежностью, наконец, просветил его и святым Крещением, но после сего менее уже стал наблюдать и стараться о нем в той надежде, что печать Господа, положенная на нем, послужит ему

верной защитой. Освободившись преждевременно из-под надзора, юноша подружился, к несчастью, с молодыми людьми одних с ним лет, праздными, буйными, способными на всякое худое дело. Сперва они завлекли его тем, что не раз делали для него богатые пиры; потом, в одну ночь, отправившись на разбойнический промысел, взяли и его с собой; а, наконец, скоро склонили его и к важнейшим злодеяниям. Он привыкал к ним нечувствительно и, имея от природы отличные дарования, как дикий и могучий конь, сбившись однажды с прямого пути и закусив удила, быстрее и быстрее летел к пропасти. Отчаявшись же получить спасение от Бога, он не ограничился первыми опытами преступления, но решился на злодеяния самые ужасные, чтобы вполне уже разделить страшную судьбу с сообщниками своего злодеяния. Составивши из них шайку разбойников, он с охотой стал начальствовать над ней и превзошел всех зверством, кровожадностью и бесчеловечием. Спустя сколько-то времени, по одному нужному делу Иоанн опять приглашен был в тот же город. Устроивши все, что требовало его присутствия, он обратился к епископу и сказал: "Отдай же нам залог, который я и Спаситель вручили тебе в присутствии Церкви, тобой управляемой". Епископ сначала изумился, думая, не оклеветали ли его в присвоении каких-либо денег, тогда как он не брал никаких. Апостол далее изъяснился: "Я хочу знать о юноше, о душе брата нашего". Тогда старец тяжело вздохнул и со слезами сказал: "Он умер!" — "Как? Какой смертью?" — спросил Апостол. "Для Бога умер! — отвечал епископ, — стал злым, развратным, а, главное, разбойником. Теперь, оставив Церковь, он поселился на горе с подобным сообществом". Тут Апостол разорвал на себе одежду и с тяжким стоном, ударив себя по голове, воскликнул: "Доброго же стража душе брата нашего я оставил! Дайте мне коня! Пусть кто-нибудь проводит меня!" Тотчас со всевозможной скоростью он отправился из церкви. Наконец, подъезжает к указанному месту. Сторожевые разбойники схватили его, но он и не думал бежать или противиться. "Я затем и пришел, — говорил он им, — чтобы вы отвели меня к своему начальнику". А сей, между тем, ожидал его с оружием, но лишь только узнал, что приближается к нему Иоанн, со стыда обратился бежать. Апостол собрал все силы и, забывши старость свою, гнался за ним, крича ему вслед: "Что ты бежишь от меня, сын мой! не бойся! Есть еще надежда спастись тебе, сам буду отвечать за тебя Христу... Я рад, если нужно, умереть за тебя, как и Господь за нас; за твою душу я готов отдать свою... Остановись! Поверь, Христос послал меня!.." Услышавши это, юноша сперва остановился и смотрел в землю, потом бросил свое оружие, задрожал и горько заплакал. Когда же старец Апостол приблизился к нему и обнял его, то юноша оправдывался, чем только мог — одними стонами, и очищал себя слезами, как бы вторым крещением. Апостол уверял, клялся, что и для него приобретено Спасителем прощение грехов, умолял его, пал на колени, даже начал целовать его правую руку, как бы она была уже очищена покаянием, и, таким образом, опять привел его в Церковь. Потом Иоанн начал усердно и часто молиться за него Богу, вместе с ним

содержал продолжительные посты, успокаивал его мысли разными назидательными беседами и, говорят, не прежде удалился, как совершенно уже возвратил его в недра Церкви".

Так любовь великого старца Апостола из волка сделала кроткого агнца, из разбойника — послушного сына Церкви. А ведь если бы Апостол не отлучался в то время, когда оный юноша сводил знакомство с людьми порочными, то он уж, конечно, не допустил бы ему дойти до такого падения. — О, если бы побольше было этой святой любви и в наших грешных сердцах! Сколько неопытных юношей безвозвратно погибает в наше время, сколько выходит из них безбожников и злодеев, от которых позором покрылась наша родная земля! Отчего это? К вам, родители, первее всего этот вопрос. Ведь не родились же эти несчастные злодеи такими злодеями, какими они стали потом? Так ужели ваша любовь не может уберечь детей ваших от этой гибели? Конечно, может, да в том-то и дело, что не всякую любовь можно назвать истинной любовью. Ведь любил одного юношу и епископ, которому поручил его Апостол, но оставил его без надзора, и — юноша едва не погиб; любил своих детей и мягкосердечный первосвященник израильский Илий, нежно любил их, но по любви своей позволял им всякое своеволие, а через это погубил и их, и себя самого. Значит, можно любить человека, и своей любовью ему же только вредить. А это будет уже любовь неразумная. Ты любишь своих детей? Так не позволяй им уклоняться с пути правого. Ты видишь, что они начинают сводить знакомство с людьми недобрыми? Ты слышишь, как они повторяют речи непристойные, каких наслушались у своих же порочных товарищей? Останови их властным словом родительским, запрети им строго-настрого знаться с порочными сверстниками. Или ты боишься огорчить их? Не бойся! После они же поблагодарят тебя за это. Только не упускай дорогого времени по пословице: выправляй деревцо, пока оно молодо, уростет да окрепнет — тогда поздно будет... Первосвященник Илий не исправлял своих детей, пока они молоды были, он стал их уговаривать только уж тогда, когда на их дерзкие кощунственные поступки стал жаловаться весь народ израильский. "Для чего вы делаете такие дела? — говорил он детям своим, — я слышу худые речи о вас от всего народа Господня; нет, дети мои, нехороша молва, которую я слышу о вас; не делайте так: вы развращаете народ Господень". Но уж поздно было: дети, сказано в книге Царств, не слушали голоса отца своего, и Господь решил предать их смерти (1 Цар. 2; 23-25). Вот чего бойтесь, родители! А не того, как бы не огорчить своих любимых детей. Если любишь своего сына, то возлюби паче всего его душу, — о ней прежде позаботься, чтобы она не погибла, — ведь в ней-то и есть образ Божий, который мы должны любить паче всего... Тогда любовь твоя будет разумная, любовь истинная.

(Рассказ из Жития святого апостола и Евангелиста Иоанна Богослова)

75. Помните, дети, пятую заповедь

Дети, повинуйтесь своим родителям о Господе, ибо сего требует справедливость. *«Чти отца твоего и мать твою — это первая заповедь с обетованием: да благо ти будет, и будешь долголетен на земли»* (Еф. 6; 1-3). Господь возвысил отца над детьми и утвердил суд матери над сыновьями. Почитающий отца очистится от грехов, и уважающий мать свою будет как приобретающий сокровища. Почитающий отца будет иметь радость от детей своих и в день молитвы своей будет услышан. Уважающий отца будет долгоденствовать, и послушный Господу успокоит мать свою. Боящийся Господа почтит отца и, как владыкам, послужит родившим его (Сир. 3; 2-7). Всем сердцем почитай отца твоего и не забывай родильных болезней матери своей. Помни, что ты рожден от них, и что можешь ты воздать им, как они тебе? (Сир. 7; 29-30). Делом или словом почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословение от них, ибо благословение отца утверждает дома детей, а клятва матери разрушает до основания. Не ищи славы в бесчестии отца твоего, ибо не слава тебе — бесчестие отца. Сын! Приими отца твоего в старости его и не огорчай его в жизни его. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение и не пренебрегай им при полноте силы твоей. Ибо милосердие к отцу не будет забыто, несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится. В день скорби твоей вспомнится о тебе, как лед от теплоты, растают грехи твои (Сир. 3; 8-10, 12-15). Помни об отце и о матери твоей, когда сидишь среди вельмож, чтобы тебе не забыться перед ними и по привычке не сделать глупости (Сир. 23; 17-18). Оставляющий отца — тоже, что богохульник, и проклят от Господа раздражающий мать свою (Сир. 3; 16) Глаз, насмехающийся над отцом и пренебрегающий покорностью к матери, выключают вороны дольные и сожрут птенцы орлиные (Притч. 30; 17). Кто обкрадывает отца своего и мать свою, и говорит: "Это не грех", — тот сообщник грабителям (Сир. 28; 24). — Вот как учит Слово Божие о почтении к родителям. "Самая совесть наша, — говорит святитель Тихон Задонский, — убеждает нас с любовью почитать родителей своих. Всякое почтение отдавай, христиане, родившим тебя, да благо тебе будет. Кого тебе и почитать, как не родителей? Родители твои суть великие благодетели твои, показывай им свою достойную благодарность. Поминай болезни и труды их, в твоём воспитании подъятые, и буди им за то благодарен. Знай точно, что ничем за благодеяние их, тебе оказанное, воздать не можешь. Много они тебя одолжили; много и ты им должен. Являй убо им сердечную за то благодарность во всю жизнь твою. Всякое послушание им показуй, — послушание же сие разумей тогда, когда родители приказывают тебе согласное слову Божию или непротивное. Потому и Апостол святой повелевает детям слушать родителей своих о Господе, то есть слушать в том, что Господу непротивно. Ежели же противное слову Божию что повелевают, в том крайне не должно слушать. О сем Христос Сын Божий научил в Святом Евангелии: *«...иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене*

достойн» (Мф. 10; 37). — Никакого дела вновь без их совета и соизволения не начинай, но о всем у них совета и соизволения спрашивай. Крайне берегись грубым словом оскорбить их, но со всякой учтивостью говори им и отвечай. Ежели за что наказуют тебя, и знаешь подлинно, что ты в том виноват, признавай свою виновность со смирением, с кротостью претерпи наказание, ибо наказуют тебя, да исправен и добр будеши. Ежели же знаешь свою невинность, и совесть твоя тебе оправдывает, то объявляй свою невинность со всякой учтивостью и смирением, да познают, что ты чадо их. Во всякой нужде и недостатке не оставляй их, но помогай им и послужи им, а паче в старости, какие немощи в них увидишь, молчанием прикрывай. Но ежели что и соблазнительное увидишь, крайне берегись осудить и кому объявить о том. Не подражай в сем деле Хаму, сыну Ноеву, который, видя наготу отца своего, изшед вон, поведал братьям своим; но последуй Симу и Иафету, братьям его, которые покрыли наготу отца своего и не видели ее. Буди убо и ты видай, аки не видай, когда что увидишь в своих родителях. Ежели проступишься и как-нибудь оскорбишь их, немедля, но тотчас со смирением, проси прощения, да не Суду Божию подпадеши, ибо если у всякого человека, оскорбленного нами, должно нам просить прощения и с ним примириться, по словеси Христову, кольми паче так должно нам поступать с родителями нашими, которых и любить, и почитать паче прочих людей должны мы".

И все святые Божии являли достоподражаемый пример послушания своим родителям. Довольно указать на Исаака, который из послушания отцу своему, Аврааму, охотно позволил ему связать себя и возложить на жертвенник, соглашаясь лучше умереть от руки отца, нежели воспротивиться его воле. А какое высокое почтение отдавали своим родителям древние люди! Кто был Соломон? Знаменитый мудрец, могучий царь, но и о нем читаем, что когда вошла к нему мать его, Вирсавия, просить об одном деле, он встал перед ней и поклонился ей, и поставили престол для матери царя, и она села по правую руку его. Наконец, высочайший пример повиновения родителям явил в Себе Сам Господь наш Иисус Христос, как о том свидетельствует Святое Евангелие. Из повиновения к Своей Пресвятой Матери совершил Он и первое чудо Свое в Кане Галилейской, претворив воду в вино. А какой пример нежной заботливости о Своей Матери явил Он в то время, когда со Креста поручил Ее попечению Своего ученика, возлюбленного Иоанна!

Дети! любите и почитайте своих родителей! Благословение родительское на воде не тонет и в огне не горит. Молитва родительская не допустит погибнуть человеку — она со дна моря достанет! Сколько детей исцелилось, сколько из мертвых воскресло, сколько на путь покаяния обратилось по молитве родительской! Блаженный Августин до своего Крещения со всей беспечностью молодости предавался греховным удовольствиям. Отец его, как язычник, сам нисколько не заботился об исправлении сердца своего сына; но мать, как набожная христианка, глубоко

скорбела о том, плакала и молилась, чтобы Сам Господь, имиже вестъ судьбами, исторгнул любезное ей детище из бездны порока. "Плакала, — как замечает сам Августин, — более, нежели другие матери плачут о смерти своих детей, ибо видела его духовную смерть". С глубокой скорбью пришла она раз к одному епископу и, поведавши ему свое горе, просила его помолиться Богу о сыне. "Поди с миром, — сказал святитель, — поступай так, как теперь поступаешь; невозможно, чтобы дитя толиких слез и молитв погибло". Слова этого пастыря оправдались на деле. Августин, чудесным образом обращенный в христианство, сделался не только радостью для своей матери, но и утешением всей Церкви, славным учителем и твердым защитником ее святых истин — словом и делом. Так сильна у Бога молитва родительская!

А вот пример и того, как строго Бог наказывает непочитающих родителей. К преподобному Парфению однажды приведен был юноша, жестоко мучимый нечистым духом. Святой старец, который своими чудодейственными молитвами исцелял больных при первом воззрении на страждущих, без всякой даже просьбы с их стороны, — теперь, посмотревши на молодого человека, отвратился от него с негодованием. Родители бесноватого, припадая к стопам святого, со слезами умоляли сжалиться над их сыном и освободить их от великого несчастья; но Парфений отвечал: "Сын ваш недостоин исцеления, ибо дух мучитель дан ему в наказание за то, что он вас злословил". Не скоро и только во уважение к настоятельной слезной просьбе родителей святой старец согласился принести молитву Богу о юноше и тем избавил его от страшного мучения. Справедливо говорит святитель Тихон, что таковые дети, или паче выродки рода человеческого, гнусны. Слово Божие изрекает на них грозное проклятие: *«проклят бесчестяй отца своего, или мать свою»* (Втор. 27; 26); и по закону Моисееву таковые предавались смертной казни (там же). "Итак, берегись, христиане, оскорблять родителей своих, — увещевает тот же святитель, — дабы не испытать на себе карающую руку Божию. После Бога нет у нас больших благодетелей, как родители наши. Страшно быть неблагодарным к ним. Притом знай: каков ты к своим родителям будешь, таковы и дети твои к тебе будут, по словеси Христову: *«в нюже меру мерите, возмерится вам»* (Мф. 7; 2).

76. Поучительные уроки из истории Всемирного потопа

Потоп Всемирный был образом будущего Страшного Суда Божиего, о чем говорит и Христос Господь наш во Святом Евангелии: Якоже бысть во дни Ноевы: тако будет и пришествие Сына Человеческого. Ядяху, пияху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное в ковчеге: и прииде потоп, и погуби вся (Мф. 24; 37-38. Лк. 17; 26-27). И поистине страшное зрелище представлял собой потоп. Когда воды прибывали и вдруг затопляли селения, города, все высочайшие здания, леса и горы, то люди бежали туда и сюда,

сидевшие за брачным пиром быстро поднимались из-за стола, — в ужасе, с побледневшими лицами они искали убежища, жених и невеста выбегали вон из брачного чертога и, спасаясь от воды, бросали друг друга; тут и там видны были несчастные матери с грудными младенцами на руках, — они бегали повсюду, не зная, где укрыться от воды... Одни восходили на высокие здания и башни, другие взлезали на большие деревья, иные спешили на высокие горы и вершины гор, но все было напрасно — никому невозможно было избежать сего грозного напора водной стихии... И те, у кого имелись тогда лодки и которые садились в них, скоро были опрокидываемы страшными волнами и погибали... Повсюду был страх, повсюду ужас, везде перед очами одна смерть! О, как сожалели и раскаивались тогда люди, что не слушали они Ноя, который всем проповедывал о грядущем потопе, а они только смеялись над ним! Они, конечно, говорили тогда: "О Ное, Ное! Как ты был мудр, что позаботился устроить для себя ковчег! О, мы окаянные! как мы были безумны и бессмысленны, не вняв твоей пророческой проповеди. О, если бы можно было нам войти теперь в ковчег твой! Как желали бы мы хотя бы и на всю жизнь быть заключенными там! Да, мы могли войти туда, но не хотели, а теперь и хотели бы, да не можем...". Так взывая, люди убегали от преследовавшей их повсюду смерти, опережали друг друга, теснились на возвышенных местах и толкали один другого в воду... О, как велик был страх и трепет тех, которые стояли на горах и высоких холмах и смотрели, как вода покрывала всю поверхность земную, все ниспровергала, поглощала людей и животных, разрушала города и крепости, затопляла вершины гор, подходила к ним самим и заливала их сначала по колени, потом по пояс, и, наконец, по шею...

Смотри, человеце, вот какое великое зло — грех, который на весь мир навлек такую гибель. И если так страшен был потоп водный, то каков же будет потоп огненный после второго Христова Пришествия! Подумай только, как страшен будет Бог, когда Он будет судить, — Бог, который ныне толико милосерд, когда Он милует нас! Тесно тогда будет тебе, грешник, отовсюду: в высоте небесной будет виден Судья грозный, пред лицом Которого вострепещут небо и земля; под ногами увидишь ты страшную пропасть геенскую; с одной стороны предстанут тебе грехи, обличающие тебя, с другой — множество демонов, коих один вид уже страшнее всякого мучения... Внутри тебя будет угрызать и точно огнем жечь — совесть твоя, а вокруг тебя весь мир будет во пламени, пожираемый стихией огненной, — *«небеса жегома разорятся, и стихии опаляеми растауются»* (2 Пет. 3; 12). Бедный грешник! Отовсюду окружен ты будешь бедами лютыми и страхом несказанным, и куда ты укроешься от них? Скрыться тебе будет невозможно, а если предстать лицу Божию — то не вынести тебе Его гнева великого! Спросишь: кто же будет свидетелем против меня? Отвечаю: да все стихии! Когда прогневан Создатель, все создание мстит прогневавшему Его...

«И помяну Бог Ноя», — говорит Писание, — не потому так говорит оно, чтобы Бог забыл его в сие страшное время, когда он носился в своем ковчеге

по водам потопным, находясь среди жизни и смерти; но потому, что настал уже час утешить раба Своего умалением вод потопных. Ибо нет у праведных печали, которая не претворялась бы в радость, как нет и у грешников радости, которая не обращалась бы в Печаль. Мы знаем уже, как все утехи и ликования грешников пред Потопом сменились внезапно горьким плачем и вечной гибелью; теперь посмотрим, как все скорби праведного Ноя, который находился в таком страшном положении, обратились для него в радость и веселье, когда, по милосердию Божию, его миновала сия страшная всемирная казнь потопная, и он вышел на сушу здоров и невредим со всеми бывшими с ним в ковчеге. О, как тогда возрадовался он, а с ним и дети его, и все животные, звери и птицы! И помянул Бог Ноя, которого никогда не забывал. Да и как Он мог забыть угодника Своего, когда Сам же сказал: *«Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе!»* (Ис. 49; 15).

Чтобы узнать, убывает ли вода потопная, Ной выпускал сначала ворона, потом голубя. Ворон не возвратился в ковчег, голубь возвратился. Здесь мы можем видеть изображение человека грешного и человека праведного. Ворон — это человек грешный, который отлагает покаяние со дня на день и не возвращается к своему ковчегу, то есть ко спасению, к своему Ною, то есть Спасителю. А праведный, если когда-нибудь и удалится от ковчега своей праведной жизни, если по действию вражью и впадет в некое прегрешение, однако же, нимало немедля, тотчас же восстает, возвращается к Богу с сокрушенным стенанием, аки голубица, имея во устах, как сучец масличный, слезную и богоприятную молитву и смиренное исповедание своих грехов с надеждой на прощение их по слову псалмопевца: *«Рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего»* (Пс. 31; 5). Ворону подобен человек грешный, — как ворон питается гнилой падалью, так и он любит насыщать свою душу мерзкими грехами сладострастия, которые смердят хуже трупов гниющих... А голубице подобен человек добродетельный, — он презирает дела богопротивные, как гниющие трупы, и гнушается ими, он тщательно изучает образ богоугодной жизни людей праведных, как голубица облетает масличные деревья, и собирает себе от них душевную пользу, как Ноева голубица — ветки маслиничные.

Можем и еще сделать уподобление для своего духовного назидания: Ной — это образ Христа, ковчег — это образ Церкви Христовой, а потоп — это гонение на Церковь. Не погрузил потоп ковчег Ноева, — и гонения никогда не одолеют Церкви Божией: *«врата адова не одолеют ей»*. В ковчеге вместе находились и дети Ноевы, и животные бессловесные; так и в Христовой Церкви вместе пребывают и добрые христиане, и злые, то есть и праведные, и грешные. И как в ковчеге Ноевом ради людей были спасены от потопа и бессловесные животные, так и в святой Церкви ради праведных бывают хранимы и покрываемы милосердием Божиим и грешные. Вороны — это еретики, из ковчеге Церкви Божией излетающие, удаляющиеся и не возвращающиеся; а голубица есть образ Духа Святаго, сучец масличный в ее

устах — это благодать и милосердие Господне, а конец потопа — это последний день сего мира.

Наконец, ковчег может означать вообще человека. Ной — это душа человеческая, потоп — это мир, во зле лежащий и преисполненный различных искушений, бессловесные животные в ковчеге — это душевные и телесные страсти в человеке. Душевными страстями я называю ярость, гнев, злобу, ненависть и подобные им, а телесными — блудную похоть, лакомство, пьянство и им подобные. Вороны, питающиеся трупами, — это злые помыслы, услаждающиеся греховными воображениями; а голубица, томно воркующая, — это совесть, маслиничный же сучец — это разум, всем управляющий и умиряющий страсти.

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

77. Доброе слово торговым людям

Святитель Димитрий Ростовский говорит о земледелии, что это самое безгрешное занятие, земледельцу нет случая ни лгать, ни красть, ни обманывать. Нельзя сказать того же о торговле; напротив, древний мудрец вот что говорит: *"Купец едва может избежать погрешности, а корчемник не спасется от греха. Посреди скреплений камней вбивается гвоздь; так посреди продажи и купли вторгается грех"* (Сир. 26; 27. 27; 2). Да не оттого ли и сложилась у несчастных торговцев лживая пословица: "Не обманешь — не продашь"?—"Многие, — говорит святитель Тихон Задонский, — продавая товар свой, и совесть свою, а с совестью и душу, и вечное свое спасение продают, и покупают себе вечную погибель. Таковы те, которые продают гнилую вещь за здоровую, а худую за добрую, которые мешают воду в вино, и песок, или иное что тяжелое, в соль, дабы более весила. Еще более повинны те продавцы, которые во лжи клянутся и святое и страшное имя Божие во лжи призывают. Все вышереченные продавцы и тем подобные грешат противу заповеди Божией: *не укради"*. Значит, торговому человеку всячески должно блюсти совесть свою, как бы перед Богом не погрешить и ближнего не обидеть. Ты занимаешься торговлей, конечно, для того, чтобы самому иметь средства к жизни, чтобы детям оставить кусок насущного хлеба, чтобы скопить копейку на черный день. Конечно, все это не худое дело, если только при этом будешь помнить, что *«благословение Господне — оно обогащает и печали с собою не приносит»* (Притч. 10, 22); что *«лучше немногое при страхе Господнем, нежели большое сокровище, и при нем тревога»* (Притч. 15; 16); что *«сладок для человека хлеб, приобретенный неправдой; но после рот его наполнится дресвою»* (Притч. 20; 17); что строящий дом свой на чужие деньги — тоже, что собирающий камни для своей могилы (Сир. 21; 9); а кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным (Притч. 28,20), потому что богатство его, по пословице, прахом пойдет или, как говорит Соломон, оно сделает себе крылья и как орел улетит к небу (Прем. 23; 5). Но нельзя ли тебе, как доброму христианину, и

торговлю свою повести так, чтоб она была делом не просто житейским, а прямо христианским, делом во славу Божию и ближнему на пользу, и тебе во спасение? А ведь можно и даже должно! Спросишь: как этого достигнуть? А вот послушай, что говорит в своем духовном завещании не мудрец какой-нибудь, а простой русский крестьянин, живший лет полтораста назад, Иван Тихонов Посошков:

"Если занимаешься торговлей, то будь тверд в своем слове, как камень неподвижимый; если сторгуешь себе какой товар, хотя бы и выше настоящей цены, все же возьми его; пусть будет тебе от него и убыток большой, но не моги изменить своего слова, а при расплате не удерживай денег из условленной цены, да и не делай проволочки. Равно если и свой товар уступишь кому по одной цене, а потом кто-нибудь другой станет давать тебе хотя бы и двойной барыш, смотри — не изменяй своего слова, а отдай товар тому, кому прежде обещал, и цены уж не изменяй; но на чем слово свое поставил, на том и стой, и хотя бы тебе показалось обидно, что упустил ты много барыша, однако же назад не оглядывайся, — не будь столп слан; а Бог, видя твою справедливость и постоянство, Сам вознаградит тебя и пошлет тебе прибыль, откуда и не думаешь. Сам Бог — правда, правду Он и в нас любит; а диавол — ложь, он и в нас любит ложь. Вот и рассуди сам с собой, сын мой, что для тебя лучше: правды ли держаться или лжи? А я тебе скажу: если ты во всяком деле будешь и творить, и говорить одну правду, то в тебе будет обитать Сам Правдолюбец Бог, и ты уж не лишишься вечных благ. А если будешь неправду творить, неправду и говорить, то вселится в тебя отец лжи — диавол; а если не возненавидишь неправды и делами правдивыми не прогонишь от себя диавола, то он по смерти твоей сведет тебя прямо в ад. Я и прежде говорил, сын мой, и теперь верно говорю тебе, что лучше за правду умереть, чем с помощью неправды жить; правда ведь доведет тебя до самого Царства Небесного. Соломон говорит, что правда и от смерти избавляет (Прем. 10; 2). Вот потому-то и люби, сын мой, люби правду паче богатства и паче жизни твоей, а неправды и самой малой не подпускай к себе. Сказавши слово, крепко держись; а для того, чтобы быть верным в слове, не будь тороплив на слово, но каждое слово прежде разжуй, не будет ли в нем какого порока, и когда скажешь его, да правдой скрепишь, то уж не моги его нарушить. И ради правды имей у себя и весы самые правые да верные, дабы в них не было ни малейшего обмана. То же наблюдай и в мерах всяких, и в хлебных, и в питейных, и в аршинах, чтобы все они были у тебя верные, да чтобы в них не было никакого обмана, и по какой мере что сам принимаешь, по той же и отпускай, а других мер неправых отнюдь у себя не имей. Сам Господь Бог строго запретил иметь две меры, то есть большую и малую, а потому зорко смотри, чтобы все они, сколько у тебя их есть, были равны, чтобы одна больше или меньше другой не была. И плохих товаров своих не называй хорошими, закрасы в товарах своих никакой не допускай; но уж какой есть, такой и пусть будет весь налицо. И чужого товара доброго не хули; даже если видишь чей товар, что он вовсе плохой и никуда не годится,

и тогда не хули его покупателям, разве кто сам спросит тебя: каков де этот товар, хорош ли? Вот тут уж тебе нельзя не сказать правды; скажи ему сущую правду, только негласно, чтобы не положить вражды между собой и продавцом того товара. А если нельзя тебе сказать негласно покупателю, что товар тот плох, то ты спроси у самого продавца: нет ли, брат, у тебя другого товара, получше этого? И ежели скажет: "Нет", — то веди покупателя в другую лавку и выбери ему товар самый лучший; в свою же лавку в таком случае отнюдь не води, а тому продавцу-соседу скажи: "Ради Бога, не подосадуй на меня, ей-ей, брат, нельзя мне было поступить иначе, ведь покупатель на меня положился, как же мне его обманывать?" — И если какой покупатель к тебе придет и положится на тебя в выборе твоего же товара, то выбери ему самый лучший, а если и в цене кто на тебя положится, то не моги с него большего барыша брать. Равно если придет к тебе кто из детей малых, не моги ты с него лишнего гроша взять; какого он спросит у тебя товару, такого и отпусти, а цену возьми с уступкой, — вот Бог и наградит тебя вдвое, если будешь так поступать. И покупателей от чужих лавок отнюдь не переманивай, и товару своего, хоть и хорош он, много не хвали, говори только: "Будешь, господин, и за глаза меня благодарить, потому что я продаю тебе без лжи, без всякого обмана, и товар мой очень хорош". А если твой товар не совсем хорош, то ты так и сказывай, что "товар мой средней руки или расхожий, а потому я прошу и цену с тебя самую малую". Если же есть у тебя и хороший товар, то предложи ему и тот, и другой, и самый плохой и скажи покупателю: вот это товар самый хороший, цена ему такая-то, а вот этот средний — цена ему вот такая, а этот товар плохой, да и цена ему пустая. А если какой товар продашь обманом, особенно если обманешь несведущего человека, то навлечешь на себя проклятие. И ни о чем я так крепко тебе не заповедую, как о любви к Богу и меньшей братии, да чтобы ты ни в каком деле неправды не чинил".

Благородный купец

Два купца имели между собой продолжительную и сильную вражду, возраставшую день ото дня более и более. Жестоко преследуя друг друга, они изыскивали все случаи и все способы ко взаимному вреду. Наконец, один из них, более послушный гласу совести и святой веры, вознамерился посредством великодушия сделать врага другом себе. Что ж он предпринимает для сего? То, на что в наше время едва ли бы какой купец решился. Тех, которые хотели купить у него что-нибудь, он отсылал к своему врагу под тем предлогом, что у него нет требуемых товаров или что у врага они лучше и дешевле. Когда узнал это его враг, то столько был тронут благородством духа своего противника, что тотчас примирился с ним от всего сердца.

78. Почему мы почитаем Крест Христов?

Кто не стыдится Христа, на Кресте Распятого, тот может ли стыдиться Креста Его? Разве может быть Распятый без Креста? Апостол Павел так похваляет Онисифора, который не устыдился вериг Павловых: *«да даст милость Господь Онисифорову дому; яко многажды мя упокой, и вериг моих не постыдися»* (2 Тим. 1; 16). Ведь и Христос может сказать тоже самое: да даст Отец Мой Небесный обрести милость истинному Моему христианину, который Креста Моего не устыдился. А *«иже аще постыдится Мене»* и Креста Моего, *«сего и Сын Человеческий постыдится, егда приидет во славе Своей»* (Лк. 9; 26). Кто любит и почитает царя, тот любит и почитает и царскую печать, царский скипетр, царский престол. А кто презирает сии вещи, тот и самого царя не любит. Крест есть знамение Распятого Христа, так называет его Сам Христос; *«тогда, - говорит Он, явится знамение Сына Человеческаго»* (Мф. 24; 30). Крест есть знамение победы над врагом нашим, дьяволом. Итак, если любите Христа, то возлюбите и его знамение — Честный Крест; если вам приятна победа над дьяволом, одержанная оружием крестным, то возлюбите же и самое сие оружие крестное. Крест обогрел святейшей Кровью Христовой и освящен прикосновением Его Пречистой плоти. И если земля, на которой стоял Ангел, называется святой (Нав. 5; 15), если место, где стоял Моисей, также именуется святым (Исх. 3; 5), — то тем паче достоин сего наименования Крест, на котором распят Христос. Вот почему и псалмопевец говорит: *«возносите Господа Бога нашего, и поклоняйтесь подножию ногу Его, яко свято есть»* (Пс. 98; 5). *«Поклонимся на место, идеже стояте нозе Его»* (Пс. 131; 7). И если главоотяжи (платки и убрूसцы) Павловы были почитаемы за то, что через прикосновение к телу Апостола получали благодатную силу исцеления (Деян. 19; 12), если риза Христова имела целительную силу вследствие ее прикосновения к плоти Христовой, — то почему же не может иметь такой же, и даже большей силы, и Честный Крест Христов, орошенный Его Пречистой Кровью? Ненавидеть Крест свойственно одним дьяволам; побежденные Крестом, они ненавидят его и бегут его, как пес бежит от палки, которой его били. Много доказательств чудной силы Креста мы видим в житиях святых. Святой Григорий Низианзин повествует, что даже когда Отступник Иулиан пожелал иметь свидание с демонами, и когда те ему предстали, он в трепете оградил себя, по прежней христианской привычке, знамением крестным, и его услужливые советники адские тотчас же исчезли. Так дьявол не терпит силы Креста!

Христос прославился через Крест; отходя на смерть крестную, Он Сам говорил: *«ныне прославися Сын человеческий»* (Ин. 13; 31); как же можно сие прославление почитать бесчестием? Нет! Что Сам Бог прославил, того не следует лишать чести, что Сам Бог освятил, того не должно почитать скверным (Деян. 10; 15). А Христос Спаситель прославил Свой Крест, когда еще через Пророка обещал сие: *«и место ног Моих прослаблю»* (Ис. 60; 13). И

сами мы видим сию славу Креста: он сияет на венцах и скипетрах царских, и на главах архиерейских, и на церквах Божиих, всюду возносимый и покланяемый. Если спасительно всегда иметь в мысли образ Распятого Иисуса, то, конечно, столь же спасительно иметь сей образ и видимо перед очами телесными. Ибо какая разница между тем и другим? Почему представление Распятого Господа в уме есть дело спасительное, а то же самое изображение для телесных очей — не таково? Разве неприятно видеть очам то, что услаждает сердце? Поистине удивительное и даже вовсе непонятное дело — носить в уме и сердце чей-либо образ, и в то же время ненавидеть видимое его изображение! А если ты любишь Распятого Христа в Его изображении, то возлюби и Крест Его. Да если бы ты и отвергал изображение Распятого Христа, а только в своем уме представлял себе Его распятие, и тогда тебе не обойтись без Креста, ибо Распятого нельзя себе и представить без Креста.

Но говорят: "Что такое крест, как не виселица, позорное дерево для смертной казни? Как же можно поклоняться виселице!" — Отвечаю: не смотри на то, что прежде было; смотри, что теперь стало. Правда, прежде крест был позорным деревом, а ныне он — знамение Сына Человеческого, образ Распятого Христа. Прежде это было орудие казни, а теперь — печать Царя Небесного, избранных Божиих от вечной казни освобождающая. Прежде был он поругание для народов, позор для людей, а ныне — Ангелов слава и демонов язва. Сия измена десницы Вышнего, Который избрал уничижаемое в мире, дабы посрамить мудрецов мира! И если врачи умеют из самого яда змеиного извлекать полезное врачевство, то ужели не может злое приложить в доброе Тот, кто из небытия все призвал к бытию?

Говорят: "Крест нанес Христу бесчестие, страдание и смерть. Как же можно любить его?" — Отвечаю: если бы Он принес Христу только одно бесчестие, страдание и смерть, то так, но ведь он же доставил Ему и славу, доставил торжество победы над диаволом, радость искупления рода человеческого. И эта слава, сие торжество и радость в сравнении с Его страданием тоже, что целое море сладости в сравнении с одной каплей горечи. Сии страдания и бесчестие были кратковременны, а слава Его вечна.

Говорят: "Да может ли сын почитать виселицу, на которой повешен его отец?" — Отвечаю: а что, если бы кто-нибудь не за свою вину, а за чужие грехи, не поневоле, а добровольно предал сам себя на повешение, и если бы такой смертью не только себе, но и своему сыну стяжал славу и честь, да притом еще и самой виселице сообщил чудотворную силу, — как думаете: благоразумно ли поступил бы сын такого человека, если бы стал презирать оное чудотворное дерево? Конечно, нет. Так и здесь: Христос волей пострадал на Кресте за грехи всего мира, Крестом стяжал Себе славу и нам спасение и прославил Свой Крест чудесными знаменами; как же нам не почитать сего Святого Креста?

Говорят: "Одни враги Христовы радовались при Его страдании; почитая Крест, вы делаетесь участниками их радости". — Отвечаю: нет у нас ничего

общего с врагами Христа. Мы состраждем страждущему Христу строгим постом и умерщвлением плоти, наипаче во дни воспоминания страстей Его, мы проливаем слезы, вспоминая сии страсти. А когда почитаем Крест, то радуемся не бесчестию Христа, а тому же, чему радовался и Сам Христос, — радуемся Его победе над диаволом, прославлению имени Его и искуплению рода человеческого, совершившемуся на Кресте.

Говорят: "Приписывать силу каким-нибудь приметам и знакам есть дело бесовское, волхвования. Не тоже ли будет и ваше крестное знамение?" — Отвечаю: да разве святые и богоносные Отцы были волхвы, когда они совершали многие чудеса крестным знаменем? Совершенно напротив, знамение крестное не только не есть дело волхвования, но и само противодействует всякому волхванию, всякому действию диавольскому. Оно творит чудеса не само по себе, но потому, что изображает собой страдание Христово и Самого Распятого Господа. Вот этим-то напоминанием о Распятом и разгоняет оно силу демонскую. Изображая на себе крестное знамение, мы поступаем также, как рабы, которые просят у царя милости, показывая ему то копье, которым сын его одержал славную победу, и вместе вспоминая смерть сего сына, которую он воспринял добровольно, по повелению отца, за рабов своих. Сей мудрости научил нас Сам Христос, когда сказал: *«Аминь, аминь глаголю вам: яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам»* (Ин. 16,23).

Говорят наконец: "В первенствующей Церкви крестное знамение не употреблялось, — оно началось со времени Константина Великого". Отвечаю: неправда, оно имеет начало от Самого Господа Иисуса Христа. С тех пор, как Он, возносясь на небо, воздвиг руке Свои, благословил учеников своих, и они, подражая Своему Учителю, стали осенять верующих знаменем крестным. Так святой Иоанн Богослов исцелил знаменем креста одного больного, которого нашел при пути, святой Матфей отверз очи ослепшему князю. Современник святых Апостолов, святой Дионисий Ареопагит, говорит, что крестное знамение употреблялось при совершении всех таинств, а святой Иустин, философ и мученик, свидетельствует, что крестное знамение было совершаемо именно правой рукой, а не левой...

(Из книги "Камень Веры")

79. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы

В царствование императора Льва Премудрого в пределы греческие вторглись опасные неприятели — сарацины или, как их называют — арабы. Греческая империя в то время была уже ослаблена, большая часть Востока повиновалась мечу или персов, или арабов, западные пределы империи находились во власти грубых варваров. В таком беспомощном положении греки обратились к помощи и заступлению Матери Божией, Которой равноапостольный царь Константин некогда посвятил самую столицу своего царства — Царьград. И Матерь Божия скоро услышала теплые молитвы

рабов своих и подкрепила их веру чудным знамением. Во Влахернском храме Пресвятыя Богородицы, во время всенощного бдения, Сама Пречистая Дева явилась на воздухе молящейся о мире с ликами Пророков, Ангелов и Апостолов и Своим Покровом осеняющей христиан. Не все, впрочем, присутствовавшие в храме сподобились узреть чудо, но честь сия предоставлена была одному великому праведнику, святому Андрею, Христа ради юродивому. Сподобившись узреть боголепное видение, он сообщил о нем ученику своему Епифанию. "Видишь ли, брате, — говорит ему, — Царицу и Госпожу всех, молящуюся о всем мире?" — "Вижу, — отвечает сей, объятый священным страхом, — вижу, отче святой, и ужасаюсь!" Цареградские жители, услышав о сем чуде, пришли в необыкновенную радость и упование, что Бог молитвами Ходатаицы человеков отвратит бедствия, нанесенные грекам вторжением неприятелей в их владения. Благочестивое чаяние скоро исполнилось: враги Церкви Христовой побеждены были и рассеяны. Обрадованная толиким благодеянием Божиим, Церковь установила в память сего события празднество Покрова Пресвятыя Богородицы.

Покров Матери Божией над русской землей

Как православная Греция издревле почитала Богоматерь своей особенной Покровительницей, так и православная Россия с самых первых времен чтит ту же Небесную Царицу, как первую свою Покровительницу и Защитницу. Великие князья наши Ей посвятили первые знаменитейшие храмы: храм Десятинный — Владимиров, украшался Ее Святым именем, Собор Софийский Ярославов храмовым праздником славит Рождество Ее, великая Киево-Печерская церковь посвящена памяти Ее Успения и сохраняет с древнейших времен чудотворную икону Успения, которой Сама Богоматерь благословила святую обитель Киево-Печерскую, а с тем вместе и все Отечество наше. Посвящая храмы имени Богоматери, Россия посвящала Ей и особенные торжества или праздники. К ним прежде всего должно отнести праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Известно, что в самой Греции нет сего праздника, а в России он существует с древнейших времен. К праздникам в честь Богоматери, собственно российским, относятся и многие другие праздники в честь различных чудотворных икон Богородицы. Великое множество самых сих икон (более 200), по всей России известных, доказывает также особенное покровительство Пресвятой Девы православному Отечеству нашему. Из бесчисленного множества чудес Покрова Богоматери над Россией припомним здесь только некоторые, особенно достопамятные в истории Отечества нашего.

В XIII в. татары, опустошавшие Россию, приступили к Костроме. Тогда князь Василий Костромской, отражая богопротивных врагов, противопоставил им чудотворную икону Богоматери — Феодоровскую. Враги, увидев огненные лучи, исходившие от святой иконы, поражены были

страхом и предались бегству. Во время татарского нашествия спасен и Смоленск защитой Богоматери. Победа Донская над Мамаем одержана с помощью той же Пресвятой защитницы России. В 1395 г. Она приосенила Своим Покровом Москву и от другого, более грозного завоевателя монгольского, Тамерлана. Он увидел во сне, пишут летописцы, великую гору, с вершины ее идущих многих святителей с золотыми жезлами, а над ними в воздухе величественную и благолепную Жену с тьмами молниеобразных воинов, которые все устремились на Тамерлана. Завоеватель затрепетал, проснулся и велел полкам своим идти из пределов России. В 1408 г. осадил Москву Едигей. Угрожаемый великими бедствиями, народ со слезами прибежал к чудотворной иконе Богоматери, и в то время, как в отверстых храмах священники пели молебны, к Едигею пришла весть о возмущении в Орде. Взяв окуп с города, он поспешно удалился в свои пределы. В 1451 г. подступил к Москве ногайский царевич Мазовша с войсками отца своего, Седи-Ахмета, татары уже зажгли посад. Время было сухое и жаркое, ветер нес густые облака дыма прямо в Кремль, где воины, осыпаемые искрами и пылающими головнями, задыхались. Под зноем этого страшного пожара, в облаках дыма, святитель Иона совершал крестный ход по стенам Кремля, умоляя Матерь Божию спасти столицу Русскую. И что же? Неприятель ушел ночью, взяв с собой только легкие повозки, а все тяжелое оставил в добычу осажденным. Татары, по сказанию летописца, услышав вдали необыкновенный шум, вообразили, что Великий Кремль идет на них с сильным войском, и в смятении устремились в бегство. В 1480 г. двинулся на Россию татарский хан Ахмат, но и он, по молитвам Заступницы рода христианского, объятый странным ужасом, поспешил удалиться, не сделав России никакого зла. В 1521 г., предводимые крымским ханом Махмед-Гиреем, крымские и ногайские татары в соединении с казанскими двинулись к московским пределам. Июля 29 дня Махмед среди облаков дыма, под заревом пылающих деревень, стоял уже в нескольких верстах от Москвы. Праведный Суд Божий готов был совершиться, но Матерь Божия, умиловленная молитвами угодников Божиих, заступников Русской земли, снова покрыла ее своим Покровом благодатным: татары увидели вокруг города бесчисленное воинство русское и с ужасом известили о том хана, который, не поверив им, послал других удостовериться в справедливости их донесения, но и эти видели то же. Тогда хан отступил от Москвы, не сделав ей никакого вреда. В царствование Феодора Иоанновича, в 1591 г., шведы вторгнулись в пределы Новгородской области, а крымские татары, под предводительством Казы-Гирея, проникли к Москве. Ночью, во время усердной молитвы, благочестивый царь получил извещение от скорой Помощницы христиан, что по Ее предстательству, силой Христа Спасителя, он одержит победу над врагами. Победа была одержана, и в благодарность к Усердной Заступнице верных государь в том же году на месте, где во время битвы в рядах православного воинства стоял чудотворный образ, основал Донской монастырь. Настали смутные времена неурядиц и самозванства.

Москва была в руках поляков, в северных областях господствовали шведы. Наше войско не имело средств содержания, даже оружия, в воинах и вождях не было единодушия. Но мольбы верных вознесены были к Престолу Божию самой Преподобной Девой. И когда все земные надежды пали, преподобный Сергей Радонежский в видении возвещает святителю Арсению, что предстательством Богоматери суд об Отечестве преложен на милость; и действительно, на другой же день Кремль был в руках русских, и Россия была спасена!

Но, повторяем, перечислить все благодеяния Царицы Небесной православному Отечеству нашему нет возможности. При одном воспоминании сих благодеяний сердце преисполняется чувством благодарности, и уста невольно повторяют Богоблагодатной: *«Радуйся, Радосте наша! Покрый нас от всякаго зла честным Твоим омофором!»*.

80. Осень

2.

Солнце сходит с высот неба и уклоняется на юг, яркий блеск его тускнеет, воздух становится прохладнее, ночи делаются длиннее и сумрачнее, дни — короче и туманнее, деревья повергают листья к корням своим, поля блекнут, пастбища пустеют, птицы расстаются с гнездами и кустами и ищут безопаснейшего приюта, животные скрываются в своих логовищах или прячутся около жилищ человека, человек из обитателя полей и садов делается жителем мирных хижин или великолепных чертогов, — настает пора года, которая называется осенью, — время мрачное, ненастное. Эта пора года тем неприятнее, что влечет за собой другую, еще более суровую, — за осенью наступает зима, когда вся природа цепенеет в узах смерти: сугробы снега тяготят землю, кучи льда сковывают реки и моря, а жестокая стужа стесняет дыхание живых существ, — повсюду в природе безжизненность, везде смерть! — Такие времена бывают и в жизни человека. Поражает болезнь, наступает старость! Они лишают нас красоты лица и свежести сил, тело больного и престарелого темнеет, кожа покрывается морщинами, руки опускаются в бессилии, ноги слабеют, кровь стынет, жизнь гаснет — как тогда мрачно на душе! Как тяжело на сердце! — Это поистине время моей и твоей, возлюбленный брат, осени, которое тем ужаснее, что напоминает нам о приближении нашей холодной зимы: дряхлая старость, болезни — вот предвестницы и предтечи смерти, а смерть кому не страшна? Даже бедняк и одинокий нередко ее страшатся. Что же сказать о тех, которые окружены благами мира и связаны узами знакомства, дружбы и родства? Как должна быть нестерпима старость, страшна болезнь и ужасна смерть для богатых и сильных земли, для отцов и матерей семейства, для друзей и подруг! — Но вот снова солнце возвышается над нашими головами; воздух согревается, снег тает, льдины разбиваются, реки освобождаются от своего покрова; поля обнажают свои вершины, несется к небу пение жаворонка, на

холмах и долинах просвечивает зелень, а деревья одеваются листьями. Что за новое явление в природе? Это начало новой ее жизни — появление весны; что было, то будет опять: опять раскинется перед нами богато убранная ткань природы, опять предстанут нам пушистые луга, зеленеющие рощи, цветущие сады, роскошные нивы, обильные пастбища, — опять будет жизнь, опять веселье! То же будет и с тобой, человек! Остановится на некоторое время колесо твоей жизни; сойдет на время плоть твоя в утробу земли — нашей общей матери, полежат немного бранные кости твои в холодной могиле, но труба Ангела возвестит рассвет нового дня, и ты явишься под новым небом, на новой земле. Но в природе видимой будущая весна часто бывает хуже прошедшей, а твоя весна ни с чем не может сравниться. Ибо, по описанию тайновидца Иоанна, на новой земле и под новым небом будет град святой, Иерусалим новый, это скиния, в которую вселится с людьми Сам Бог (Апок. 21; 1,2,4,6). Итак, возлюбленный о Христе брат, не унывай в болезни, не грусти в старости, не страшись смерти! Смерть для тебя есть не что иное, как новое рождение. Родишься еще раз и через смерть перейдешь в тот град, в котором не будет скорби, болезни и смерти: *«там отъимет Бог всяку слезу от очю, и смерти не будет ктому: ни плача, ни вопля, ни болезни не будет ктому; яко первая мимоидоша!»* (Апок. 21; 4).

(Из "Воскресного чтения", 1838)

2.

Какая-то непонятная грусть теснит наше сердце, когда с приближением осени вечера наступают гораздо раньше, когда сырые туманы стелются по равнинам полей... Грустно бывает нам, когда луга и рощи одеваются бледно-черным покровом, и после холодной ночи, с первым явлением солнца, слышишь не восхитительное пение пернатых, а унылый шум сухих листьев... Мрачен осенью вид неба, покрытого дождливыми облаками, сквозь которые лишь изредка, как последний взгляд умирающего друга, выказывается томный, скоро исчезающий луч солнца. Птицы оставляют тогда хладную страну севера, и через горы, долины, моря, улетают от нас далеко в иные земли. Многие тогда оставляет нас! Цветы исчезают, теплота сменяется холодом; смерть — вот слово, которое раздается тогда в природе, которое звучно отзывается в глубине нашего сердца. Какое-то печальное предчувствие стесняет тогда грудь нашу; нам хотелось бы тогда вырваться отсюда, улететь туда — на небо! Как благоразумный человек при закате дней своих, приближаясь к смерти, устрояет все дела свои, оканчивает начатое им, прощается со своими друзьями, в мире со своей совестью, в надежде на Бога спокойно ожидает смертного часа, так и мы при конце года спешим кончить труды и работы свои, прощаемся с красотами природы и, затворяясь в теплых жилищах, ждем прихода суровой зимы. Осенью мы остаемся одни; везде пустота; в природе, как в жилище мертвых, царствует молчание. Тогда мы как бы тоскуем и скорбим, что сами еще остаемся на сей бедной, обнаженной земле, сердце наше рвется в Небесное отечество, ибо там любовь и радость у Отца Всеблагого! — *«Изше трава, и цвете отпаде, глагол же*

Бога нашего пребывает во веки» (Ис. 40; 7, 8). Время, полное света и жизни, уже протекло, весна, обильная цветами, лето исполненное плодов, — месяцы трудные и вместе радостные для земледельца, уже миновались. В унынии стоим мы теперь посреди умирающей природы и грустно прощаемся с любезными нам предметами. Бывало, с сердцем полным восторга смотрели мы на прекрасный Божий мир, бывало, все перед нами цвело, все улыбалось около нас и внутри нас. Но теперь все прошло! Каждая минута есть для нас время разлуки с прошедшим, но осенью мы живее ощущаем скорбь сей разлуки, тогда вдруг представляются нашей памяти все драгоценные образы прошедшего. Простите, незабвенные дни и часы, вы уже более не возвратитесь к нам, а были так прекрасны! Здесь мы — странники, здесь мы не дома, в стране чужой нашему сердцу... и оно тоскует по Небесной родине своей! Осень есть старость природы. И к нам, по Божию изволению, приходит старость, печальное время, когда крепость сил оставляет нас, красота наша отцветает, чувства затворяются для радостей и наслаждений. А там приходит и смерть, как за осенью зима — смерть в природе. Боже мой, что будет со мной, когда наступит страшный час смерти? Будет ли к тому времени сердце мое чище, жизнь моя добродетельнее и благоугоднее Тебе? Увижу ли я тогда у одра своего милых сердцу моему? Согреют ли они в последний раз слезами любви охлаждающие руки мои? Будут ли мне сопутствовать в страну воздаяния добрые дела? Услышу ли сей радостный глас: *«Вниди в радость Господа твоего!»* — Рука верного друга насадит ли цветок на одинокой могиле моей, высечет ли на гробовом камне скромную надпись: "Здесь тлеет сердце, которое часто билось от неописанной радости, часто страдало и от скорби безмерной: его радость была о Господе, а печаль — о грехах и немощах своих. Прохожий, здесь учись жить и умирать"!

Так, други мои, умирающая природа есть образ нашей смерти. Каждый опадающий листок, кажется, говорит нам: так и твои радости, одна за другой, опадут с древа жизни твоей. Каждая уединенная равнина вещает: земля есть нива Божия, в которой покоятся кости ближних и друзей твоих, в которой, может быть, скоро упокоятся и твои утомленные члены. Каждый луч солнца, изредка пробивающийся из-за облаков и быстро опять сокрывающийся за ними, напоминает нам о быстротечности наших радостей, о непостоянстве земного счастья. Здесь мы — в чужой стране, здесь любят нас так редко, люди так часто бывают суровы, неласковы к нам; кажется, и не знают они, что мы им братья, что все мы дети единого Отца. Там — горнее наше отечество; на небе — наша родина, из которой вышли мы в сию страну скорбную и чуждую, и воспоминание о которой никогда не изгладится в душе нашей. Там — беспредельно милосердный и любвеобильный Отец наш, о Котором мы воздыхаем. Там — в истинном отечестве нашем, обитаешь Ты, Искупитель и Господь наш, Ты, Коего светлый Крест служит для нас звездой путеводной в земном странствовании, Коего смерть есть наша жизнь, любовь — наше блаженство. Тоска христианина есть жажда общения с Господом, есть тайный призывный глас Отца Небесного.

(Из "Христианского чтения", 1833)

81. О том, как Матерь Божия спасла Россию в тяжкую годину междуцарствия

За два с половиной столетия перед сим Отечество наше было постигнуто одним из величайших несчастий: на престоле российском пресекался род царей Рюрикова дома. Что легче, как из многих миллионов людей избрать одного на царство? — Но опыт показал, что нет ничего труднее, как избрать царя из поданных. Престол недолго оставался праздным, но кто не всходил, не мог сидеть на нем. Тщетно Годунов напрягал к тому все силы ума и искусства: он вскоре пал, можно сказать, пред одним именем святого отрока, им закланного, которое противопоставил ему самозванец. Что это чудовище (самозванец) не могло заменить кого-либо на престоле, — нечего и говорить; но и Шуйский с высоты престола скоро сошел в плен и могилу. Наконец, настали времена полного междуцарствия, те времена, образец которых в аду, ибо там вечное междуцарство. Для наших соседей-недрузей это был самый благоприятный случай к торжеству над нами. Область за областью отторгались от России на юге и севере, Польша хотела нам дать своего короля, Швеция своего царя. Уже в московских храмах возглашалось имя Владислава, уже пол-России было за ним... "Но иноземному ли, насильственно поставленному, главе быть в мире с русским сердцем? Иноверцу ли воссесть на престоле святого Владимира, украшаться бармами Мономаха?" — так мыслили те, в коих еще не подавлен был дух русский смутами отечественными и кознями иноземными. "Станем за святую Русь, за дом Пресвятыя Богородицы, за чудотворцев Алексия, Фотия и Филиппа, продадим жен и детей, но освободим Отечество!" — воскликнул истинный сын Отечества, Минин, на берегах Волги. И по гласу его собирается ополчение, и идут освободить из рук врагов сердце отечества — Москву. Рать священная, подобной которой не было ни прежде, ни после; но у этой рати недостает средств к своему содержанию, недостает самого оружия и, что всего важнее, недостает единодушия и в воинах и в вождах. Дух мужества, воспламенявший воинов православных, падает. Само время начинает помогать врагам: наступают осенние непогоды, столь благоприятные для осажденных и столь пагубные для осаждающих. Еще один неудачный приступ, один междоусобный спор — и первая вьюга зимняя развеет последние остатки рати священной. "Прости, свобода Отечества! Прости, Кремль священный! — так, вероятно, мыслил и говорил не один сын Отечества, — мы сделали все для освобождения вас, но, верно, Богу не угодно принять жертвы нашей и благословить оружие наше победой". — Между тем сия чистая жертва давно уже была принята в воню благоухания. И как ей было не быть принятой, когда она вознесена была к престолу благодати самой Преподобной Девой? Провидение медлило благословить победой оружие православного воинства, чтобы успехи брани

не были приписаны собственному мужеству. Поэтому, когда все надежды земные пали, когда оставался один шаг до отчаяния, помощь небесная обнаружилась во всей непререкаемой очевидности. Каким образом? — Внемлите и возблагодарите пред Небесной Заступницей! Среди осажденной столицы, между врагами, в тяжком плену и еще более тягчайшем недуге, томился один из маститых первосвященников. Близкий к небу по своему сану, он еще ближе был к нему по своим добродетелям, посему и удостоился быть посредником между небом и землей. Среди полнотной тишины вдруг келлия его наполняется светом необыкновенным, и он зрит пред собой святого Сергия Радонежского. "Арсений! — рек преподобный болящему, — ваши и наши молитвы услышаны, предстательством Богородицы Суд Божий об Отечестве преложен на милость, завтра Москва будет в руках осаждающих, и Россия спасена". Как бы в подтверждение пророчества, болящему старцу вдруг возвращается здравие и крепость сил... Радостная весть о сем, переходя из уста в уста, немедленно проникает за стены града — к воинству православному, и воспламеняет его непреодолимым мужеством. Дерзая о имени Возбранной Воеводы, христоролюбивое воинство не видит более перед собой никаких непреодолимых преград, враги не могут более стоять на твердынях, — и Кремль в руках россиян. Благодарное воинство в следующий день воскресный совершает торжественное молебное вшествие в возвращенную столицу, навстречу ему исходит с чудотворной иконой Богородицы тот самый святой, который удостоился приять весть о помощи свыше. Падая на землю и проливая слезы, всякий стремился освятить себя прикосновением к чудотворному лику. И чтобы память о столь чудесном явлении Покрова Пресвятыя Девы над Отечеством не ослабела от времени, положено единодушно творить ежегодно торжественное воспоминание его в 22 день октября. Вот как важен день сей для Отечества! Это день чудесного освобождения России от рабства иноземного и крамол внутренних, день обновления земли Русской. Если бы престольный град остался в руках врагов, то осталась бы в руках их и вся Россия. Москва осталась бы в плену, если бы не пришло на помощь заступление Пресвятой Девы, ибо земные средства были истощены все. Посему день этот есть истинный день Покрова Пресвятыя Богородицы над нашим Отечеством. Но что же обратило на предков наших Матерний взор Небесной Покровительницы и приблизило к ним Ее дивную помощь? Обратили, конечно, более всего молитвы угодников Божиих, каковы святой Сергий, Алексей, Петр, Фотий, Киприан и прочие чудотворцы российские, которые во время бедствий их земного Отечества не преставали молить о его спасении Господа и подвигли на ходатайство о нем Самую Матерь Его. Но израильский народ имел некогда не менее за себя ходатаев перед Богом в лице своих почивших праотцов и пророков, однако же был предан в руки врагов и, наконец, совсем отвергнут. И Господь Сам предварительно объявил через Пророка: *«Аще станут Моисей и Самуил пред лицем Моим, несть душа Моя к людем сим»* (Иер. 15; 1). Значит, и молитвы святых не всегда бывают услышаны. Почему же услышаны были молитвы

святых за Россию? — Потому, что когда святые молились за Израиль, сам Израиль не молился Богу отцов, а поклонялся богам иным; а наши предки не знали богов иных и, как в счастье, так и в несчастье, обращались за помощью к единому и тому же Богу отцов своих, к Его Пречистой Матери и святым угодникам. И вот Мать Божия, видя их покаяние, смирение, усердие к святыне и самоотвержение, преклонилась к милосердию, а, преклонившись Сама, преклонила и Сына своего на помощь нам. Се тайна Ее спасительного Покрова над Россией! — Чему же поучает нас сия тайна? Тому, во-первых, чтобы никогда не терять веры ко спасению Отечества, каким бы искушениям и бедствиям судьбам Всевышнего не угодно было подвергнуть его. Поучает, во-вторых, познавать силу усердных молитв перед Богом, а особенно молитв святых за нас. Не напрасно святой Сергей сказал Арсению: "Ваши и наши молитвы услышаны". Это значит, что без молитв земных не были бы услышаны небесные, равно как без небесных молитв не были бы, конечно, приняты молитвы земные. Посему, молясь сами, мы должны просить молитв за нас и угодников Божиих, памятуя, что *«много может молитва праведного»* (Иак. 5; 16). Тем паче должны мы прибегать под кров Преподобной Девы, которая всегда была и пребудет утешительницей всех, притекающих с верой к Ее заступлению и творящих по сей вере.

(Из сочинений Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического)

82. К чему ведут семейные раздоры?

Расскажу вам, православные, древнее сказание, очень поучительное. Один скифский царь, умирая, оставил по себе наследниками восемьдесят сыновей и, как добрый отец, конечно, желал, чтобы они жили между собой в добром согласии. Вот он созвал их всех вокруг своей постели, дал в руки одному из них пучок прутьев, крепко связанных, и приказал ему переломить этот пучок, если сможет. Тот взял пучок и стал над ним трудиться, напрягая все усилия, чтобы переломить его, но не мог этого сделать. За ним принялся за пучок другой сын, потом третий, четвертый и прочие, один за другим, но никто не мог переломить пучка. "Развяжите, дети, этот пучок, — сказал им тогда разумный старик, — возьмите из него каждый по пруту, — вот и переломите их без всякого труда". Так они и сделали: пук развязали, и прутья один по одному все изломали. Тогда добрый отец сказал им: "Видите, как крепок связанный пучок, а развязанный — легко ломается? Так-то и вы, если будете жить в братской любви да согласии, то никакому врагу вас не одолеть. А ежели разделитесь между собой, то ослабеете, и одного по одному всякий неприятель вас победит". Так поучал своих детей благоразумный отец на смертном одре. Вот что значит, братие, единомушие и тесный братский союз. Счастлив тот дом, где обитает мир да любовь, где родители пекутся о детях, дети почитают родителей, где живут в добром согласии муж и жена, и братья любят друг друга, в таком доме почивает благословение Божие, он в

уважении у всех добрых людей, в таком доме всегда радость и довольство, счастье и успех. Эту картину семейного счастья разумел и пророк Давид, когда воспевал: *«Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе»* (Пс. 132; 1).

Мы не знаем, исполнили ли дети скифского царя отчее завещание, зато мы имеем другой пример, показывающий, как действительно губительны раздоры и несогласие в семье. Гедеон, судья израильский, оставил после себя наследниками еврейского царства семьдесят сыновей, все людей мужественных, сильных, богатых. Одна семья была уже целым воинством, один дом был целым городом, и если бы все братья были крепко связаны союзом братской любви, то кто бы из неприятелей мог их победить? Но, к несчастью, этот пучок развязался, от несогласия братья разделились, — и что же вышло? Один из них же, по имени Авимелех, самый злой и недостойный, взял такую волю, что в один день перебил всех братьев... Зато и сам после трехлетнего несчастного управления государством убит во время осады города Сихема. Да еще как убит! Женщина с башни бросила на него камень, которым и разбила ему череп. Так погибло многочисленное и сильное потомство Гедеоново в самое короткое время. Вот что значит семейный раздор, вот к чему ведет разделение и вражда между членами одной и той же семьи. Как несчастен тот дом, где царит эта ненависть и вражда между братьями, несогласие между детьми и родителями, безумная ревность между мужем и женой! Над таким домом тяготеет проклятие Божие, такой дом на худом счету и у добрых людей, в нем нескончаемые ссоры, в нем нищета и разорение, там жизнь — не жизнь, а одно мученье!

Так всегда было, православные, так оно и теперь. За примером ходить недалеко. Давно ли в вашем крестьянском быту семья человек в тридцать, сорок и больше бывала не редкость? И живут они, бывало, мирно, работают дружно, точно пчелки Божии в родном улье; сам хозяин в таком доме, отец или старый дед, был точно древний Иаков среди детей и внуков своих... И все его слушали, все ему повиновались, каждый делал свое дело, а что добывали честным трудом на стороне, все, без утайки отдавали в руки старику-хозяину. Зато и дом у них был — полная чаша: амбары были полны всякого зерна, на гумне целый порядок скирдов намолоченого хлеба, на дворе много всякого скота; и все они были довольны, все сыты и одеты, — вчуже, бывало, смотря на них сердце радуется! Справедливо сказал Соломон, что *«брат от брата помогаем яко град тверд и высок, укрепляется же яко основанное царство»* (Притч. 18; 20). — Не то теперь. Два брата единоутробные не уживаются вместе, отец делится с сыном, а о больших семьях уж и говорить нечего! Отчего же все это? Почему бы не жить вместе? А потому, говорят, что ленивцев стало много, не хотят трудиться для семьи, не хотят слушать стариков в доме, — потому, что повадились в недоброе место ходить, стали туда все со двора тащить, — оттого и пошел в семье разлад, мужья пьянствуют, а жены ссорятся, житься не стало честным труженикам, — что тут делать? Один исход: выделить людей ленивых,

пьяных, задорных, тогда они — отрезанный ломоть, пусть живут *себе*, как знают! Так рассуждают старики, так объясняют они эти разорительные для крестьянского хозяйства разделы. И вот из одного богатого дома делаются три-четыре, а иногда и больше бедных лагуч, есть у такого бедняка-одиночки коровка на дворе — хорошо, а нет — так и живет впроголодь, есть на чем копну сена с поля привезти — тоже хорошо, а нет — к соседу идет, кланяется, есть в поле полоска — будет и хлеба кусок, а нет, — так и по миру идет. Перебивается бедняк с копейки на копейку, кое-как подати платит, а придет невзгода, хлебушка не уродится или коровка пала — и надевай суму! И это еще у трудолюбивого хозяина, а что сказать про ленивого да пьяницу!? Уж что это за жизнь! Какое тут хозяйство! Но кто же виноват, православные? Виноваты все семейные раздоры да неурядицы. Ах, братия мои! Видно, слово Господне не мимо сказано: *«всяк дом разделявайся на ся запустеет»* (Мф. 12; 25). Именно — запустеет! Это у нас постоянно на глазах. Как же быть? Да нужно жить помирнее, ссоры убегать, не нужно делиться, вот и все. Но ты скажешь: "Как я буду жить с таким лентяем и пьяницей, как у меня брат? Я на него ведь не работник пришелся". Так, возлюбленный, но если отделишь его, лучше ли будет? Ведь слово-то Господне все же сбудется, непременно сбудется и над тобой, и над братом твоим: дом ваш обеднеет, запустеет, его накажет Бог за леность и пьянство, а тебя — за жестокость и самомнение, своекорыстие! Сам посуди: твой брат в немощь вдался, пьянствовать стал, работать бросил, а ты еще выкинешь его на улицу — ну, христианское ли это дело? Ведь сказано: *«друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов»* (Гал. 6; 2). А ты вот не хочешь понести тяготу брата, бросаешь его — кто же позаботится о нем, если уж ты, родной да кровный, отрекаешься от него? Положим, тебе жить без него будет спокойнее, трудиться для себя одного — охотнее, а разве ты не дашь Богу ответ за то, что покинул единокровного? А чем повинны малютки-дети его, если он имеет их, чем виновата его жена-труженица? Подумай, друг мой, будет ли на тебе Божие благословение, если ты так жестоко поступишь с братом твоим, с его детьми несчастными? Ведь тыпустишь их по миру горе мыкать... Знай, брат возлюбленный, что одно благословение Божие, и только одно оно, обогащает, по слову Соломона (Притч. 10; 22). Так вот, если хочешь, чтобы Бог благословил тебя, понеси на себе немощи братние, потерпи ему, постарайся исправить его, тебя не послушает — скажи отцу духовному, соседей попроси помочь тебе в этом деле благом, сделай все, что можешь, — ведь любовь — дело великое; кто знает, может быть он и опомнится, вразумится, устыдится любви твоей и исправится, а тогда ты сделаешь дело Божие: спасешь душу от смерти, ведь в Священном Писании сказано, что *«обративши грешника от заблуждения пути его спасет душу от смерти и покрывает множество грехов»* (Иак. 5; 20). А если и не вразумится брат твой, — что до того? Бог увидит труды твои и благословит тебя сугубым благословением. У Него, Царя Небесного, уж закон такой: ни одно доброе дело не забывается и сторицей награждается!

А что сказать тебе, несчастный человек, из-за которого в семье разлад происходит? Побойся Бога, пожалей жену и малолеток — детей своих, а если нет их, то, по крайней мере, не губи ты души своей! Брось ты пьянство душепагубное, примись за труд честный, порадууй ты семейных своих своей доброй жизнью и верь, брат мой, что Господь увидит твоё смирение и не оставит тебя. Сам увидишь, какую радость наживешь ты себе, какое счастье обрешь в труде, так что и сам после будешь удивляться, как это раньше я не вразумился? Как это можно находить удовольствие в лени, праздности, да пьянстве беспробудном?

83. Жизнь есть духовная война

Жизнь наша есть духовная война с невидимыми духами злобы и с своей плотью. Люты и жестоки враги наши видимые, но еще более люты, еще более жестоки враги невидимые, то есть демоны. Нет злейшего и хитрейшего врага, как сатана и демоны его, а посему и брань с ними весьма опасна для нас. Когда люди против людей воюют, то иногда и отдых имеют от брани, но сатана и аггелы его злые никогда не спят, но всегда бодрствуют и тщатся нас низложить. Брань, которая между людьми бывает, хотя и продолжается, однако перестает, и мир заключается, но у христиан — непрестанная брань, даже до смерти, против врагов своих, и только смертью она кончится. Демоны имеют свое оружие, и христиане имеют свое оружие. Демоны борют нас оружием страстей и удов наших, — и столько у них оружия, сколько в плоти нашей страстей. А христианское оружие есть слово Божие и молитва. Христианин без молитвы и слова Божиего, как воин без меча и ружья. Воины на брани всегда при себе имеют меч и оружие, так и христиане всегда должны быть вооружены духовным мечом глагола Божиего и оружием молитвы. Ибо непрестанная у них брань против врагов своих. Посему повелевается им: *«непрестанно молитесь»* (1 Сол. 5; 17). Воины на брани бодрствуют и весьма осторожно поступают ради окружающих врагов; так и христианам на брани своей должно бодрствовать и осторожно поступать всегда, ибо всегда окружают враги их. Посему и сказано: *«...трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити: емуже противитесь тверди верою»* (1 Пет. 5; 8-9). На брани имеются начальники и полководцы, которые воинов научают, наставляют и поощряют к доброму подвигу против врага, так и на брани христианской есть начальники — пастыри и учителя, которые христиан вооружают словом Божиим против врага диавола, научают и наставляют, как против него стоять и подвизаться, и никто так врагу сему не досаждаёт, как пастыри и учителя добрые. Посему злобный дух ни на кого не гневается и не свирепеет так много, как на пастырей и учителей. Берегись же, христиане, хотя и всякого человека, а наипаче пастыря и учителя злословить, да не с диаволом едино будешь мудрствовать. Смотри, христиане, злобу, вражду и лютость против тебя врага твоего и берегись его. Не злато, не серебро и прочее вещество

тленное, но вечное и нетленное сокровище, спасение твое, тщится у тебя отнять враг твой. Береги же сие не токмо паче имения, но и паче живота твоего. — Сию христианскую брань представляет нам Апостол и так вооружает нас: *«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие»* (Еф. 6; 11-17).

А как слово Божие и молитва служат оружием, внимай. Дьявол поощряет тебя ко греху, но ты в сердце твоём ответствуй ему: не хочу, ибо сие Богу противно, Бог то запретил. Дьявол возбуждает в тебе скверную и блудную мысль, а ты отвечай ему: Бог мой запретил сие мне. Дьявол возбуждает в тебе гнев и злобу к отмщению, ты пресекай сию мысль, глаголя в сердце твоём: Бог того не повелел. Указует тебе дьявол на чужую вещь и подстрекает сердце твое к похищению ее, а ты говори в сердце твоём: Бог то запретил — *«не укради, не пожелай»*. Так и в прочих мыслях, противных Закону Божию, восстающих в сердце твоём, поступай. В сем пример подал нам Христос Спаситель наш, Который на всякое диавольское искушение отвечал искушителю: *«писано есть, писано есть»* (Мф. 4; 4, 7, 10). Приводит тебя сатана к отчаянию, говорит тебе в сердце твоём: нет тебе спасения, ты много согрешил, — ты отвечай ему: ты осужденный, а не судия, тебе нет спасения, но уготован вечный огонь. Моя надежда и спасение — Христос Бог, Который пришел в мир грешников спасти. Но везде нужно и другое оружие, то есть молитва, без которой все наше тщание и сопротивление врагу бессильно. Во всяком искушении должно возводить очи свои ко Христу и молиться Ему: *«Господи, помози мне!»*

Другой злейший враг наш — плоть наша со своими страстями. Плоть хочет гордиться и возноситься, но христианину должно ее смирением Христовым усмирять. Плоть хочет в мире сем богатеть, но христианину должно нищетою Христовой хотение ее пресекать. Плоть хочет на человека гневаться и за обиду ему мстить, но христианину должно движение ее кротостью и тихостью Христовой укрощать. Плоть в несчастье волнуется, мятется, смущается и хочет роптать, но христианину должно силой и терпением Христовым ее успокаивать. Плоть хочет враждующих ей ненавидеть и злобиться, но христианину должно благостью и любовью Христовой ее побеждать. Так и в прочем христианину должно силой и примером Христовым против плоти стоять и подвизаться, и ее побеждать. — На видимой брани воин не против одного врага, но против всякого стоит и подвизается, так должно и христианину не против одной только страсти, но и

против всех стоять и подвизаться. Что пользы воину против одного врага стоять и подвизаться, а другим не противиться, но от них побежденным и умерщвленным быть. Что пользы и христианину против одной некоей страсти стоять и подвизаться, а другим покоряться и работать? Христиане! Как вооружился ты против одной какой страсти, так и против прочих вооружайся и не допускай себе от них побежденным быть. Как борешься с блудной похотью и не попускаешь ей одолеть тебя, так борись и брань твори с гордостью, борись с высокоумием, борись с тщеславием, борись с гневом, яростью и памятозлобием, борись со сребролюбием и скупостью, борись с ненавистью и завистью. Как воздерживаешь чрево твое от объедания и пьянства, так воздерживай язык твой от клеветы и осуждения, празднословия, сквернословия и буесловия. Как удерживаешь руки твои от убийства, воровства, хищения и грабления, так удерживай и от ударения и биения. Как постишься от пищи и питья, так постись и от всякого зла. Се есть христианский пост! се есть истинное воздержание! Трудный сей подвиг, но христианский долг его требует. Многие побеждают людей, государства и грады, но себя побеждать не хотят. Се есть христианская победа — себя самого, то есть плоть свою победить!

(Из книги "Сокровище духовное" святителя Тихона Задонского)

Враг с ленивыми не борется

Горе нашему нерадению! Мы ленивы, а враг наш бодр, он только о том и помышляет, как бы погубить нас. Мы едим и пьем, а враг скрежещет на нас своими зубами, мы празднословим, а он плетет для нас свои сети... Апостол велегласно взывает: *«трезвитесь, бодрствуйте, заме супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити»* (1 Пет. 5; 8). Да, много нам нужно внимательности и осторожности, дабы не поглотил нас диавол, и если мы ленивы, то он уже поглотил нас, а если еще стоим бодро на страже своего спасения, то он воюет против нас, желая поглотить, но не может сего сделать, потому что Бог помогает нам. Некто из отцов, обитающих в пустыне, однажды встал на молитву в самую полночь и вдруг слышит звук воинской трубы, созывающей на битву. И подумал он: откуда в такой безлюдной пустыне быть войскам и войне? Тогда явился ему бес и сказал: "Да, конечно — война, потому что ты стоишь на молитве; ложись себе и спи, если хочешь, чтобы мы не воевали с тобой! Мы воюем только с теми, кто вооружается против нас доброй молитвой, а с ленивыми не боремся!" Слышишь ли, что говорит злокозненная сила? — "С ленивыми мы не боремся!" Почему так? Да потому, что ленивый уже побежден, он уже упал на землю и лежит, попираемый врагом! Посему будем внимательны и осторожны на всякий час!

(Из книги "Руно орошенное")

84. От совести никуда не убежишь

«Бегают нечестивый ниединому оке гонящу...» (Притч. 28; 1).

Нет ничего безобразнее греха; даже тот, кто так охотно совершает его, не любит смотреть на него и, совершив грех, старается, сколько можно, утаить его. И когда приходится ему поневоле сознаваться в грехе перед лицом суда, то он готов бывает перенести всякую пытку, только бы не открывать греха. Когда же идет он добровольно к духовному отцу на исповедь, то или лукаво придает греху иной вид, или же прикрывает его какой-нибудь извиняющей оговоркой. А это, конечно, все оттого, что хотя он и смог сделать грех, но не может смотреть на него. Воистину, совесть есть зеркало: хочешь или не хочешь, а надобно ее стыдиться! Пусть молчат уста, сколько хотят; совесть делает свое дело, и ее обличения — самая жестокая пытка для души. Георгий Кедрин в своей "Летописи" рассказывает, что греческий царь Конста, не желая, чтобы его меньший брат Феодосии принимал участие вместе с ним в управлении, заставил его отречься от престола, вступить в духовное звание и принять посвящение во диакона. И вот Феодосии посвящен. Но этого было недостаточно для властолюбца-брата: спустя несколько времени, Конста велел его и смерти предать. Новый Каин, братоубийца, думал спокойно жить и счастливо царствовать без брата. Но в ту же ночь, среди глубокой тьмы, когда этот тиран стал засыпать, является перед ним несправедно убиенный брат его, Феодосии, облаченный в священную одежду как диакон, с полной чашей своей крови в руке, причем от теплой крови еще поднимался пар, и говорит ему страшным голосом: "Напейся, братец! Я твой брат, Феодосии, которого ты убил, это — кровь моя, которой ты жаждал, так утоляй же ею свою ненасытную жажду — *«напейся, братец!»* Вострепетал царь от такого видения, испугался, вскочил с постели и вышел в другие палаты. Успокоившись несколько от волнения, он опять лег в постель, и опять то же видение, та же кровавая чаша, и тот же страшный голос: *«напейся, братец!»* — Так было в первый день, так было и на другой и стало повторяться всякий раз, когда он ложился спать; приходил к нему брат и говорил страшные слова: *«напейся, братец!»* Чтоб избавиться от этого страшного привидения, царь выезжал на поля, в сады, на охоту, но и там оно его преследовало, и там устрашало, и там подносило ему смертоносную чашу — *«напейся, братец!»* Не вытерпел, наконец, Конста, уехал из Константинополя морем в Сицилию в надежде, что, быть может, с переменой места не будет и привидения, — но и это не помогло. Везде он мучился душой, потому что в своей совести носил причину этого мучения. Везде преследовала его страшная тень — *«напейся, братец!»* — И доколе же это продолжалось? Да дотоле, пока по прошествии нескольких лет мучительной жизни праведным попусцием Божиим царь-братоубийца не был сам убит в бане, — вот когда допил он эту горькую чашу! Бедный Конста! несчастный царь! Ведь то, что тебя так устрашило, было не вооруженным человеком, даже не живым, а уже умершим, — один только

образ, одна тень, одна мечта... Но так страшно было для него одно представление совершенного им греха! Совершить этот грех он мог, но смотреть на него не мог! Его обличала совесть, а обличение совести — мука нестерпимая: *«напейся, братец!»*

Но в сей жизни совесть обличает сокровенно, потому что и самый грех сокрыт, ее обличений никто не слышит, кроме самого грешника. А в день Страшного Суда совесть будет обличать уже открыто, потому что тогда для всех будут открыты грехи наши, и обличения ее услышит не только сам грешник, но услышат и все ангелы Божии, услышат и все люди, и все диаволы... Все мы воочию увидим уже не привидение, не мечту, но того самого человека, которого мы, если не рукой своей, то, быть может, словом своим, недобрым советом погубили; тогда станет убитый с чашей крови в руках и скажет своему убийце: *««Напейся, братец!»* Моя смерть осталась без отмщения, мои сироты — без пропитания, моя жена — несчастной вдовой; и вот теперь, перед лицом Бога — Судии Правосудного, я показываю тебе кровь мою — *«напейся, братец!»* — Увидим мы тогда бедняка, нами обиженного, и он скажет своему обидчику: служил я тебе всю жизнь как раб подневольный, все труды мои, все плоды трудов отдавал я в уплату долга моего, но долг мой и доселе считается неуплаченным. Дом мой вконец был разорен, жена по чужим дворам скиталась, дети оставались без хлеба, и я раздет донага... крови моей жаждал ты, вот она: *«напейся, братец!»*

Боже мой! Ведь ум наш во всю жизнь ни на одну минуту не оставался без дела, сколько же за все это время он худого передумал! Язык наш никогда говорить не перестает, сколько же зла наговорил! Воля наша ко всему греховному склонна, сколько же зла она наделала! Тогда все, что не нагрешили мы языком, до единого слова праздного, все, что не нагрешили умом, до малейшего помышления, все, что когда бы и где бы то ни было сделано нами, со всеми мельчайшими подробностями, предстанет перед нашими очами, откроется перед очами всего мира и всей вселенной... "Мы увидим тогда перед собой, — говорит святой Василий Великий, — все дела наши, все открыто предстанет перед взорами нашими в том самом виде, как было сказано, как было сделано". О, какое страшное зрелище! Обнаружится тогда лицемерие, которое выдавало себя за добродетель; обнаружится зависть, которая почиталась ревностью по правде; измена, которая признавалась дружбой; осуждение ближнего, которое выставлялось как забота об исправлении других... Горе мне! Когда иду исповедовать грехи мои отцу духовному, у меня выступает холодный пот на челе, я весь краснею от стыда, хотя и наверное знаю, что он будет хранить в глубокой тайне мою исповедь, никому не скажет греха моего, да и самого меня не только ничем не накажет, а еще простит и разрешит во грехах. Но каково мне будет тогда, когда грех мой будет открыт перед всеми Ангелами Божиими, которые будут отвращаться от меня, — перед всеми духами злыми, которые будут смеяться надо мной! О, какой позор! какое смущение! И при этом чувствовать еще укоризны совести моей, которая будет тогда беспощадно обличать меня! О,

какое мучение! "Сии грехи, которые теперь вижу я, — так я буду тогда говорить сам себе, — грехи великие и малые — все они мои собственные... Теперь уже нельзя укрыть их: ныне день, все открывающий. Бог давал мне в земной жизни вернейшее средство получить прощение через одно только мое слово: «согреших», — через одно изречение духовника: «отпускаются тебе греси твои...» И был бы я прощен тогда, но я этим не воспользовался; убеждали меня к тому и проповедники слова Божиего, и отцы мои духовные, но я не делал по их наставлению; и знал о том, да не делал того! Жил столько-то лет и имел довольно времени, а все же не каялся... Итак, есть ли у меня какое-нибудь оправдание? Но и этого мало. Не довольно с меня было своих грехов, я других ко греху побуждал... Не хотел вот этот человек вредить ближнему, я научил его; не хотел он лгать, красть и обманывать, — я подговорил его... Не знало это дитя никакого зла, — мои слова и разговоры отравили слух его, испортили добрый нрав его... И шел бы я теперь один в муку вечную, а то ведь увлек за собой других — примером, советом, соблазном своим! И какое же у меня в том оправдание? Теперь каюсь я, но бесполезно: прошло время покаяния, — настало время воздаяния! Что ж мне делать теперь? Я сам обличаю себя, я сам на себя приговор произношу! Боже! нет мне нужды в Твоем Суде, осуждает меня совесть моя... Иду добровольно в ад, чтобы укрыться там, чтобы уже не глядеть мне на грехи мои! Прими же меня, о мука вечная! Рай уж не для меня!"

Говорю я об этом, братие, и сам трепещу... Так-то обличает грешника, так-то произносит о нем суд свой его же совесть неподкупная! И нет, по слову святого Златоуста, нет судьи столь беспощадного, как совесть наша. Но постой, душа грешная, подожди, тебе еще нужно выслушать грозный приговор правосудия Божиего... О, Суд! о душа!

(Из "Поучительных слов" Илии Минятия)

85. Вход во Храм Пресвятой Богородицы

Исполнилось три года Пресвятой Деве Марии от Ее рождения, святые родители Ее, Иоаким и Анна, вознамерились совершить то, что обещали Богу, когда еще молились о разрешении своего неплодства. И вот, они пригласили к себе всех своих сродников, созвали юных девиц, одели Пречистую Дщерь свою в лучшие одежды и торжественно повели Ее в храм Иерусалимский. Впереди шли девы с возженными свечами, за ними святые родители вели Богодарованную Дщерь свою, держа Ее за руки, а позади шли сродники и знаемые — все с горящими свечами в руках. Как звезды небесные окружали они луну светлую — Пресвятую Деву Марию. Со всех сторон стекались жители Иерусалима, привлекаемые невиданным дотоле зрелищем; и не только они, но и обитатели Небесного Иерусалима — святые Ангелы, по словам песни церковной, с удивлением взирали, как входила Дева Мария во Святая Святых... Юные отроковицы, предшествуя Ей, пели псалмы Давидовы, а сами праведные родители Ее, Иоаким и Анна, повторяли

Боговдохновенное слово своего праотца Давида: «*слыши, Дщи, и виждь, и приклони ухо Твое, и забуди люди Твоя и дом отца Твоего*» (Пс. 49; 11). И вышли в сретение Деве-Младенцу священники, служившие при храме, с песнопениями встретили они будущую Матерь Архидея Великого — Господа Иисуса, а святые родители Ее, обращаясь к своему святому сроднику, священнику Захарии, отцу Предтечеву, сказали ему: "Приими, Захарие, приими, пророче, нашу Дщерь, Богом нам дарованную! прими и посели Ее в жилище Божиим, не испытай тайны Божией, а ожидай, пока Сам Бог, призавший Ее во храм Свой, откроет о Ней волю Свою!"

Храм Иерусалимский имел пятнадцать ступеней при входе; и вот, едва праведные родители поставили Святую Деву на первой ступени, как Она, трехлетний Младенец, окрыляемая духом любви к Богу, одна, никем не поддерживаемая, скоро и бодро взшла по всем ступеням до самого помоста церковного... Удивились все такому необычайному восхождению Дитяти, а святой Захария, как пророк, прозревал духом в сем обстоятельстве будущую судьбу Девы-Младенца, он взял Ее за руку и, радуясь душой, повел сначала во святилище, вещая к Ней: "Гряди, Чистая! Гряди, Препоблагословенная! Вниди в радости в церковь Господа Твоего!" — И радостно шла за архиереем Божиим Отроковица Богоизбранная, и он ввел Ее в самое внутреннее отделение храма, во Святая Святых, за вторую завесу, куда не только женскому полу, но даже и самим священникам не позволено было входить: только один первосвященник, и притом раз в год, имел право входить туда с жертвенной кровью. Так действовал святой Захария, руководимый Духом Божиим. Принесли святые родители при этом и дары Богу — жертвы благодарственные, и, получив благословение от святителя и от всех иереев Божиих, возвратились в дом свой со всеми сродниками. Они радовались и благодарили Бога, сподобившего их исполнить обет свой. А Пресвятая Дева осталась при храме Божиим; для молитвы удалялась Она во Святая Святых, а остальное время проводила в обители дев, временно посвятивших себя на служение Богу и живших в обширных пристройках храма Соломонова. Скоро научилась Она чтению Слова Божия и навывкла разным рукоделиям: пряла шерсть и лен, шила шелком и ткала даже целые одежды, каков был хитон Спасителя — не шитый, но весь сверху сотканный. Особенно любила Она готовить священные одежды для служивших при храме. Утро проводила Она в сердечной молитве, день — в рукоделиях и чтении Священного Писания, а вечер опять посвящала молитве, пока являлся Ей Ангел Божий, который приносил Ей обычную пищу. Получала Она пищу и от храма Божия, но обычно питала ею нищих и страных.

Иоаким и Анна нередко посещали свою благословенную Дщерь; особенно часто приходила к Ней святая Анна. Предание указывает в Иерусалиме даже дом, куда переселились из Назарета святые Богоотцы, чтобы быть ближе к возлюбленной, Дщери своей.

Двенадцать лет жила Пресвятая Дева Мария при храме Соломоновом, приготовляемая дивным Промыслом Божиим быть Матерью Сына Божия.

Частое собеседование с Ангелами возбудило и в Ней Самой желание остаться навсегда девой и жить в чистоте ангельской. И стала Она первой в мире Девою, которая обручила себя Богу и девство предпочла супружеской жизни, ибо в Ветхом Завете не было еще примера, чтобы девица оставалась навсегда девой, супружество почитаемо было выше девственной жизни.

Дети понятливы, будьте при них осторожнее

Пресвятая Дева Мария с трех лет начала жить в храме, с трех лет начала служить Богу. Ужели же, братие, могла быть какая-нибудь польза от столь раннего занятия? Ужели трехлетний младенец может что-нибудь понимать и перенимать? — Не только трехлетний, даже и двухлетние, и однолетние младенцы могут многое понимать и перенимать. Вы, конечно, замечали, как младенцы бывают до всего любопытны, а это есть знак того, что они хотят узнать, — значит, могут и понимать; об их памяти и говорить нечего, на ней, как на мягком воске, все отпечатывается. И в самом деле, когда дети научаются говорить, когда успевают запоминать столь различные наименования вещей? Конечно, в младенчестве. Когда успевают узнать те пороки, которые они обнаруживают, когда приходят в возраст? Опять в младенчестве. Так, слушатели, почти все то остается на всю жизнь в детях, что они видят и слышат в младенчестве. И потому, чему вы хотите со временем учить детей, то надобно внушать им и тогда, когда они бывают младенцами. Пусть они заблаговременно приучаются видеть и слышать это, пусть, по крайней мере, их уши и глаза привыкают к тому, чем со временем должны заниматься их ум и сердце.

И потому-то родители Пресвятой девы Марии премудро сделали, что так рано отпустили Ее жить в храм. Там все мирское от Нее было сокрыто; Она видела и слышала Божественное, Она жила и дышала Божественным. Напротив, весьма неосторожно поступают те из родителей, которые при младенцах делают и говорят худое, или позволяют другим говорить и делать непристойное. "Рано еще учить их доброму", — говорим мы обыкновенно. Рано! а к худому разве приучать уже время? Мы станем учить детей благочестию, когда у них откроются понятия, а много ли будет пользы от этого учения? Мы тогда будем словами удерживать их от того, чему давно научили делами.

Итак, слушатели, будем как можно осторожнее вести себя при младенцах, чьи бы они ни были, свои или чужие, за своих и чужих мы равно дадим ответ Богу. Положим, что они и ничего не понимают, но у них открыты глаза, у них отверсты уши, и потому будем удерживаться от худого, чтобы они не видели и не слушали, не будем приучать ушей и глаз их к худому. И нам лучше будет на том свете, если они спасутся, и нам отраднее будет, если они по смерти не пойдут в ад, в сие место мучений вечных. Аминь.

(Из поучений протоирея Р. Путятина)

86. С порочными не дружись

1.

Потомки Сифа, сына Адамова, жили добродетельно и богоугодно во все время, пока был жив Адам, за что Священное Писание и называет их *«сынами Божиими»*; они не смешивались с беззаконными потомками Каина, которых слово Божие называет *сынами человеческими*. Но по смерти праотца Адама благочестие сынов Божиих стало ослабевать, по смерти Сифа они и совсем развратились, а причиной сего развращения было то, что они сблизились с нечестивыми потоками Каиновыми, ибо тесное знакомство и дружба с людьми порочными кого не развратят? Хорошо сказано в псалмах: *«с преподобным преподобен будешь,.. и со строптивым развратишься»* (Пс. 17; 26-27). А Иисус, сын Сирахов, душевредную дружбу с людьми порочными уподобляет смоле: *«Касайся смоле очернитя, и приобщаяйся гордому точен ему будет»* (Сир. 13; 1). Так же точно следует рассуждать не об одной гордости, но и о всяком другом грехе, и особенно о нечистоте плотского греха. Всякий, кто заводит дружбу с порочным человеком, от него же научится и пороку его, и очернит себя, как очерняется человек, прикасающийся к смоле. И справедливо уподобляется порочная жизнь людей развратных смоле: как смола черна и прилипчива, как она легко пристает ко всякой вещи, а когда загорится, то издает смрадный дым, и пламень ее бывает трудно погасить, так и гнусные дела людей беззаконных мрачны, отвратительны и черны, как эфиопы. И говорит таковым Сам Бог в книге пророка Амоса: *«Не якоже ли сынове эфиопстии, вы есте Мне сынове Израилевы?»* (Ам. 9; 7). Когда, говорит, вы развратились, не стали ли в очах Моих такими же темнообразными, как эфиопяне? Всякий грешник есть черный эфиоп, он *«ненавидит света и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть»* (Ин. 3; 20). И тому, кто водит дружбу с такими эфиопами, как смолой очерненными, своими гнусными делами нельзя не очерниться: ведь зло прилипчиво, оно легко пристает к человеку, который по самой природе своей больше склонен к злему, чем к доброму, как сказано в Писании: *«...Прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его»* (Быт. 8; 21). А как скоро человек, подружившись с порочными людьми, начинает и сам развращаться, и, подобно смоле, возжигаться огнем греховным, то он уже начинает испускать и злосмрадный дым соблазна, злословия, бесстыдства; повсюду, точно дым по ветру, распространяется о нем худая молва, и все люди добрые сторонятся его... Когда же грех обратится для него в привычку, то уже трудно исправить его, подобно тому, как нелегко бывает загасить загоревшуюся смолу. Вот почему Бог повелевает: *«изыдите от среды их, и отлучитесь, и нечистоте их не прикасайтесь: и Аз приму вы, и буду вам во Отца»* (2 Кор. 6; 17,18). А святой апостол Петр так умоляет: *«Спаситесь от рода сего строптиваго»* (Деян. 2; 40), — спасайтесь, говорит, как от неминуемой гибели, ибо

поистине было бы чудом, если бы кто, живя между строптивыми и развращенными, не погиб совершенно. Мы удивляемся праведным мужам: Ною, Аврааму, Лоту, Иову, Товиту, которые спаслись, обитая среди незаконных народов, мы прославляем их жизнь, как чудное явление в мире. Хорошо сказал один из греческих мудрецов, когда его спросили: что в жизни достойно удивления? — "Человек добрый между злыми", — отвечал он. Если встретишь, говорит, одного доброго человека среди множества людей развратных, то удивляйся ему, как бы чуду какому, потому что такие люди не часто встречаются, — не часто, ибо *«все уклоишася, вкупе непотребны быша, — как говорит псалмопевец— несть творяй благостыню, несть до единого»* (Пс. 52; 4).

Что же за причина такого всеобщего между людьми развращения? Да та и причина, что люди соблазняют друг друга и вредятся дурными примерами греховной жизни друг друга. Каждый видит дурную жизнь другого и соблазняется, и сам тоже начинает делать зло, и таким-то образом умножается число людей злых и уменьшается число людей добрых. Посему и Господь говорит в Евангелии: *«Горе миру от соблазн»* (Мф. 18; 7), — горе, ибо мир полон соблазнов, как полон и грехов! Соблазняется зрение, ибо сколько видится в мире совершающих беззакония! Соблазняется слух, ибо сколько слышится в мире речей льстивых, хульных, лживых, нечистых! И кто может избежать всех этих соблазнов? Посему — *«горе миру от соблазн!»* Многие, желая сохранить себя от соблазна, убегали в пустыни, укрывались в горах и пещерах, лишь бы не видеть, не слышать мирских соблазнов, среди которых трудно спастись. И если против живущих в пустынях, далеких от мира, воюют многие страсти и некоторых из них даже совсем останавливают на пути к спасению, то тем легче сии страсти побеждают и совсем губят людей, живущих среди рода строптивного и развращенного. Один старец, обитавший в скиту в Египетских пустынях, однажды пришел в Александрию продать свое рукоделие и, увидев тут юного монаха, который вошел в корчемницу, весьма опечалился; он дождался, пока монах вышел из корчемницы, отвел его в сторону и сказал ему: "Брат! ужели ты не знаешь, как много сетей у диавола? Разве не знаешь ты, как мы, монахи, повреждаемся и от зрения, и от слуха, когда бываем в городе? А ты, молодой монах, ходишь в корчемницу, ведь ты там поневоле и слышишь, и видишь все только грех, умоляю тебя, сын мой, беги в пустыню, там для монаха легче спасение при помощи Божией". Юный инок дерзко ему отвечал: "Ступай прочь, старик! Бог ничего от нас не взыскивает, было бы только сердце чисто". Тогда старец воздел руки на небо и сказал: "Слава Тебе Боже! Вот уже пятьдесят пять лет живу я в скиту пустынном, а сердца чистого еще не стяжал, а этот брат, и пребывая в корчемнице, уже имеет сердце чистое". Сказал же сие старец, чтобы только выразить свое удивление, на самом же деле он вовсе не верил, чтобы кто-нибудь мог, живя среди соблазнов мирских, стяжать сердце чистое.

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

2.

Как тело часто погибает от заразы испорченного воздуха, так точно и душа часто терпит вред от общения с людьми порочными; и как страждущий чесоткой сообщает свою болезнь и здоровым, так точно случается часто и с душой от общения с людьми порочными. Посему и Христос заповедал не только избегать таких людей, но и отвергать их. *«Аще же, — говорит Он, — око твое десног соблазняет тя, изми е и верзи от себе»* (Мф. 5; 29), — разумея в этой заповеди не глаз, ибо что худого может сделать глаз, когда душа находится в здоровом состоянии? — но друзей, близких к нам и сделавшихся как бы нашими членами, повелевая не дорожить и их дружбой, чтобы безопаснее соделывать собственное спасение. Посему и Пророк говорит: *«Не седох с сонмом суетным, и со законопреступными не вниду»* (Пс. 25; 4). *«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»* (Пс. 1; 1). Обыкновенно, не столько причиняют вреда дикие звери, сколько порочные люди; те явно производят свои ядовитые действия, а эти нечувствительно и неслышно каждый день распространяют заразу, мало-помалу ослабляя силу добродетели. А ты, когда намереваешься поселиться в городе, то много стараешься узнать все о тамошнем климате, не вреден ли, не сыр ли, не сух ли он, когда же дело касается души, то нисколько не стараешься узнать тех людей, с которыми тебе приходится жить...

(Из бесед святого Иоанна Златоуста)

3.

Блаженный Августин так оплакивал несчастья своей молодости: "Я блуждал в такой слепоте, что стыдился не иметь столько бесстыдства, сколько имели мои товарищи; я делался день от дня порочнее только для того, чтобы за честность не прослыть у товарищей моих бесчестным человеком. Боже мой! Ты видел, с каким удовольствием ходил я по улицам Вавилона, и как услаждался, валяясь в грязи порока, как будто это был драгоценнейший бальзам... Невидимый враг попирает меня своими ногами и водил по своей воле, а я, бедный, шел за ним везде с радостью". Отчего же происходила такая слепота? "О враждебное дружество! — продолжает Августин, — ты столько развращаешь сердца молодых людей, что они не для своей выгоды, не для того, чтобы сделать другому вред, но без намерения, для одной шутки делают зло... Ах! бывало только скажут: "Пойдем с нами; сделаем то или это", — и я стыдился не предаваться всем шалостям!.."

(Из творений блаженного Августина)

87. Можно ли верить всякому сну?

Сновидения бывают трех родов: одни из них происходят от Бога или добрых Ангелов, другие от ангелов злых или дьявола, а третьи — сны обыкновенные, от природы.

Наши сны, какие видим мы каждую ночь, бывают большей частью обыкновенные: нам грезится большей частью то, что мы видим или слышим

в обыкновенной нашей жизни, и потому-то у богача, например, бывают свои сны, каких не видит бедняк; у бедняка — свои, каких не видит богач; у женщин — свои, у детей — свои и пр. Само собой разумеется, что таким снам верить не должно, потому что — чему тут верить? Многие скажут, что "бывает иногда, что сны и исполняются точно так, как толкуют их". Правда, что и бывает, да только бывает *иногда*, а не всегда. А если бы каждый наш сон должен был что-нибудь значить, то не иногда, а всегда должен был бы он исполняться на деле. Кроме обыкновенных снов, есть еще и другие сны: одни от злых ангелов или бесов, а другие от Ангелов добрых и от Бога. Что бывают сны от диавола, от которых сохрани нас, Боже, — вот пример. Жил один монах на горе Синайской и там много подвизался, но при всем своем благочестии тот имел недостаток, что вполне верил снам. Вот диавол и воспользовался этим, и раз представил ему во сне, будто на одной стороне — святые Апостолы, мученики и все христиане находятся во тьме — в аду, и терпят самые страшные мучения, а на другой — жида, и во свете наслаждаются блаженством. Проснулся бедный монах, поверил сну, пошел к жидам, и не только принял еврейскую веру, а еще женился на еврейке... Зато ж и наказал его Господь; года через три прежний праведник, еще живой, начал гнить, тело его точили черви, и в таком несчастном положении он умер. Вот какие столпы может колебать сила бесовская! Да и не мудрено: диавол ведь *«яко лев рыкаяй ходит, иский кого поглотити»*, и потому готов пользоваться всяким случаем, чтобы только сделать нам какое-нибудь зло; а тут во сне и представляется ему удобный случай внушать душе нашей разные греховные помыслы и желания, так как сонный человек ничем не может отогнать его от себя — ни Крестом, ни молитвой, потому что не может в ту пору ни молиться, ни креститься. Но Церковь Святая, точно нежная мать, заботится о нас, чтобы предостеречь нас от этого опасного врага: она велит каждому из нас пред тем, как надо лечь в постель, сначала поцеловать Крест свой на груди, потом перекрестить постель свою от ног до головы и во все стороны, и в то же время читать молитву *«Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его»*. Вся эта молитва направлена против нечистой силы, например, *«да погибнут беси от лица любящих Бога... Радуйся Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы»* и проч. А молитвы да крестного знамения диавол боится, как огня. Так, раз явился он святому Симеону Столпнику, который спасался на столпе, и явился ему в виде светлого Ангела, да еще с огненными конями и с огненной колесницей, и, искушая его, завел с ним такую речь: "Вот, Симеон, ты угодил Богу так, как Илия пророк, и потому я послан сюда, на землю, чтобы восхитить тебя, как Илию, на этой колеснице на небо". Святой поверил было, да как только перекрестился и сказал: *«Господи благослови»* (т.е. перейти со столпа на колесницу), так вдруг не стало ни ангела, ни коней, ни колесницы, — все исчезло. Таким образом, могут быть сновидения и от диавола, и таким сновидениям, разумеется, верить не должно, потому что диавол никогда правды не скажет. А чтобы он не мог искушать нас во сне, для этого

непрерывно надо молиться перед сном, да перекрестить постель свою, читая молитву *«Да воскреснет Бог»*.

Как же можно узнать, что такой-то сон от диавола? Это можно узнать по двум признакам. Первый признак: если тебе пригрезится что-нибудь во сне противное либо вере, либо Церкви Святой, либо жизни благочестивой, либо что-нибудь подобное, а между тем перед сном ничего подобного у тебя и в голове не было. Второй признак: если после пробуждения от такого сна с тобой делается какое-то смущение души, какая-то тоска на сердце. Вот, если эти два признака имеются, то можно думать, что такой сон есть наваждение диавольское.

Перейдем теперь к сновидениям от Ангелов добрых и от Самого Бога. Что бывают такие сновидения, об этом, кажется, и говорить нечего. В Священном Писании столько подобных примеров, что трудно было бы передать все разом. Мы приведем только некоторые из них. Например, святой патриарх Иаков, когда шел в Месопотамию и лег спать в пустыне, то видел во сне лестницу, достигающую от земли до неба, Ангелы Божии восходили и спускались по ней, а наверху ее стоял Сам Господь, Который благословлял Иакова и обещал отдать эту землю ему и его потомству. И обещание это исполнилось. — У этого патриарха было 12 сыновей; один из них был Иосиф, которого братья ненавидели за то, что отец больше любил его, чем их, — за его простосердечие и невинность, и потому тайно от отца продали его в дальнюю сторону. Но Бог все Свое устроит; перед этим сам Иосиф видел два замечательных сна: один тот, будто он на поле вязал с братьями снопы, будто его сноп стал прямо, а снопы братьев окружили его сноп и поклонились ему. Сон этот означал, что его братья будут кланяться ему. Другой сон тот, будто солнце, луна и одиннадцать звезд поклонились перед ним. Это значило, что не только братья, но и отец с матерью придут к нему с поклоном. И тот, и другой сон сбылись в свое время. Конечно, это были люди праведные да святые, а нам, грешным, скажете, где же видеть такие сны? Правда, такие необычайные сны чаще всего могут быть у праведников, потому что они и наяву несравненно ближе нас бывают к Богу, который и посылает им такие сны. Впрочем, Бог ко всем так милостив, что подобные сны могут быть и грешникам. Для примера возьмем Навуходносора, царя Вавилонского: великий он был грешник, — а и он видел замечательные сны. Фараон, царь египетский, был тоже большой грешник, а и он видел тоже необыкновенный сон. — Так будем помнить, что сны бывают трех родов: одни от Бога и Ангелов добрых, — таким снам надо верить; другие — от нечистой силы, — таким снам верить не должно; а третьи — от нас самих, и таким снам тоже верить не должно, хоть бывает иногда и то, что во сне наша душа может предчувствовать что-нибудь, только в этом случае надобно нам быть очень осторожными, потому что премудрый сын Сирахов сказал: «...якоже емляйся за стене, и гоняй ветры, такожде емляй веру сном. Волшебства и обаяния и сония суетна суть; аще не от Вышняго послана будут на посещение, не вдаждь в ня сердца твоего:

многих бо прельстиша сония, и отпадоша надеющиеся на ня» (Сир. 34; 2, 5, 7). Это значит: верить снам тоже, что хвататься за тень и гнаться за ветром. Волшебства, гадания и сны суетны, и если сны не от Бога посланы, то не верь им. Стало быть, если бы кому из нас довелось видеть какой-нибудь сон необыкновенный, то лучше всего не самим толковать его; есть у вас отец духовный, он хоть не святой, а все-таки больше нас знает да понимает дело, притом, сон ведь видит душа, а душа ему-то и вверяется от Бога, и потому к нему-то и можно обращаться в подобных случаях с просьбой, а не к гадальщицам или знахарям, которые знают не больше, как и все мы, и только обманывают людей простодушных.

(Из "Душеполезного чтения", 1881)

Когда сон бывает легче и приятнее?

- 1). После говения и поста.
- 2). После усиленной и теплой молитвы.
- 3). После сердечного примирения с врагом.
- 4). После исповеди, принесенной от сердца.
- 5). После трудного опыта самоотвержения.
- 6). После дел милосердия.

(Из "Воскресного чтения", 1873)

88. Беседа о сквернословии и о матерном слове

В одной из древних рукописей есть такое сказание: был один человек, именитый по званию и добродетельный по жизни, звали его Стефаном. Он имел одну дурную привычку — браниться нечистым словом. Раз пришел он откуда-то домой усталый и расстроенный и с гневом крикнул своему рабу: "Эй ты, диавол, разуй меня!" — И вот, лишь только произнес он эти нехорошие слова, как сапоги сами собой стали с великой силой сниматься, так что затрещали не только голенища, но и самые кости Стефановы... Стефан начал громко кричать, на его голос сбежались домашние, и тут-то стало всем понятно, что тот, чьим именем назвал Стефан своего раба, сам явился к его услугам и сорвал с него сапоги, сознал и Стефан свой грех и с ужасом зывал бесу: "Иди прочь от меня, злой слуга! не тебя я звал, а раба моего купленного!" Бес удалился, но и сапог уже не было, их потом нашли в непристойном месте... Сказание это очень поучительно. И в самом деле: как не быть около тебя бесу, когда ты поминутно его поминаешь? И как не удалиться от тебя святому Агнелу-хранителю, когда ты постоянно его оскорбляешь? Приятно ли ему, святому и чистому, слушать твои нечистые и богомерзкие речи? Поверь, несчастный сквернослов, что если бы Господь Милосердный еще не покрывал тебя особой Своей милостью, то бес давно уже похитил бы и саму душу твою, как свое достояние. Но ведь и Господь терпит, терпит тебя, да и перестанет терпеть... Он ждет твоего покаяния, он

ожидает, пока ты образумишься, бросишь свою мерзкую привычку, а если ты не бросишь, то — смотри, чтобы Он не отнял от тебя благодати Своей.

Вот какую страшную повесть передает святой Григорий Двоеслов в беседе с Петром Диаконом. "В нашем городе (т.е. Риме) один человек, всем известный, имел сына, лет пяти, которого очень любил, и воспитывал без всякой строгости. Мальчик, которому во всем поблажали, привык произносить скверные бранные слова, и какая бы мысль не приходила ему в голову, он тотчас же начинал по привычке злословить и бранил не только людей, но, случалось, дерзал хулить — и сказать страшно — Самого Бога, произнося хулы на святые предметы. А отец не запрещал ему говорить те хульные и скверные слова. Во время моровой язвы, бывшей у нас за три года перед сим, мальчик тот разболелся к смерти, и когда отец держал его у себя на коленях, то, — по рассказам лиц, которые тут находились сами, — пришли нечистые бесы взять окаянную душу мальчика. — Мальчик, увидев их, затрепетал, закрыл глаза и стал кричать: "Батюшка, отыми меня у них! отыми!" — и со страшным криком спрятал свое лицо в пазуху своего отца, стараясь как бы укрыть себя. Отец, смотря на малютку, как он трепетал, спросил: "Что ты видишь?" — Мальчик отвечал: "Пришли черные люди, хотят меня взять..." — и, сказав сие, стал произносить скверные и богохульные речи, к которым привык, и тут же умер...". Так погибла душа пятилетнего ребенка, который еще не умел, как следует, рассудить, что худо и что хорошо; а ведь ты не ребенок, ты хорошо понимаешь это, как же ты дерзаешь сквернословить без стыда и без зазрения совести? Подумай, какая страшная казнь Божия ждет тебя в будущей жизни!

Стыдно нам, православные; а люди добрые недаром говорят, что нигде в целом свете не найдешь такого сквернословия, как у нас на Руси святой! Зовем мы себя православными христианами, содержим веру святую и правую, а языка своего даже в этом-то удержать не можем! Ведь турки и татары неверные, — и те не бранятся так, как бранятся у нас... И вот еще что особенно горько: наши сквернословы не разбирают ни места, ни времени. Идете вы утром, в полночь, во время совершения Божественной литургии, в будни и праздник, если стоит где толпа народная, — обходите ее подальше, иначе слух ваш непременно оскорблен будет срамным словом. И никому нет дела до бесчинствующих! Как будто так и следует быть! Да еще что бывает? Многие родители даже при собственных детях и в своем доме, — а дом христианина Слово Божие называет *«домашнею церковию»*, — позволяют себе сквернословить, вследствие чего и самые дети не отстают от родителей в сквернословии! Вообще матерное слово, особенно у простого народа, служит точно вместо какой-то необходимой приправы, вместо соли, во всяком разговоре, деловом и шуточном; и в гневе, и в дружественной беседе, у пьяных и трезвых, — всюду оно, поганое, противное, оскорбительное для Бога и всякого целомудрого слуха. Удивляться надо, как это вошло оно в такое всеобщее употребление, несмотря на бессмыслие его и мерзость. Как мог дойти человек до такого безумия и бесстыдства, чтобы публично

клеветать на себя и на других, позоря при этом священное для каждого имя матери? Недаром, по замечанию людей опытных, от матерного слова и скотина отвращает слух свой. А что должен чувствовать, слыша срамословие людское, человек богобоязненный, особенно благочестные и целомудренные женщины и девы? Вы, срамословы, не хотите подумать о том! Послушайте же, какое грозное слово изрекает на вас святитель Златоуст: "Как бы кто-нибудь, извергающий из уст нечистоту, так и ты делаешь себя отвратительным. Ибо если сия нечистота так отвратительна, то подумай, как отвратителен должен быть источник этой нечистоты, а этот источник есть сердце: *«от избытка бо сердца уста глаголют»* (Мф. 12; 34). Прискорбно мне видеть эту мерзость, а еще прискорбнее то, что некоторым она вовсе не кажется нечистотой. Хочешь ли знать, сколь велико зло — говорить срамное и постыдное? Всмотрись, как краснеют от твоего бесстыдства те, которые тебя слушают. Ибо что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего? Ты включаешь себя в разряд скоморохов и распутных женщин. Но и распутные женщины имеют более стыда, нежели ты. Как же ты можешь научить целомудрию жену, когда бесстыдными словами возбуждаешь в ней распутные мысли? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие. Если у тебя дурно пахнет изо рта, то ты не прикасаешься к общей трапезе, а когда душа твоя столь смрадна, скажи мне, как ты дерзаешь приступать к Таинам Господним? Если бы кто, взяв нечистый сосуд, поставил его на твоей трапезе, такого ты, избив палками, прогнал бы. Скажи теперь, ужели ты не думаешь прогневать Бога, когда гнуснейшие всякого нечистого сосуда произносишь слова на сей трапезе Его? Ибо уста наши не трапеза ли Божия суть, когда мы приобщаемся Таинства Евхаристии? Да и как может быть иначе? Ибо ничто так не прогневляет Его, Святейшего и Чистейшего, как слова мерзкие и скверные, ничто не делает людей столь наглými и бесстыдными, как когда они говорят и слушают подобные слова, ничто так легко не разрушает целомудрия, как возгорающийся от таких слов пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова, зловоннейшие всякого трупа, и через них убиваешь самую душу твою". Вот как строго вразумлял святой Златоуст сквернословов, живших в его время.

Между тем, в его-то время матерное слово не было так распространено, как теперь. А что бы он сказал, если бы явился среди нас, да послушал, как к каждому слову приплетают эту мерзкую, отвратительную брань православные русские люди? И все это из-за чего? Удовольствие ли, польза ли, нужда ли какая в скверном слове? Вор ворует хоть из корысти, пьяница хоть услаждает свою гортань, ну, а ты, несчастный, из-за чего сквернишь свои уста, губишь свою душу? Вот уж поистине безумие, какого и у бессловесных животных не встретишь! — "Матерным словом, — говорит один учитель Церкви, — оскорбляется священное имя матери. Первая Матерь наша есть Пресвятая Богородица, наша общая Заступница; другая мать — та, которая в болезнях рождает нас и заботится о нашем

воспитании; третья, общая для всех матерь — земля, дающая всем нам пищу, одежду и жилище". О произносящем скверные слова человеку Ангел-хранитель плачет, диавол же радуется; от такого Пречистая Богородица отнимает Свой Покров; на такого Бог посылает различные напасти и несчастья. Итак, молю вас, братия, обуздывайте язык свой от этого злого обычая. Послушайте слов Евангелия: *«За всякое слово праздное, а о гнилом уж и говорить нечего, люди дадут ответ Богу в день судный»* (Мф. 12; 36), а посему *«всяко слово гнило да не исходит из уст ваших»* (Еф. 4; 29). Послушайте, что говорит еще книга Притчей: *«усты нечестивых раскопается град»* (Притч. 11; И), — значит, ради нечестивых сквернословов страдают грады и веси. Сугубое же наказание за матерное слово для человека то, что от него отступает благодать Божия, и благословение Божие уж не почивает на таковых, если они не раскаиваются и по раскаянии не воздерживаются от сего. Аминь".

89. В деле веры и спасения нельзя полагаться на свое мудрование

Есть у подвижников одно золотое правило монашеской жизни: если хочешь спастись, то прежде отрекись от своей воли и разума, от своего смышления и мудрования и отдай себя самого в беспрекословное послушание старцу, опытному в духовной жизни; не утаивай от него ни одного своего поступка, ни одной мысли, ни одного пожелания, — отдай ему всего себя, как отдал бы ты глину в руки мастера-горшечника, который, конечно, лучше тебя знает, как нужно поступить с этой глиной, чтобы сделать из нее потребный сосуд. Без этого условия, т.е. без совершенного послушания, нельзя быть истинным монахом, а, стало быть, бесполезны и все подвиги монашеские; оно так важно, что святой авва Дорофей решительно говорит: "Я не знаю другого падения, кроме того, когда человек последует самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее сего". Так губельно самочиние в жизни монашеской. Но для одних ли монахов оно погубительно? Нет, самочиние, как порождение гордости, в деле спасения самый опасный враг для всякого человека, кто бы он ни был, мирянин или монах. Христос Спаситель не одним монахам сказал: кто хочет идти за Мной, тот прежде всего отрекись от своего смышления, от своего мудрования, отрекись от своей воли, словом, отрекись от самого себя — *«да отвержется себе!»* Стало быть, и для мирянина тоже условие спасения, стало быть, и для него нет ничего опаснее в деле спасения, как полагаться на свое мудрование. Отсюда все ереси, все расколы и лжеучения. Кто не хочет слушать учения своей Матери, Святой Церкви Православной, кто не хочет жить по ее святым уставам спасительным, кто думает устроить свое спасение по своему смышлению и мудрованию, тот, по гордости своей, за свое самочиние сам себя лишает благодати Божией, ибо благодать преподается только послушным и смиренным чадам Церкви Божией в ее святых таинствах. — Итак, хочешь спастись? *«Не мудрствуй паче, еже подобает мудрствовати»*

(Рим. 12; 3), не испытай выше меры твоей: *«высших себе не ищи, и крепльших себе не испытай»* (Сир. 3; 21), — как сказано в Писании, — это не твое дело; лучше доверься своей Матери, Церкви Православной, положишься на ее мудрое материнское попечение о душе твоей, веруй так, как учит она, делай то, что велит она, не рассуждай и не суди о том, о чем она не позволяет тебе иметь свое суждение — вот и спасешься. Сказано: *«Аще не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное»* (Мф. 18; 3). Именно так. Тут не об одном только детском незлобии говорит Господь, нет, в дитяти нам указан образец той детской любви, той беззаветной детской преданности, какую мы должны иметь к своей Матери — Церкви Христовой. Дитя не рассуждает, а беспрекословно исполняет волю своих родителей: и ты не мудрствуй, а исполняй в простоте сердца то, что велит тебе делать Святая Церковь Православная. Дитя твердо помнит одно: что родители ему зла не пожелают, стало быть все, что велят они делать — все хорошо, все так и должно быть; знай и ты и твердо помни, что Церковь Божия желает тебе спасения, что у нее есть и все средства к тому, и что она-то, Мать наша, конечно, лучше нас с тобой знает, что нам полезно и что вредно, что мы должны делать и чего должны бегать. Нам ли, грешным, судить да проверять ее? Ведь Господь не кому другому, а именно ей доверил все дело нашего спасения. Он дал ей все средства благодатные и прямо сказал: кто Церкви не будет слушать, тот и на спасение не надейся, — он будет то же, что язычник и мытарь. Наконец, умное дитя боится довериться чуждому человеку, особенно если услышит от него худое слово про своих родителей; так и ты: бойся принимать в сердце слово человека, который позволяет себе судить Церковь Божию, ее уставы и чиноположения. Все это, конечно, вовсе не значит, чтобы уж вовсе не нужно было никакое разумное усвоение истин веры. Совсем напротив, Сам Господь сказал: *«испытайте Писаний»*, — не слепой неразумной веры требует он от нас; *«не дети бывайте умы»*, — говорит Слово Божие, — и блажен будешь, если уразумеешь святыя истины веры Православной, усвоишь их умом и сердцем и сам будешь в состоянии дать ответ всякому вопрошающему тебя о вере твоей. Но и при всем этом держись опять все того же мудрого правила — бойся доверять своему смышлению, о чем не знаешь, лучше со смирением умолчи, чего не понимаешь — спроси у отца твоего духовного, он тебе объяснит и Словом Божиим разрешит недоумение твое, он укажет тебе писания богомудрых отцов и учителей, где ясно изложено учение Святой Церкви Божией, где найдешь ты ответ на вопрос твой, только не решай ты таких вопросов одним умом твоим, одним твоим собственным мудрованием: в этом погибель души. Да к тому же это и непристойно послушному сыну Церкви Божией. Сам рассуди: хорошо ли сделал бы твой сын, если бы без твоего ведома, например, вздумал распорядиться судьбой своей? Так и каждый послушный сын Церкви никогда не позволит себе и шагу сделать в деле спасения, и слова сказать об учении веры, не справившись прежде: как о том учит его Мать святая, Церковь Православная? — И знай, возлюбленный, что если ты всегда будешь следовать этому златому правилу,

то будешь сторицей вознагражден; Святая Церковь есть единая сокровищница святой истины, в том-то и преимущество чад Церкви, что они могут найти в ее Богооткровенном учении разрешение всякого вопроса и недоумения касательно учения веры и жизни христианской. Значит, если Церковь требует себе от нас детского доверия и послушания, то ведь это делает для нашего же блага, она хочет, чтобы мы обогатились теми сокровищами истинного Боговедения, которые в преизобилии положили в нее Богородившие Апостолы и богомудрые Отцы.

Мудрая простота веры

К святому Антонию Великому пришел однажды поселянин и сказал: "Отец, я хочу быть иноком". "Не можешь, — отвечал Антоний, — тебе уже около 60 лет, иди лучше опять в свою деревню и работай, благодаря Бога". "Отец, — сказал поселянин, — если ты меня чему научишь, я то сделаю". "Я сказал тебе, что ты стар и не можешь понести трудов монашеских, иди отсюда", — отвечал Антоний, он затворил свою келлию и три дня не выходил из нее. Поселянин остался подле келлии. В четвертый день Антоний принужден был выйти и сказал: "Иди отсюда, старец: ты беспокоишь меня". "Умру здесь, а не пойду", — простодушно отвечал поселянин. Антоний принял старца к себе и сказал: "Можешь спастись, если будешь послушлив. Стой здесь и молись до тех пор, пока я не приду к тебе". Старец простоял семь дней и ночей на молитве неподвижно, как свеча. Антоний принес ему финиковые ветви сухие и сказал: "Плети вервь, старец, вот так". Он плел с утра до вечера и свил вервь в 15 локтей длиной с великим трудом, потому что ветви были упруги, как железные прутья. — "Дурно сплел, — сказал Антоний, — расплети и снова плети". Старец расплел и опять начал плести. "Не хочешь ли есть?" — спросил Антоний у старца, семь дней не принимавшего пищи. — "Как ты хочешь", — отвечал поселянин. Они сели за скудную трапезу, состоявшую из хлеба и воды. Антоний подвергал многим испытаниям послушливость поселянина, а он все выдержал с удивительным терпением: *«не поскорбе, ни смутися, ни возропта, ни прогнеvasя»*. "Во имя Господа Иисуса ты уже инок совершенный, — сказал Антоний, — теперь живи особо, в недалней от меня пещере". И жил. Однажды привели к святому Антонию бесноватого и просили исцелить больного. "Это не мое дело", — отвечал Антоний; он пошел с больным к поселянину и сказал: "Изгони злого духа", — оставил больного у старца. Старец молился и сказал бесу: "Отец Антоний велит тебе изыти". Дьявол отвечал: "Не пойду". Старец в простоте сердца сказал: "Или ты изыди, или я пойду возвещу Христу моему, тогда тебе горе". Бес не исходил. Старец разгневался, в самый жаркий полдень стал под открытым небом на камень, раскаленный подобно печи, и сказал: "Господи Иисусе, Ты видишь, что не сойду с сего камня, хотя бы мне пришлось умереть здесь, не вкушу хлеба и воды, пока Ты не услышишь меня и не изгонишь беса". Тогда бес, понуждаемый невидимой силой, с великим

воплем оставил больного. Так старец своим смирением и простотой победил лютейшего из злых духов. Этот старец был — Павел Препростый.

90. Бойся толковать Священное Писание по-своему

Слово Божие есть меч обоюдоострый. Кто умеет владеть сим мечом, тот поражает им врагов своего спасения, а кто не умеет владеть им, как должно, тот легко может нанести вред своей же душе. Должно помнить, что этим оружием часто пользуются и враги наши — диавол и его слуги верные, разные лжеучители. Припомни, что повествуется в Евангелии: когда сатана искушал Господа, он ведь ссылался и на Священное Писание: *«Верзися низу, — говорил он Спасителю, — писано бо есть: яко Ангелом Своим заповестъ о Тебе сохрани ти тя, и на руках возмут Тя, да не когда преткнеши о камень ногу»* Твою (Мф. 4; 6). Подобным образом искушал он и святых подвижников; так, например, склоняя их к нарушению священного обета девственной чистоты, он указывал на слова Писания: *«честна женитва во всех и ложе нескверно»*. Все ереси, все лжеучения и расколы произошли оттого, что люди не понимали истинного смысла Священного Писания. Прочитает человек какое-нибудь место в Писании и начнет толковать его по-своему, как вздумалось, погрешит в своем толковании, а там и от единства Церкви Божией отделит себя, сделается через то лжеучителем и ересеначальником. Так было со всеми еретиками. Вздумал Арий протолковать по-своему слова Христа Спасителя: *«Отец Мой болий Мене есть»*, — и преткнулся своим мудрованием, и впал в богохульную ересь: Сына Божия Отцу единосущного он назвал такой же тварью, как и Ангелы Божии, за что и предан был анафеме на первом Вселенском Соборе. Македонии также по своему смышлению стал толковать слова Христовы о Духе Святом, и также стал ересеначальником, и предан анафеме на Втором Вселенском Соборе. И сколько было таких безумных толкователей Священного Писания! И все они были упорными противниками святой Церкви Православной, сынами погибели! Один толковал по-своему вторую заповедь Божию и стал инокоборцем; другой вздумал по-своему же толковать слова Апостола: *«един Ходатай Бога и человеков — Христос Иисус»*, — и стал мудрствовать, будто уж вовсе не нужно призывать в молитве на помощь ни Матери Божией, ни святых Ангелов, ни святых угодников Божиих; третий прочитал слова того же святого Апостола: *«благодатию есте спасены, чрез веру»*, — и начал толковать, будто уж и добрых дел совсем не требуется для спасения; иной неправильно понял слова Священного Писания о Божием предопределении и стал утверждать, будто хорошо ли, худо ли живешь, — для спасения все равно: уж если определено тебе погибнуть, то погибнешь, как не старайся угодить Богу... Вот какие богохульные лжеучения происходят от того, что люди берутся не за свое дело — толкуют слово Божие по-своему, как им на ум придет, а не так, как изъясняет оно святая Матерь наша, Церковь Православная! Итак, страшись,

верный сын Церкви, толковать Священное Писание по своему смыслу и мудрованию, где уж нам, с одним своим слабым умом, исчерпать эту глубину неизмеримую! Куда уж нам пускаться в это море беспредельное на своей уютной ладье без доброго кормчего — Святой Матери нашей, Церкви Православной! Не такие были столпы, как мы, грешные, да и те претыкались о свое мудрование. Кто был в древней Церкви, например, Ориген? Знаменитый ученый муж, который всю Библию знал наизусть, читал и переписывал ее на разных языках, был столь славным учителем, что многие приезжали из-за моря, чтобы только послушать его, поучиться у него, а жизнь вел такую строгую, какой мы и представить себе не можем, — словом, это был такой мудрый, опытный и крепкий в вере муж, что его современники недаром прозвали «*адамантовым*», то есть несокрушимым, человеком. Но и с ним случилась та же беда: в деле истолкования Священного Писания он уж слишком положился на свое знание, слишком доверился одному своему уму, и, по справедливому слову преподобного Симеона, Христа ради юродивого, зашел в такую глубину своих мудрований, что не мог оттуда выбраться и утонул... Вот к чему ведет свое смышление в деле истолкования Священного Писания; мудрейшие и опытнейшие толкователи легко могут уклониться в заблуждение и ересь, если будут доверять одному своему уму-разуму, а, стало быть, могут и погибнуть.

Спросишь: что же делать, чтобы не погрешить в уразумении Священного Писания? Отвечаю: 1). Прежде всего и паче всего старайся очищать свое сердце от страстей, его оскверняющих. Ведь в самом же Священном Писании сказано: «*в злохудожну душу не внидет премудрость*» (Прем. 1; 4). Кассиан Римлянин передает прекрасные наставления о сем старца Феодора, который отличался простотой, не имел школьного образования, но разумел Священное Писание лучше многих мудрецов. Сей блаженный авва говорил: "Если страсти будут истреблены в душе, то душевные очи беспрепятственно будут созерцать тайны Священного Писания; оттого оно и темно для нас, что наши очи душевные закрываются пороком, смой с них сию нечистоту, и ты ясно будешь видеть истинный смысл Священного Писания. Даже самые толкователи его оттого и погрешают, что принимают за толкование, не имея чистоты сердечной; оттого они и не видят света истины и даже иногда придумывают много противного вере". 2). Никогда не приступай к чтению Божественного Писания без молитвы и прошения помощи от Бога. Так учит преподобный Исаак Сирин. Преподобный Варсануфий Великий говорит: «*Всяк просяй приимет, и ищай обретает*» (Мф. 7; 8). Кто не просил у Бога разумения Писаний, тот и не получал его". Вышеупомянутый авва Феодор, не понимая одного места в Писании, семь дней и ночей непрерывно молился, и Бог дал ему уразуметь непонятное. 3). Когда встретишь в слове Божиим что-нибудь для тебя непонятное, ищи объяснения там, где повелевает искать его святая Мать твоя, Церковь Православная. А она указывает нам такие объяснения в самом же Священном Писании (например, что непонятно в Ветхом Завете,

то часто объясняется в Новом), предлагает в своих символах или изложениях Православной Веры, в определениях Святых Соборов, в писаниях святых Отцов и учителей Церкви, — вот где найдешь ты самое полное и ясное истолкование слова Божия, найдешь разрешение всех твоих недоумений. Святые Отцы толковали Священное Писание так, как их учили сему святые Апостолы. А как строго они охраняли все, что приняли от святых Апостолов, это видно из их же писаний. Так, святой Иринея решительно говорит, что "не знающие предания апостольского, не могут познать истину из одного Священного Писания". Святой Климент Александрийский говорит, что "те, кои толкуют Священное Писание не по церковному преданию, а по своему мудрованию, потеряли правило истины". — "Только тогда прекратятся заблуждения человеческие, — говорит святой Киприан, — когда мы будем толковать слово Божие согласно с преданием Церкви". — "Не следует самому вдаваться в изъяснение Священного Писания, — предостерегает святой Варсануфий Великий, — ибо дело сие представляет немалую опасность для неверующих. Когда не знаешь, то лучше не говори ничего, потому что говорить о Священных Писаниях по своему разумению есть *безумие*". Вот почему Святая Церковь на Шестом Вселенском Соборе решительно законоположила: "Аще будет исследуемо слово Писания, то не иначе да изъясняется оное, разве как изложили светила и учителя Церкви — Богоносные Отцы" (правило 19). Наконец, 4) если уж сам не можешь найти в Писаниях святых Отцов истолкований непонятного для тебя места Священного Писания, то всего лучше спроси о том своего отца духовного: он тебе никогда не откажет в этом. Одно твердо помни и знай, что ничего нет опаснее для спасения, как толковать слово Божие по своему смышлению и мудрованию.

Молитва святителя Иоанна Златоуста перед чтением или слушанием Слова Божия

Господи Иисусе Христе, отверзи ми очи сердечныя услышати Слово Твое и разумети и творити волю Твою, яко пришлец есмь на земли: не скрый от мене заповедей Твоих, но открий очи мои, да разумею чудеса от закона Твоего: скажи ми безвестныя и тайныя премудрости Твоя. На Тя уповаю, Боже мой, да ми просветиши ум и смысл светом разума Твоего, не токмо чести написанная, но и творити я, да не в грехе себе святых жития и словеса прочитаем, но в обновление, и просвещение, и в святыню, и в спасение души, и в наследие жизни вечныя. Яко Ты еси просвещающий лежащих во тме, и от Тебе есть всякое даяние благо, и всяк дар совершен. Аминь.

91. Две лествицы

*«Всяк возносяйся смирится, смиряй ое себе вознесется» (Лк. 18; 14).
«Смиритеся пред Господом и вознесет вы» (Иак. 4; 10).*

*«Нет падения, которому не предшествовало бы возношение»
(Изречение святых Отцев).*

Есть две лестницы: одна такая широкая да удобная, ведет, по-видимому, вверх, а пойдя по ней, и сам не заметишь, как очутишься в преисподних глубинах адовых, — это *гордыня*; другая — тесная и узкая, ведет вниз, а между тем по ней можно взойти в самое Царство Небесное, — это *смирение*.

Диавол, искушая Христа Спасителя, возвел Его на высокую гору. Так он всегда поступает и с людьми: поднимает неопытную душу на высоту, ей несвойственную, и ставит ее сразу судьей всего, что она видит внизу, под собою. Гордая душа привыкает ставить себя превыше целого мира, выше всего человечества... И судит такой человек всех и все, кроме себя самого, и нет-то его умнее, лучше, исправнее, святее в целом мире! Не правда ли: ведь это высота? Но есть еще ступень на этой лестнице гордыни, ступень самая последняя, но зато уж такая, на которой закружилась голова даже у одного из первейших Ангелов Божиих, когда он дерзнул подняться на эту ступень, — и он ниспал оттуда в самое дно адово и стал сатаной... Спросишь, как это бывает? А вот, послушай, что говорит о сем преподобный авва Дорофей. "Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его, как ничего не значащего, а себя считает выше его; таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу доходит до того, что возгордится и против самого Бога, и подвиги, и добродетели свои будет приписывать уж себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощью Божией. Поистине, братия мои, знаю я одного, пришедшего некогда в это жалкое состояние. Сначала, если кто из братьев говорил ему что-либо, он уничтожал каждого и возражал: "Что значит такой-то? Нет никого достойного, кроме Зосимы и подобного ему". Потом начал и их осуждать и говорить: "Нет никого достойного, кроме Макария". Спустя немного, начал говорить: "Что такое Макарий? Нет никого достойного, кроме Василия и Григория". Но скоро начал осуждать и их, говоря: "Что такое Василий? И что такое Григорий? Нет никого достойного, кроме Петра и Павла". Я говорил ему: "Поистине, брат, ты скоро и их станешь унижать". И поверьте мне, через несколько времени он начал говорить: "Что такое Петр? И что такое Павел? Никто ничего не значит, кроме Святой Троицы". Наконец, возгордился он и против Самого Бога, и таким образом лишился ума". Итак, вот где последняя, самая верхняя ступень гордыни; на эту-то ступень и взошел некогда сатана, когда дерзнул сказать: *«на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой., взыду выше облак, буду подобен Вышнему»* (Ис. 14; 13,14). Туда же влечет гордыня и человека: *«будете, - говорит - яко божи»* (Быт. 3; 5). Не напрасно же сказано: *«Господь гордым противится»*. Да избавит нас Милосердный Господь от такого пагубного устройства души!

Другая лестница — это смирение. Ступени этой лестницы идут как будто вниз, а на самом деле возводят прямо к Богу. Чем человек ближе к Богу, тем он считает себя грешнее. Самые святые-то люди и считали себя самыми

грешными. Так Авраам говорит о себе: *«Аз же есмь земля и пепел!»* Давид говорит: *«Аз же есть червь, а не человек, поношение человеков и уничтожение»*, — одно только поношение, стыд, уничтожение для людей! А святой апостол Павел называет себя извергом, первейшим из грешников! И все-то, решительно все угодники Божии почитали себя величайшими грешниками и нисходили в такую глубину смирения, что почитали себя хуже всей твари и удивлялись неизреченному милосердию Божию: как это только Бог терпит их на земле? Как это земля-то их носит?

Удивительно это для нас, грешных, непонятно, а между тем дело-то очень простое. Удивлялся этому и один мудрец и спросил преподобного Зосиму: "Скажи мне, как это ты считаешь себя грешным? разве ты не знаешь, что ты свят? разве не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, как исполняешь заповеди, как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?" — Старец же не находился, какой дать ему ответ, а только говорил: "Не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным". Мудрец настаивал на своем, желая узнать, как это может быть. Тогда старец, не находя, как ему это объяснить, начал говорить ему с своей святой простотой: "Не смущай меня, я подлинно считаю себя таким". Видя, что старец недоумевает, как отвечать мудрецу, преподобный Дорофей сказал ему: "Не то ли самое бывает и в искусствах? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то, по мере упражнения в этом, приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле; душа приобретает навык постепенно и нечувствительно, через упражнение в искусстве. Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению, и нельзя выразить это словом". Когда авва Зосима услышал это, он обрадовался, тотчас обнял авву Дорофея и сказал: "Ты постиг дело, оно точно так бывает, как ты сказал". И мудрец, услышав эти слова, остался доволен и согласен с ними. "Помню, однажды, — повествует преподобный Дорофей, — мы имели разговор о смирении, и один из знатных граждан города Газы, слыша наши слова, что чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным, удивлялся и говорил: как это может быть? И, не понимая, хотел узнать, что значат эти слова. Я сказал ему: "Именитый господин, скажи мне, за кого ты считаешь себя в своем городе?" — Он отвечал: "Считаю себя за великого и первого в городе". Говорю ему: "Если же ты пойдешь в Кесарию, за кого будешь считать себя там?" — Он отвечал: "За последнего из тамошних вельмож". "Если же, — говорю ему опять, — ты отправишься в Антиохию, за кого ты будешь там себя считать?" — "Там, — отвечал он, — буду считать себя за одного из простолюдинов". "Если же, — говорю, — пойдешь в Константинополь и приблизишься к царю, там за кого ты станешь считать себя?" — И он отвечал: "Почти за нищего". Тогда я сказал ему: "Вот так и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными". — "Сделай милость, скажи мне, как спастись?" — вопрошал один брат великого старца Варсануфия и получил такой ответ: "Если ты искренне желаешь спастись, то сколько имеешь силы, уничтожай

себя день и ночь, понуждаясь увидеть себя ниже всякого человека. Это есть истинный путь, и кроме его — нет другого для желающего спастись о укрепляющем его Христе. Да течет по нему желающий спасения, да течет желающий, да течет желающий, — *«течет да постигнет»*; свидетельствуюсь в том пред Богом живым и хотящим даровать жизнь вечную всякому желающему ее. Если и ты желаешь, брат, трудись"!

На какой же лестнице стоим мы с тобою, читатель? Да вопрос в том, как мы о себе думаем. Нам кажется, что "мы еще не то, что другие: мы и в Бога веруем, и добро кое-какое делаем, что есть люди и похуже нас, есть такие, что по году в церкви не бывают, из корчемницы не выходят, да и в Бога-то иной не верует". — Не правда ли? Ведь именно так о себе мы, грешные, думаем? А если так, то вот и значит, что мы поднялись уже на несколько ступеней по лестнице гордыни. Как же быть? Да нужно спуститься на лестницу смирения, всем сердцем, всей душой сознаться в том, что мы — великие грешники, что и нет-то нас хуже, нет грешнее на свете... Тогда Господь не оставит и нас Своею благодатью, ибо Он только *«смирренным дает благодать»*. А как этого достигнуть? — Очень просто: не засматривайся на себя, на свои мнимые добродетели, смотри на свои грехи, — а сколько их! Не хочется тебе смотреть на них — молись Богу, чтобы захотелось; и вот когда при помощи Божией увидишь свои грехи без числа, как песок морской, когда почувствуешь, как чувствовал Давид, что они превысили главу твою, как тяжкое бремя гнетут тебя, и что ты под этим бременем совсем поник и согнулся — вот это и будет верным признаком, что началось выздоровление души твоей, что ты становишься твердой ногой на первую ступень той лестницы, которая ведет прямо в Рай Божий.

92. Не бегай встречи со священником

В древние времена люди были проще, а оттого и к Богу были ближе. Бог нередко являлся Своим избранникам и беседовал с ними, еще чаще посылал Он к ним Своих Ангелов, которые иногда являлись людям в виде странников с дорожным посохом. Встретит человек такого странника, а после и окажется, что это — Ангел Божий. А что, возлюбленный о Господе читатель, если бы тебе попался навстречу такой желанный странник, не говорю уже — Сам Бог, а хотя бы только Ангел Божий? Я думаю — с какой радостью, с каким восторгом благодатным ты встретил бы небесного вестника! И уж, конечно, такую встречу почел бы великим счастьем для себя. Так знай же, возлюбленный брат, что и теперь редкий день не встречается тебе Ангел Божий, редкий день не имеешь этого счастья: Ангел Божий это — иерей Божий, священник. Не удивляйся тому, что я говорю, это не мои слова, это слова вселенского учителя святого Иоанна Златоустого. И святитель Христов верное слово сказал: священник есть воистину Ангел Божий. Он также возвещает нам волю Божию, как и Ангелы, он такой же носитель благодати Божией, он совершитель Таин Божиих. Не говори мне: "Он такой же

грешник, как и я", — тебе нет дела до его грехов. Святая Церковь уверяет нас, что Святые Таинства не теряют для нас своей спасительной силы от недостойнства иерея, совершающего их. Стало быть, встретиться с иереем значит встретиться с Ангелом Божиим. Да так и смотрели на такую встречу все святые Божии даже еще в Ветхом Завете, в самые древние времена. Так, как к Аврааму вышел навстречу Мельхиседек, царь Салимский, священник Бога Всевышнего, то Авраам за великую милость Божию, за великое счастье почел эту встречу и за то удостоился принять благословение от Мельхиседека, который был прообразом Великого Архиерея Господа нашего Иисуса Христа.

А между нами есть люди, стыдно сказать, из нас же, православных, которые встречу со священником почитают за дурное предзнаменование. Мало того, встретившись с иереем Божиим, иные суеверы плюют в его сторону, будто увидели что-нибудь отвратительное... Может же человек дойти до такого безумия! И как иначе назвать такое прямо языческое суеверие, если не безумием? Где тут смысл хотя какой-нибудь? Слово Божие заповедует: «*Бога бойся и иереи Его чти*». А тут какое почитание иерею Божию, когда при встрече с ним плюют на него? И есть же люди, даже из почитающих себя образованными, которые не стыдятся держаться такого глупого суеверия, обидного для служителей Божиих и, даже скажу больше, — оскорбительного для самой благодати Божией, для Самого Господа Бога... Не обидно ли было бы тебе, почтенный человек, если кто стал плевать на твоего любимого сына! Как же ты дерзаешь оскорблять иерея Божия? За что? Ведь часто ты даже вовсе не знаешь его лично, а плюешь в его сторону только потому, что он *поп*, стало быть, именно за то его и оскорбляешь, что он служитель Господа Бога и Церкви Его Святой, а не служитель мира, не слуга сатаны и аггелов его... Кто же ты, сам-то, после этого? Чей ты-то слуга? Подумай! Спроси самого себя, своей совести: "Зачем я так делаю?" — "Говорят..." — Да кто говорит-то? Такие же неразумные, как и ты, а Слово Божие совсем не то говорит. Оно уверяет нас, что все, что с нами бывает помимо нашего желания, помимо участия нашего, — все это совершается не иначе, как по устроению Божию, по Его милосердному о нас промыслению, что без Его святой воли и птичка не умирает, и волос с головы не падает; что все совершается по неизменным законам правды и благодати Божией, хотя и не всегда мы можем постигнуть эти дивные законы вечной правды и премудрого милосердия Божия к нам, грешным... Подумай же, можно ли допустить, чтобы Господь Бог установил такой нелепый закон: будто кто встретится со служителем благодати Его, тот непременно подвергается неудаче, несчастью, беде какой-нибудь?! Да ты сам первый с негодованием отвергнешь такую нелепость, ты первый назовешь это богохульством. Так скажи же: отчего, как, почему ты думаешь, будто встреча с иереем Божиим несет тебе беду да напасть? Объясни, — как это суеверие может мириться с твоею верой в Промысл Божий? Как может статься, чтобы служитель Божий

одной встречей причинил тебе несчастье? Наверное, ты и сам не знаешь, как и откуда взялось такое нелепое суеверие. Так послушай же, я объясню тебе.

Иереям Божиим Господь поручил спасение нашей души, вот врагу рода человеческого и нужно было как-нибудь посеять разделение между пастырями и пасомыми, нужно было этому волку отлучить овец от пастырей, — вот он и позаботился об этом еще в то время, когда христианство только распространялось между людьми, когда всюду являлись проповедники святой веры Православной и, точно святые Ангелы Божии, разгоняли мрак заблуждений языческих... Языческие жрецы и другие закоренелые язычники, конечно, не могли равнодушно смотреть на святых проповедников веры Христовой. Где можно было, там они их гнали, мучили и смерти предавали, а где нельзя было сего делать, там они их преследовали презрением, насмешками, оплеванием. Вступать в споры с учителями новой веры им не позволяла гордость, а к тому же те из них, которые были поумнее, хорошо понимали, что в этих спорах им не устоять против истины Христовой, вот они и придумали, по внушению вражью, преподать своим последователям, таким же как они, язычникам, мудрое, как они полагали, правило: отплевываться при всякой встрече с христианским священником, потому де, что встреча эта не обещает им ничего доброго, кроме стыда и позора пред своими же, если бы иерей Божий стал обличать их веру неправую... Теперь понял ли, возлюбленный брат, чьих убеждений ты держишься? Ведь это прямо хитрость врага рода человеческого, самого сатаны, — как же ты, сын Церкви Православной, этого-то не можешь понять? А знаешь ли, что, может быть, тот самый священник, с которым ты сейчас встретился, несет на персях своих Святейшие Таины Христовы — Пречистое Тело и Всесвятую Кровь Самого Господа Иисуса? Что, если ты, отплевываясь от иерея Божиего, плюнул — страшно сказать — на Самого Господа, почивающего на персях служителя Своего? Ведь ты тогда смертно согрешил, согрешил хуже тех, которые плевали на Господа во дворе Пилатовом и заушали Его, — те не веровали в Него, а ты ведь считаешь себя сыном Церкви Его, ты искуплен Его смертью, ты причащаешься Его Пречистого Тела и Крови и носишь в себе залог вечной жизни в Царствии Его! Не думай, возлюбленный, что Бог потерпит тебя, что ни во что поставит такое поругание Его служителей. Вспомни горькую участь тех неразумных детей, которые смеялись над безвласой головой пророка Божия Елиссея, и которых за то растерзали медведицы... Но то были дети, а ты ведь не дитя, тебя одарил Господь Бог разумом, за то и взыщет с тебя несравненно строже. И взыскивает, — о, как строго и воистину достойно и праведно взыскивает!

Приведу пример, рассказанный одним военным человеком в своих воспоминаниях. Это было во время Кавказской войны. Один отряд выступал из прикавказского города в горы, впереди шел капитан, командовавший этим отрядом. Едва отряд вышел за заставу, как капитан заметил на соседнем холме духовную особу, — это был градский отец протоиерей, возвращавшийся пешком откуда-то в город. Суеверный капитан почел эту

встречу за дурное предзнаменование и вместо того, чтобы подойти и попросить благословения и молитвы за идущих на брань, приказал солдатам плевать и бросать песок в ту сторону, где он стоял на холме. Оскорбился слугитель Божий таким поношением его священного сана, не вытерпел, подозвал одного унтер-офицера, который шел позади отряда, и сказал ему: "Передай капитану, что ему будет первая пуля!" — Жестоко было слово это в устах слугителя Христова, не ему бы говорить такие речи, но, видно, Бог попустил ему сказать такие слова для вразумления самого же суевера. Грозное слово иерея Божия сбылось: по прибытии на место отряду приказано было занять одну гору, в которой укрепился неприятель; капитан пошел в атаку впереди своих храбрецов, и — первая же пуля неприятеля попала ему в живот... Только особенной милости Божией он был обязан тем, что пуля не пробила кишки, и он остался жив. Тут-то он вспомнил предсказание протоиерея и горько раскаялся... А вот пример другого рода. Это было в Москве. Священник шел на урок к детям богатого купца М. и на лестнице встретил хозяина. Купец тотчас возвратился в переднюю. "Что с вами?" — спросил его священник. Купец сознался, что побоялся ехать в город, потому что встретился с ним. Тогда священник говорит ему: "Уверяю вас именем Божиим, что Бог благословит ваши дела успехом: идите с миром!" — и он благословил купца. Вечером купец посылает за священником и говорит ему: "Батюшка! теперь стыжусь своей глупости. Сегодня я так торговал, как никогда!"

93. Бегство в Египет

Когда волхвы поклонились Господу Иисусу и удалились из Вифлеема, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: "Встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его". Иосиф встал, взял Младенца и Матерь Его ночью и пошел в Египет. Тяжело было старцу предпринимать этот далекий путь, но он должен был повиноваться повелению Божию. Древнее предание сохранило трогательные подробности этого путешествия святого семейства. Передадим кратко некоторые из них.

Не надеясь на свои слабые силы, Иосиф взял с собою своего сына, святого Иакова, который впоследствии был проименован братом Божиим. Через несколько дней святые путешественники очутились в тех самых безводных пустынях, по которым шел из Египта народ израильский. Страшные трудности и невзгоды встретили их здесь. Дорога шла все местами песчаными и нередко совсем исчезала среди песчаных холмов; в пустыне негде было достать необходимого для пропитания, потому все надобно было взять с собою в потребном количестве, а у них был только один осел, который необходим был и для юной Матери с Божественным Младенцем. Днем подвергались они нестерпимому жару, ночью принуждены были

защищать себя от холода, а как защититься от всего этого там, где местом отдыха, — как днем, так и ночью, — мог служить только песок, по которому они шли, а кровом — один свод небесный? Повествуют, что в одном месте, среди пустыни, напали на них разбойники и хотели отнять у них осла. Но один из разбойников до того был пленен красотой Божественного Младенца, что не позволил своим товарищам обижать святых путников. "Если бы, — говорил он, — Сам Бог воспринял на себя человеческий образ, то и Он не был бы прекраснее Сего Дитяти". Тогда Мать Божия сказала сему благоразумному разбойнику: "Верь, что сей Младенец не забудет твоего благодеяния. Он воздаст тебе благим воздаянием за то, что ты теперь охранил жизнь Его". Это был тот самый разбойник, который впоследствии был распят одесную Господа и сподобился услышать от Него: "Днесь со Мною будешь в раю". Так исполнилось над ним слово Матери Божией! —

Близ египетского города Гермополя было большое прекрасное дерево, в котором обитал нечистый дух; этому дереву местные жители поклонялись, как богу, и приносили жертвы. Но едва Богородица приблизилась к нему со Своим Богомладенцем, как оно тотчас же страшно сотряслось до корня, и бес, устрешенный пришествием Господа Иисуса, бежал, а само оно преклонило свои ветви к земле, воздавая достоподобное поклонение своему Создателю и Его Пречистой Матери. Утомленные странники укрылись от зноя солнечного под его широколиственной тенью, и с того времени дерево то стало исцелять своими листьями от всяких болезней. Вошел святой Иосиф с Богородицею и Богомладенцем Иисусом в храм идольский, где было 365 идолов, и все эти идолы пали на землю и сокрушились; и исполнилось над ними слово пророческое: *«се Господь сидит на облаце легце»* — на руках Пречистой Девы-Матери, — *«и придет во Египет, и потрясутся рукотворенная Египетская от лица Его»* (Ис. 19; 1). Остановилось Святое семейство близ селения, именуемого Матариз. Святой Иосиф оставил Мать Божию с Господом Иисусом под одним деревом, а сам пошел в селение — приискать убежище, где можно было бы им остановиться. И вот дерево, под которым отдыхала Мать Божия, вдруг раздвоилось сверху до низу, наклонило свой верх и образовало у своих корней как бы шатер для Божественной Путницы и Ее Дивного Младенца, а вблизи того дерева внезапно появился родник чистой прохладной воды для утоления их жажды. Огромный пень этого дерева и доселе сохранился, из его вершины идут и теперь сочные ветви. Сохранился и источник, изобилующий вкусной водой. Сколько времени провели святые странники в Египте — неизвестно. Святое Евангелие говорит только, что по смерти Ирода снова явился во сне Иосифу Ангел Божий, и по его повелению Святое семейство возвратилось в землю Израилеву.

Рядиться – грешно

Настали *Святки*, — значит, дни святые, а в святой день и грех вдвое грешнее. Но вот наша беда: в святые-то дни мы и грешим всего больше. В другое время, например, едва ли кому и на ум придет рядиться да паясничать, а в святки эта бесовская забава будто законное дело. Но знаете ли вы, любители святочных потех, как строго смотрит на них святая Церковь? Вот ее правило на этот счет: "Аще мужие во одежду женскую облачаться, а жены в мужскую, и в наличники (т.е. маски), различные лица себе притворяюще, сицевых отлучению предавати" (61-е правило Трул. Собора). А это значило, что таковых Причастия Святых Таин лишать, потому что они не хотят слушать заповеди Божией; Сам Бог сказал: *«да не будет утварь мужеска на жене, ни да облачится муж: в ризу женску: яко мерзость есть Господеви Богу всяк творяй сия»* (Втор. 22; 5). Говорят: "Не мы первые — не мы и последние, не нами заведено, не нами и кончится обычай этот". Гнилое оправдание! "Не нами заведено!" — Несчастные! не вами заведено — да вами держится и от вас к следующим поколениям перейдет обыкновение это нечестивое. Как же вы не хотите рассудить того, что как вы теперь на своих предков, так, придет время, — и на вас будут ссылаются ваши потомки и обвинять вас пред Богом? "Но что же и особенно дурного, — скажет кто, — в святочных потехах? Так и не повеселиться молодым людям?" — Отвечаю: "рядиться" запрещено нам Богом, а что запрещено Богом, то, стало быть, дурно. Церковь отлучает таковых от Причастия Святых Таин, — стало быть, велик грех сей, когда такое наказание за него положено! И понятно, — может ли Церковь смотреть снисходительно на святочные потехи, когда они соединены с забвением страха Божия, с разными бесовскими играми, иногда с распутством? И, главное, в какие это дни? Сын Божий ради тебя Небо оставил, а ты, вместо того чтобы сретить Христа, братаяешься с дьяволом. Братие, умоляю вас, — оставьте богомерзкий обычай. В нем тяжкий грех!

(Поучение протоиерея Белоцветова)

94. Иордан

Иордан вытекает у подножья горы Антиливана, из небольшого круглого озера Фиал. Эта священная река протекает по обширной и весьма плодородной долине между крутыми скалистыми горами с севера к югу, проходит сквозь два озера — Самохонитское и Тивериадское, и впадает в Мертвое море. Иордан очень извилист, берега его поросли ивняком и другими кустарниками, в этих кустарниках гнездятся бесчисленные стаи диких уток, аистов, стрижей и др. пернатых, встречаются и дикие звери: кабаны, шакалы, тигры и др. Вода иорданская летом прозрачна, а осенью, зимой и весной мутна, она очень приятна на вкус и изобилует рыбой. Ширина реки не более десяти сажень, а глубина около сажени, впрочем, зимой от частых дождей Иордан выступает из берегов и затопляет окрестную равнину на полверсты и больше.

Много священных воспоминаний соединяется с именем Иордана. Много знаменательных событий, и умилительных, и грозных, совершилось на его берегах. Здесь процветали некогда богатые и роскошные, но и преступные города Содом и Гоморра с другими тремя городами. Окрестности этих городов были, по выражению книги Бытия, прекрасны, как Рай Божий. Здесь, в этих городах, жил благочестивый племянник Авраама, Лот, пока гнев Божий не истребил грешных городов за их беспримерный разврат и нечестие. И вот, на месте прекраснейшей долины с роскошными садами и богатыми городами теперь широко расстилается Мертвое море, вполне заслуживающее такое имя, потому что ни одно животное не живет на его пустынных берегах, ни один араб не ставит тут своего шатра, и ни одна рыба не может жить в его мертвых водах... Воистину, страшен во гневе Своем Господь, праведный Судия! Но обратимся к более отрадным воспоминаниям. С одним дорожным посохом переходил некогда священную реку патриарх Иаков, когда шел в Месопотамию. Но через несколько лет он возвращался к отцу через тот же Иордан уже с многочисленным семейством, с множеством рабов и большими стадами скота. Так благословляет Бог Своих избранных, которые предают себя всецело благому водительству Его Святого Промысла. Когда евреи возвращались из Египта, *«вода Иордана текущая сверху, остановилась и стала стеной, а текущая в море соленая ушла и иссякла. Все сыны Израилевы переходили по суше, и только тогда, когда священники, несли Ковчег Завета Господня, вышли из Иордана, вода устремилась по своему руслу, пошла как вчера и третьего дня, выше всех берегов своих»* (1 Нав. 3; 15-17. 4; 18). Так, самая неразумная природа повинуется и служит рабам Божиим, когда они сами неуклонно исполняют волю Божию! На берегах Иордана судьи народа Божия Аод, Гедеон и Иеффей побеждали врагов Израиля — моавитян, мадиамитян и др. Чрез Иордан чудесно переходили посуху великие пророки израильские Илия и Елисей; по слову пророка Елисея в волны иорданские семь раз окунался прокаженный полководец сирийский Нееман, и, по молитве пророка, *«обновилось тело его, как тело малого ребенка, и он очистился от проказы»*. Не тоже ли было и с каждым из нас, когда мы трижды погружаемы были в святую купель Крещения, в этот духовный наш Иордан, и очистились в ней от проказы греха, в котором родились на свет Божий? Но увы! с той поры сколько новой нечистоты накопилось на наших грешных душах! Для омовения ее есть еще купель, но уже не Иорданской воды, а чистых слез покаяния. Но где, как не на тех же священных берегах Иордана, впервые раздалась строгая, но в тоже время и утешительная проповедь Предтечи Христова — *«покайтесь!»* Где, как не в пустыне Иорданской, этот *«глас Словесе, светильник Света, денница Солнца»* (как величает его Святая Церковь) всем возопил людям, что пришел Христос Избавитель мира и Агнец Божий, что приблизились к людям желанные дни благодатного Царствия Христова? О, какое чудное зрелище представляли тогда берега Иордана, оглашаемые проповедью Иоанна, сына Захарина! Отовсюду, со всех концов Иудеи и Галилеи, и из-за иорданских

стран стекались к нему люди всех званий и состояний и исповедовали перед ним грехи свои, и принимали от руки его крещение... Были тут и гордые фарисеи, которые думали спастись только за то, что они потомки Авраама, но которых Предтеча Христов беспощадно обличал в лицемерии и лукавстве, угрожая страхом грозного Суда Божиего; были тут и смиренные мытари, которых он поучал бескорыстию и любви к ближним; были здесь и воины, которым он внушал никого не обижать, не клеветать, довольствоваться тем, что имеют. "Я крещу вас водою, — вещал Предтеча народу израильскому, — но идет за мною Тот, Кто сильнее меня, у Которого я недостойн развязать ремень обуви: Он будет крестить вас Духом Святым и огнем...". Но вот является к Иоанну и Тот, о Ком он предвозвещал, Сам Господь наш Иисус Христос. Вот Он, *«одеваяй небо облаки, одеяйся светом яко ризою»*, как человек, совлекает с себя одежды и погружается в волны Иордана, освящая Собою водное естество... Вот с небес гремит глас Бога Отца: *«Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих!»*

С лишком восемнадцать столетий протекало с тех пор. Было время, когда на берегах Иордана процветали святые обители, а на том самом месте, где Господь восприял Крещение от Иоанна, стоял монастырь святого Иоанна Предтечи, развалины которого и доселе приметны; в пустыне Иорданской было много отшельников, подражателей Предтече Христову. Но теперь пустынный берега священной реки, зато с тех пор, как Иордан стал купелью Самого Христа — сколько тысяч благочестивых поклонников посетило эти берега! Каждый год (обыкновенно в первые дни Страстной Седмицы) целыми караванами, по тысяче, по две и больше идут они сюда в сопровождении отряда турецкой конницы, в предохранение от нападения диких обитателей пустыни — бедуинов, и проводят ночь на берегах Иордана, раскидывая здесь свои шатры. С каким восторгом они погружаются в священные волны Иордана при пении тропаря Богоявления: *«во Иордане крещающуся Тебе, Господи...»* — с благоговением спешат они зачерпнуть воды Иорданской в дорожные мехи и сосуды, срезать себе на память трость из прибрежного камыша, достать камушек со дна реки, чтобы все это отнести на далекую родину!

Нет в мире реки священнее Иордана, оттого и твердо знает ее имя каждый христианский младенец!

95. Тайна долголетней жизни

Было время, когда люди жили по несколько сот лет, а теперь *«дниа лет наших много-много семьдесят лет, аще же в силах осмьдесят лет, и множае их — уже труд и болезнь»* (Пс. 89; 10). Но и до такой старости едва ли доживает один из десяти, остальные девять умирают — кто еще в детстве, кто в юности, а кто в мужеском возрасте. Времен давно минувших, конечно, уж не вернешь назад, но все же кому из нас, земнородных, не хотелось бы пожить подольше? И кто мог бы нам сказать — в чем заключается тайна

долговечной жизни? Всего лучше, конечно, спросить об этом у того, кто сам достиг глубокой старости и, стало быть, опытом жизни постиг эту желанную тайну. Но где же эти старцы — избранники Божии, к которым и смерть-то боится подойти со своей острой косою прежде, чем седина украсит их головы? Эти старцы — святые подвижники, их жилища — тесные келлии, дикие пустыни, темные пещеры да дебри непроходимые! Трудно бы поверить этому, если бы не было так много неложных очевидцев-свидетелей. Раскройте жития святых Отцов, подвизавшихся в общежитии, и читайте: большая часть дня и ночи у них проходила в церковном Богослужении, затем — коленапреклонения и молитвенные стояния по целым часам у себя в келлии; потом — рукоделье, тяжелые труды монастырских послушаний — и час, полтора в сутки для отдыха; при всем этом пища — самая скудная, часто один хлеб да вода, а то и просто одно какое-нибудь зелье... Надолго ли, кажется, достанет сил телесных при таких трудах? А вот у этих старцев доставало их на восемьдесят, девяносто, и даже на сто лет! Пахомий Великий жил до 85 лет; Евфимий Великий — 97 лет; Феодосии, общих житий начальник — 105 лет; Макарий Александрийский — 90 лет; Паисий Великий — 95 лет; Савва Освященный и Иоанникий Великий по 94 года; и наши русские подвижники: преподобный Никон Печерский — 90 лет; Сергей Радонежский — 72 года; Кирилл Белозерский — 90 лет; Александр Свирский — 85 лет, Евфимий Суздальский — 88 лет; Макарий Желтоводский — 95 лет, Савва Крыпецкий около 100 лет; Корнилий Комельский — 80 лет.

Еще труднее жизнь одинокого пустынника. Живет он под открытым небом или в какой-нибудь пещере, в древесном дупле. Одежда у него — одна и та же во всякое время года, одно рубище на целые десятки лет, без головного покрова, без обуви, иногда — совсем обнаженный; он переносит безропотно и палящий зной солнечный, и лютые морозы, и бури, и ненастья. Сухая корка полу-гнилого хлеба или же только дикие плоды, корни, листья, несколько капель воды, — вот вся его пища, но и в этой пище он часто отказывает себе по несколько дней, по целой неделе. Такой образ жизни изменял самый внешний вид пустынников: они иногда обрастали длинными волосами, тело их принимало темный цвет, с людьми они не встречались иногда по несколько десятков лет и, встречаясь, спрашивали, стоит ли еще мир, давно ими покинутый? Кажется, и месяца не прожить бы нам в такой обстановке, а они всю жизнь свою так проводили, да притом еще жили вот по сколько: святой Павел Фивейский жил всего 113 лет, из коих в пустыне. 90 лет; Марк Фракийский более 100 лет, — в пустыне 90; Антоний Великий всех 105, — в пустыне 70; Макарий Египетский — 97; Онуфрий Великий только в пустыне 60 лет; Иларион Великий — 80 лет; Илия Египетский в пустыне — 70 лет; Кириак — 107 лет, Анин — 109 лет, Иоанн Молчальник — 104 года, Павел Комельский всего 112, из коих в пустыне 50 лет, да в монастыре 40 лет и др. Были святые затворники, можно сказать — заживо погребенные в темных пещерах и келлиях: эти затворы не имели ни входа, ни выхода и были так тесны, узки, низки, что святые затворники находились

постоянно в согбенном, почти неподвижном положении. Кусок хлеба, глоток воды, и то не каждый день — вот все, чем они питались. С людьми — почти никакого общения, кроме слова назидания или благословения. Долго ли, кажется, можно прожить в таких гробах? А вот они по сколько жили, притом только в затворе: преподобный Авраамий 47 лет, Петр Афонский 52 года; Антоний Печерский 56 лет (всего 90); Иоанн Многострадальный — 30 лет; преподобный Иринарх — 38 лет (а всего 69 лет) и др.

Наконец, были еще столпники. Трудно и представить себе этот великий подвиг. Всю жизнь, день и ночь, зиму и лето, несмотря на жару и морозы, бурю и непогоду, подвижник стоял неподвижно, точно пригвожденный к своему столпу; его ноги отекали, загнивали, покрывались ранами, тело цепенело от разных перемен воздушных, а при этом еще самый строгий пост, самая скудная пища, и то через день, через два... Вместо сна — легкая дремота, опершись на перила или перекладину столпа... Да возможно ли, кажется, вынести такой подвиг, хотя в продолжении нескольких недель? А они выносили, да еще вот по сколько лет: Симеон Древний жил всего более 100 лет, стоял на столпе около 80 лет; Даниил — всего 80 лет, на столпе — 33 года; Симеон Дивногорец всего 85, на столпе — 70 лет; Алипий всего 118, на столпе — 53 года; Феодосии на столпе — 50 лет; Лука на столе 45 лет — и др.

Вот по сколько жили святые подвижники. Скажут: "То были святые люди, их уж Сам Бог хранил Своею благодатью. Где уж нам, грешным, брать с них пример". Но, во-первых, никто и не говорит, чтобы нужно было непременно бросить мир, бежать в пустыню, заключаться в затворы и искать спасения на столпах; у нас идет речь о долголетию, и вот мы указываем примеры долголетья жизни у святых подвижников, а эти примеры ясно говорят, что строгие посты, умерщвление плоти и другие подвиги христианские вовсе не сокращают жизни человеческой, как думают мудрецы века сего, и что, стало быть, святые заповеди Божии о посте и воздержании нисколько не противоречат природе человеческой. Во-вторых, правда и то, что Бог особенно хранил и продолжал жизнь Своих угодников, дабы они своим словом и примером пользовали и других. Однако же не следует забывать, что ведь Господь за то и дарил им долгую жизнь, что они эту жизнь всецело Ему же на служение посвящали. Значит, — живи по-Божии, Бог и тебя благословит долголетием, — их хранил, и тебя сохранит, им помогал, и тебе поможет. Святое слово Его неложно говорит: *«разумети закон»* Божий, а, стало быть, и свято блюсти его святые предписания — дело доброе, *«помысла есть благого: сим бо образом многое поживеши время, и приложатся тебе лета живота»* (Притч. 9; 11). Наконец, надобно еще вот что сказать: уж слишком мы привыкли извинять себя тем, что мы не святые, что мы люди грешные. А того и не хотим понять, что ведь святые-то были такие же люди, как и мы, что ведь и они имели ту же плоть и кровь — не Ангелы ведь были, и голод, и жажду, и стужу, и зной — все также ощущали, как и мы. Стало быть, напрасно мы думаем, будто святые так уж и жили

только одной благодатью. Нет, в том-то и дело, что самая простота их жизни, самая строгость их подвигов, их суровые посты, тяжелые труды — все это и было, разумеется, не без содействия благодати Божией, — причиной их долголетней жизни. Каким образом? А вот послушай. Есть у нас один враг жизни — это грех, его оброки — болезни и смерть. И с какой жадностью этот господин собирает свои оброки! Пьянице он властно говорит: тебе долго не жить — ты мой! Блуднику тот же приговор: твоя развратная жизнь скоро истощит твои духовные и телесные силы, сведет тебя в могилу — ты мой! Честолюбцу и сребролюбцу говорит: зависть, как червь, подточит и засушит ваши кости и сократит ваши дни — вы мои... Гневливый и раздражительный сам сокращает свою жизнь... Вот святые Божии всю жизнь вели борьбу со грехом, побеждали в своем сердце этого лютого врага, оттого он и не смел пресекать их жизни серпом смертным прежде, чем они, как пшеница Божия, созревали для житницы небесной. Итак, грех — вот настоящий враг нашей жизни; во всем воздержание — вот мать здоровья и долгоденствия. Святитель Митрофан Воронежский такое правило давал: "Мало пей, мало яждь — здрав будешь". Вот в чем тайна долголетней жизни! А, стало быть, и те, кто говорит, будто "кому уж какой предел положен, кому сколько Бог назначил жить, столько и проживет", — говорят неправду: Бог назначает предел жизни твоей, смотря по тому, как ты сам живешь; будешь жить хорошо — Бог и веку тебе прибавит, будешь жить худо — на долгую жизнь не рассчитывай, твои же грехи сократят ее и отнимут у тебя прежде времени. *«Кто есть человек хотяй живот, любяй дни видети благи?.. Уклонися от зла, и сотвори благо»* (Пс. 33; 13, 15). Это урок многоопытного царя и пророка Давида.

96. Не всякому слуху верь

1.

«Вопль содомский и гоморрский умножися ко Мне: и греси их велщы зело. Сошед убо узрю, аще по воплю их, грядущему ко Мне, совершаются» (Быт. 18; 20,21). Вот поистине дивное дело: Бог Всевидец, о Котором сын Сирахов пишет: «очи Господни тмами тем крат светлейший солнца суть, презирающий вся пути человеческий иразсмотряющий в тайных местех, прежде неже создана быша вся уведена Ему» (Сир. 23; 27-29), Бог, Которому псалмопевец говорит: «несоделанное мое видесте очи Твои» (Пс. 138; 16), — Сей всеведущий Владыка наш, Который видит бездны, знает все тайные помышления сердечные и зрит ясно все то, что делается во тьме ночной в самых сокровенных местах, говорит Аврааму: пойду и посмотрю, правда ли то, о чем Я слышу у содомлян, или не правда. Как бы так сказал: Я не верю слуху, пойду, Своими очами посмотрю и только тогда поверю, и наведу на них казнь, ими заслуженную... Почему же это так? Ужели Всевидцу Богу нужно было Самому сходить с Небес, чтобы видеть грешные дела содомлян? Нет! Господь говорит это для того, чтобы научить нас не вдруг верить словам того, кто клеветет на ближнего, не спешить осуждением ближнего, не

торопиться его наказанием, — если нам дано право наказывать его, — но пока сами не увидим и достоверно не узнаем то, что было действительно. Только нетерпеливым свойственно тотчас же верить клевете на ближнего, тотчас же гневаться на него, не убедившись, правду ли о нем говорят. Ведь очень часто случается, что злой язык недобрых людей пустит худую молву, что злые люди солгут по своей злобе, легковверные повсюду разнесут, поверив лжи, и очернят имя ближнего в глазах других, — и вот таким-то образом, точно плевелы по ветру, разносится между людьми злая молва о человеке, который даже и не думал делать того, в чем его обвиняют. Бывает и так, что худые люди начнут рассказывать о каком-нибудь неважном проступке, да прибавят от себя, и из муравья сделают льва, из комара — верблюда, из зайца — слона, а из сучка — целое бревно. Вот почему следует иметь много рассудительности и осторожности в таких случаях, чтобы ложь не принять за истину, и малое прегрешение не почесть за большой грех, простительное дело не поставить в непростительное преступление. А этого всего лучше достигнем, если постараемся, когда нужно, и когда дело касается нас, своими очами удостовериться в том, о чем дошли до нас какие-нибудь слухи. Вот этому-то мудрому правилу и учит нас Господь, Самого Себя предлагая в пример, когда говорит: *«сошед узрю»*. Слышал Он вопль беззаконий содомских и хорошо знал, что все то истина, но не тотчас подвинулся на гнев, как будто не доверяя слуху. Он не простер тотчас же Свою карающую руку для наказания грешных, а пока не пришел Сам в Содом, пока Своими очами не узрел то, что . видел Он столь же ясно и с высоты небесной — дабы и мы остерегались доверять тому, о чем только от других услышим. О, как много людей, которые тяжко согрешают, доверяя одним слухам! Как часто они, не видев своими очами, не удостоверившись, как должно, о деле, осуждают неповинных вместо виновных! Не осудил ли на темничное заключение в. узах ни в чем не повинного и святого отрока Иосифа Пентефрий, вельможа египетский, поверив на слово своей беззаконной жене, которая на него клеветала? А что сделал великий царь Константин? — Своими руками убил он своего же любимого сына Криспа, доброго и невинного юношу, которого все любили, но которого жестоко оклеветала пред ним его жена Фавста за то, что этот целомудренный юноша, подобно Иосифу, не захотел исполнить греховного желания своей злой и развратной мачехи. Царь не постарался исследовать, справедливо ли обвинение, и тотчас же убил сына, а когда потом узнал истину, то как он скорбел сердцем, как плакал неутешно, раскаиваясь в своей опрометчивости, но было уже поздно: убитого он ведь не мог воскресить... Казнил он и злую жену свою, Фавсту, за эту ужасную клевету, и таким образом сделал два убийства: одно несправедливое, другое справедливое, — и сразу лишился и сына, и жены, а все потому, что поверил слуху и не исследовал истины. Хорошо увещевает людей, облеченных властью, святой Златоуст, говоря: "Не суди никого по своему мнению прежде, чем наверное узнаешь, так ли было дело, и не спеши никого обвинять, но подражай Самому Богу, Который

говорит: «*сошед убо узрю*». То же говорит и святой Григорий Двоеслов: "Бог, пред Которым все обнажено и открыто, казнил грехи содомлян не потому, что слышал, а потому, как Сам увидел". И святой Исидор Пелусиот, увещевая своего сродника, святого Кирилла, архиепископа Александрийского, не гневаться напрасно на святого Иоанна Златоустого, писал ему, что, не рассмотревши дела, не следует никого судить, ибо и Господу Богу, все ведущему, благоугодно было Самому сойти с Небес к согрешившим и прогневавшим Его городам. Подобным образом и преподобный Пимен одному брату, который говорил ему о прегрешении другого брата, сказал: "Если сам чего не видишь, то не верь тому, что говорят про брата, ибо и Бог, слышав вопль содомский, не поверил, но Сам сошел видеть Своими очами".

(Из сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского)

2.

Рассказывал нам старец Иоанн об авве Данииле Египетском следующее: "Сей старец в один день пошел в Теренуф продать свое рукоделие. Один молодой человек просил сего старца к себе. "Добрый старец, — говорил он, — ради Бога зайди ко мне в дом и сотвори молитву над моею женою, она бесплодна". Старец, убежденный им, пришел с ним в дом его и, сотворив молитву над женою его, благословил ее; жена вскоре, по воле Божией, зачала во чреве. Некоторые небогобоязненные люди начали клеветать на старца и говорить, что молодой человек сам бесплоден, а жена зачала от аввы Даниила. Слух этот дошел до старца. Старец извещает мужа жены так: "Когда родит жена твоя, скажи мне". Итак, когда жена родила, молодой человек извещает старца, говоря: "По милости Божией и по твоим, отче, молитвам, жена моя родила". Авва Даниил пришел к нему в дом и сказал: "Сделай обед и позови своих родственников и друзей". Когда они обедали, старец, взяв на руки младенца, говорит при всех младенцу: "Кто твой отец?" — Дитя отвечает: "Этот", — указывая пальцем на молодого человека. А младенцу было только 22 дня. Все прославили Бога, который соблюдает истину ищущим Его всем сердцем".

(Из книги блаженного Иоанна Мосха "Луг Духовный")

3.

Рассказывали об авве Марке Египетском. Он прожил тридцать лет, ни разу не выходя из своей келлии. К нему обыкновенно приходил пресвитер и приносил ему Святое Причащение. Дьявол, видя столь крепкое терпение Марка, злоумыслил искутить его осуждением. Он внушил одному бесноватому идти к старцу будто бы для молитвы. Одержимый духом, не говоря еще ни слова, закричал старцу: "Пресвитер твой имеет гнусные грехи, не позволяй ему более входить к себе". Богодохновенный муж сказал ему: "Сын! все выбрасывают нечистоту вон, а ты принес ее ко мне. В Писании сказано: «*не судите, да не судими будете*». Впрочем, если пресвитер и грешник, Господь спасет его, ибо сказано: «*молитесь друг за друга, яко да исцелите*»» (Иак. 5; 16). После этих слов старец, сотворив молитву, изгнал из

человека беса и отпустил его здоровым. Когда по обыкновению пришел пресвитер, старец принял его с радостью. И благой Бог, видя незлобие старца, явил ему чудо. Когда пресвитер приступил к святой трапезе, старец увидел, что Ангел Господень сошел с неба и положил руку свою на пресвитера, и пресвитер сделался как бы огненным столпом. Когда же я, рассказывал старец, с изумлением смотрел на это видение, услышал глас, говоривший мне: "Человек! что ты удивляешься сему? Если и земной царь не позволяет вельможам своим предстать пред собою нечистыми, а требует от них великолепия, то тем паче Божественная сила. Ужели она не очистит слугителей Святых Таин, предстоящих пред небесною славою?" — Таким образом, мужественный подвижник Христов, Марк Египетский, удостоился сего дара за то, что не осудил пресвитера.

(Из Патерика Скитского)

97. Исповедь

Исповедь состоит в том, чтобы подражать покаянию апостола Петра. Лишь только познал он свое прегрешение, вышел из проклятого дома архиерейского, где он отрекся от Христа, и тотчас же отстал от сообщества оных нечестивых воинов и слуг, которые связали Господа. Так и ты отстань от тех худых сообществ и знакомств, среди которых ты жил доселе, как блудный сын. Петр удалился в уединенное место и там стал размышлять о том тяжком грехе, какой он учинил; он печалился, сокрушался и, конечно, не две слезы пролил, а в слезах все свое сердце растопил — *«изшед вон, плакася горько»*. Уединись и ты, хоть на один только час, отложи всякое другое попечение, собери свои расточенные помыслы и поусерднее помолись Богу, чтобы Он помог тебе припомнить грехи твои. А если не надеешься на свою память, то напиши их на бумажке. Положи пред собою десять заповедей Божиих и посмотри: какие из них ты преступил? Припомни семь грехов смертных и рассмотри: какие из них ты учинил? Испытай накрепко совесть свою: в чем ты согрешил умом, словом или делом? в чем провинился перед Богом, перед ближним, перед самим собою? Если имеешь с кем вражду, прости ему от всей души, если есть у тебя что-нибудь чужое, возврати, если коснулся чьей-либо чести, поправь причиненный ей вред: потужи, поболи, вздохни и горько воспачь. А сверх всего этого — укори сам себя, отстань от прежних твоих грехов, положи твердое намерение впредь их не повторять. Вот когда таким образом себя приготовишь, иди к духовнику и знай, что получишь совершенное прощение. *«Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»*. Когда же придешь к духовнику, то смотри, чтобы исповедь твоя была, во-первых, — без ложного стыда, во-вторых, — без извиняющих оговорок. Без стыда, ибо я знаю, что все мы живем на белом свете лицемерием фарисейским: на деле мы одно, а показать себя хотим совсем другими. Отсюда и происходит то, что и на исповеди мы стыдимся показать себя грешными, все нам хочется перед людьми себя выставить святыми. Без

оговорок, ибо я знаю, что на исповеди нередко мы объявляем грех какой-нибудь, да сейчас же его и переименовываем. Признаемся, что согрешили, да тут же себя и выгораживаем. А хуже всего то, что часто вину своих же грехов да на других возлагаем. Вместо того, чтобы винить себя, обвиняем других. Это грех еще прародителей наших. Согрешили Адам и Ева, преступили заповедь Божию, вкусили плода запрещенного, да и устыдились, — спрятались. Бог зовет их к ответу: *«Адаме, где еси? Ева, что сотворила еси?»* А они, вместо покаяния, стали возлагать вину друг на друга. Не я виноват, говорил Адам, это жена, которую Ты же мне дал, соблазнила меня. — И я не виновата, говорила Ева, меня змий прельстил... Вот так-то идет на исповедь и какой-нибудь христианин или христианка. Духовник их спрашивает: *«Адаме где еси? Ева, что сотворила еси?»* А они и стыдятся исповедать грех свой, одно объявляют не сполна, другое вовсе умалчивают. Но Сам Дух Божий устами Соломона говорит: кто скрывает грех свой, тот не получает никакой пользы. Грех, по слову святого Василия Великого, это такая рана, которая, если не покажешь ее врачу, загниет неисцельно. А когда ты, христианин, обвиняешь на исповеди других, а не самого себя? То уже не исповедь, а осуждение ближнего. Стало быть, идешь ты к духовнику с одним грехом, а возвращаешься с двумя, идешь грешным, а возвращаешься еще грешнее. — Да и чего ты стыдишься, зачем выгораживаешь себя? Потому ли, что ты человек знатный и благородный? Но ведь Давид был царь, однако же не постыдился, не отказался исповедать грех свой. *«Беззаконие мое, — говорит он, — познал, и греха моего не покрыл»* (Пс. 31; 5), *«согрешил ко Господу!»* (2 Цар. 12; 13). Чего ж тебе стыдиться, зачем себя выгораживать? — Нет, брат мой! Без стыда смело скажи грех твой, без всяких оговорок объяви, что в твоём грехе никто неповинен, кроме твоего же злого произволения! Грех исповеданный — уже не грех: *«Господь отъя согрешение твое!»* Но вот, по благодати Божией, без стыда, без оговорок ты исповедался, духовник тебя разрешил и ты, приняв от него благословение, уходишь. Что же теперь остается тебе исполнить? Остается самое главное и самое нужное. Прежде всего, исполни епитимью, какую положил на тебя отец духовный. Потом исправь свою жизнь, а если и сего не сделаешь, то исповедь твоя уже не будет исповедью, а только празднословием. Так говорит святой Василий Великий. Итак, первое дело: если имеешь на кого вражду по какой бы то ни было причине, ты должен простить его от всего сердца, ибо если ты не простишь, то и сам не будешь прощен, по слову Самого Христа: *«Аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный: аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших»* (Мф. 6; 14,15). А ныне знаете ли, что бывает? Идут на исповедь два христианина, смертельные враги между собой, и оставляют свою вражду. Но где оставляют? Да на пороге дверей церковных. Простившись друг с другом, они причащаются Святых Таин в мире меж собою, но при выходе из церкви, лишь только переступят они порог церковный, на котором оставили они свою вражду, тотчас же

снова за нее принимаются и делаются по-прежнему врагами. Ужели можно это считать за исповедь? Нет, это не исповедь, а одно празднословие! Второе дело: водишь ли с кем дружбу греховную, питаешь ли к кому любовь преступную? Брось их совсем, отрекись от них вовсе: нельзя тебе любить вместе и Бога, и блудницу! Один философ поехал было по морю, но во время его плавания на море разыгралась страшная буря, и ему угрожала неминуемая гибель, но он каким-то образом спасся. Возвратясь домой, он наглухо заделал то окно, из которого было видно море, чтобы, смотря на море, не пожелать снова плавать по нему. Ах, возлюбленный брат, сколько раз находился ты в опасности потерять и свою жизнь, и свою душу от преступной любви или дружбы! Тебе удалось спастись от гибели, так берегись же этого на будущее время! Не ходи больше тою дорогою, не входи в те ворота, не смотри на то окно, зажмурь крепче глаза свои, чтобы опять не заползла змея в твое сердце. А если не сделаешь этого, то исповедь твоя будет уже не исповедь, а одно празднословие. Третье дело и последнее: если имеешь в своих руках что-нибудь чужое, если обидел кого, то возврати, непременно возврати, иначе и прощения не получишь. Не только духовник, простой священник, но и сам патриарх, весь собор архиереев, даже ни один из Ангелов Божиих не имеют права разрешить тебя, если ты не возвратишь обиженному того, что ты взял у него. Сам Бог, так сказать, не может тебя простить в том, а ведь Он правосуден, Он — Сама правда, возможно ли, чтобы Он восхотел неправды? Нет! узел обиды неразрешим! Душа бессмертна, а потому и долг ее вечен! Положим, ты поносишь имя Божие, отрицаешься от веры, вновь распинаешь Христа — есть ли грехи больше этих? Однако же, если ты в них исповедуешься и покаешься, то духовник имеет право тебя простить. Все это грехи против Господа Бога, а Бог дал такую власть Своему иерею, чтобы все то, что он свяжет или разрешит, было связано и разрешено, в чем бы человек не согрешил против Бога. Но если ты отнял что-нибудь у ближнего, то хотя бы ты и исповедал сей грех, но при этом не возвратил отнятого, — то и духовник не имеет права тебя в этом разрешить. Ведь тот бедняк, которого ты обидел, не давал твоему духовнику власти прощать тебя, не делал его своим поверенным: как же он простит тебя? Но ты скажешь: "Я вот раздаю сорокоусты по церквям, делаю вклады по монастырям, жертвую на богадельни". И за это-то ты думаешь получишь прощение!? Зажми уста твои, умолкни! Никакой закон, ни Божеский, ни человеческий, не позволяет раздавать никому чужого! То, что отнял ты у бедняка, не твое, а чужое; кто же может это подарить тебе? Конечно, если десять заповедей Божиих, воспрещающих не только брать, но и желать чужого, одни сказки, — то ты прав, а я лгу. Но если эти заповеди суть непреложные словеса Божии, то нет тебе прощения, а я говорю правду!

(Из "Поучительных слов" Илии Минятия)

98. Не всякую и «правду» полезно говорить

И сатана преобразуется во ангела света. Не диво, что и худой человек берет на себя личину доброго, да и сами мы, часто не замечая того, обманываем и самих себя, и других, и под видом добра сколько делаем зла ближнему! Беру пример самый обычный. Положим, ты слышал, как злословил меня человек, ко мне нерасположенный, и вот ты идешь ко мне и рассказываешь то, что слышал... Хорошо ли ты делаешь? Ведь ты только дров подкладываешь в огонь! Не знал я того, о чем ты мне сказал, а теперь вот узнал от тебя, утих, было, мой гнев на того человека, а ты снова поджег его, я уже в душе примирился, было, с ним, а ты снова подогрел чувство вражды в моем грешном сердце... Ну, скажи на милость, для чего мне знать, что говорит обо мне враждующий против меня? Только для того, чтобы мне легче было войти в сделку с моей совестью — до этого она укоряла меня, к примирению склоняла, но ты пришел да рассказал, как злословит меня тот человек, а я и рад тому, теперь я скажу своей совести: "Как же мне мириться с ним, когда он вон что говорит обо мне!" — И снова закипит гнев в груди моей, и снова я буду мучиться, побеждаемый этой страстью, и снова буду препираться со своей совестью, с которой стал было уже соглашаться... А все это наделал ты, брат мой неразумный! Если б не говорил ты мне, как злословил меня тот человек, я, может быть, не сегодня, то завтра совсем помирился бы с ним, но ты пришел да рассказал мне эту грешную "правду", и вот не знаю я покоя, и борюсь с самим собою! Брат мой, брат мой! А ведь ты, конечно, думал удружить мне своим рассказом грешным, и вот твоя услуга неразумная к чему привела меня! Нет! не все то, что мы видим да знаем, не всякую и "правду" следует другим рассказывать. Бывает и такая правда, о которой во сто раз полезнее совсем умолчать. Вот одно поучительное сказание на этот случай.

Пришел пустынный в один скит на короткое время и, не застав свободной келлии, не знал, где остановиться. А в скиту был один старец, у которого была пустая хижина. Вот он и приглашает странника: "Живи, — говорит, — в этой келлии, пока не найдешь себе другую". Пустынный был очень рад такому предложению и поселился там. Он был старец опытный в духовной жизни, а потому многие из братии стали ходить к нему за советом и приносили ему, у кого что находилось. Позавидовал ему хозяин келлии и стал рассуждать про себя: "Сколько лет живу я здесь в посте и молитве, однако никто не ходил ко мне, а этот пришелец не успел поселиться здесь, как уже все идут к нему". И вот в досаде старец посылает своего ученика сказать гостю: "Уходи из нашей келлии, она нам самим нужна". Ученик идет, кланяется старцу и говорит: "Отец мой приказал спросить у тебя: здоров ли ты?" — Гость отвечал: "Скажи отцу твоему, чтобы помолился обо мне Господу Богу, я немного болен". Юноша возвращается к своему старцу и говорит: "Старец нашел себе келлию и скоро уйдет из твоей". Прошло несколько дней, старец опять посылает ученика сказать пришельцу, что если тот не выйдет из его келлии, то он сам придет и прогонит его палкой... Идет юноша и говорит гостю: "Отец мой слышал, что ты очень разболелся, и

прислал меня навестить тебя". Старец отвечал: "Скажи отцу твоему, что я, по его молитвам, выздоровел". Юноша возвращается к своему наставнику и говорит: "Старец просит позволения пожить у тебя только одну неделю". Прошла и неделя. Хозяин келлии вышел из терпения, взял свой костыль и пошел выгонять жильца. Тогда юноша говорит ему: "Подожди немного, отче, я побегу впредь: нет ли там кого из посетителей, — как бы они не соблазнились". А сам прибегает к гостю и говорит: "Отец мой идет звать тебя на ужин". Как только услышал это старец, тотчас же поспешил выйти навстречу хозяину и еще издали поклонился ему до земли, и сказал: "Я сам иду к тебе, отец мой, не трудись идти сюда!" — И благословил Бог мудрое рассуждение юноши: его старец-наставник был так тронут и обнял своего жильца, потом увел его в свою келлию и угостил, чем Бог послал... Проводив гостя, старец спросил юношу: "Сказывал ли ты пришельцу то, что я приказывал себе?" — Юноша отвечал: "Нет". Старец был от души рад этому и, видя, что его зависть была делом зависти самого дьявола, пал к ногам своего ученика и сказал ему: "Отныне ты — отец мой, а я — твой ученик; твоим поступком спасены души обоих нас".

Пожалуй, иной скажет: "Ученик все же погрешил, ведь он лгал, обманывал старца, какая же тут добродетель?" — Воистину — тут добродетель, и добродетель великая, только мало миру известная, — это рассуждение или мудрость духовная. Недаром эту добродетель святые Отцы ставят выше всего: выше молитвы, выше самого послушания и называют царицей добродетелей. Правда, не всякому дается этот дар в совершенстве, духовным рассуждением обладают вполне только люди опытные в духовной жизни, которые прошли великую школу скорбей и искушений, но они же оставили нам мудрое правило, которому можно и должно каждому из нас следовать: если совесть твоя смущается, и ты боишься, как бы из твоего дела, даже и доброго, не вышло худо, то лучше оставь твое доброе дело на волю Божию, не делай его, лишь бы не смутить ближнего, не ввести и его, и себя самого в искушение. Теперь подумай, что вышло бы, если бы тот юноша исполнил волю своего старца, взял бы палку да и выгнал вон жильца? Дело понятное — до сей поры один хозяин был побеждаем страстью гнева, а тогда легко могло случиться, что и жилец был бы побежден ею. Но если бы и перенес жилец как следует, по-монашески, это оскорбление от хозяина, то подумай, в какой тяжкий грех впал бы сам хозяин, оскорбив раба Божиего из зависти! Доселе он грешен был против гостя только в помысле, заочно, а тогда согрешил бы против него самым делом. Но кто был бы посредником в этом грехе? Конечно, неразумный послушник. А теперь он помирил старцев и стал возлюблен и Богу, и самим старцам. Что заставляло старца выгонять гостя из своей келлии? Уж конечно, не здравый разум, а одна злая страсть — зависть. Если бы старец послушался совести да здравого разума, то он никогда бы и не подумал гнать от себя такого богоугодного гостя, а почел бы еще за счастье, что тот остановился у него. Благоразумный ученик так и смотрел на дело, и поступил по совести, — так, как и сам старец поступил

бы, если бы зависть не ослепила его душевные очи. И выходит, что ученик не хотел грешной правдой и грешным послушанием оказывать услугу злой зависти, или, лучше сказать, самому отцу лжи — дьяволу. Он умолчал грешную "правду", чтобы спасти и старца, и себя самого от смертного греха. Вот поучительный урок для тех, кто любит переносить худые вести из дома в дом!

Ах, братие, если бы почаще мы вспоминали этот урок мудрости духовной! Наверное, между нами было бы поменьше ссор да неудовольствий друг на друга, наверное, было бы побольше мира да любви христианской! Нет, возлюбленные, опять повторю: не всякую и правду следует говорить, не обо всем, что и на самом деле было, следует рассказывать другим. А в наших-то толках да пересудах друг о друге уж и вовсе никакой правды нет, все один грех да сплетни одни. Именно сплетни: плетет один, другой еще больше запутывает, да так и сплетается сеть вражья, в которой все, вместе сплетавшие, и запутываются. А врагу только это-то и нужно. Лишь бы воду замутить — спокойствие да мир нарушить, лишь бы сети закинуть — ссоры да брань завести, а там он уж знает, как с нами, грешными, справиться, увлечь в пучину адскую на вечную погибель. Какая же прибыль нам-то, самим, ему в том помогать?

Будем помнить одно: мы не Ангелы святые, в наших сердцах много всяких страстей греховных, так много, что стоит бросить туда одну искру, и из нее вспыхнет целое пламя ненависти или другой какой страсти злой, и сожжет этот пламень геенский душу нашу бедную, а все из-за чего? Да иной раз из-за одного слова грешного, и притом из-за слова, которое мы считали, когда говорили его, сущей правдой! Истинно слово Христа Спасителя: если не будет правда ваша выше правды книжников и фарисеев, то никогда не войдете в Царствие Небесное! Да избавит нас Бог от этой правды фарисейской.

99. Русский Иосиф Прекрасный

Почти каждому дитяти известна трогательная история Иосифа Прекрасного, нельзя без глубокого умиления читать или слушать скорбную повесть о том, сколько пришлось потерпеть горя на чужой далекой стороне этому целомудренному юноше, и потерпеть-то именно за свою чистоту и целомудрие, за то, что он Бога боялся больше, чем людей... Но при воспоминании о ветхозаветном праведнике особенно утешительно вспомнить, что и наша Русская Православная Церковь имеет своего Иосифа Прекрасного, который также томился в иноплеменном плену и за свое целомудрие потерпел еще больше ветхозаветного Иосифа, а потому и повествование о нем должно быть особенно дорого и близко сердцу каждого православного русского человека. Вот что рассказывает о нем преподобный Поликарп в Киево-Печерском "Патерике".

"Преподобный Моисей был родом угрин (из Венгрии), любимец нашего князя-мученика Бориса и брат того отрока Георгия, на которого этот князь надел золотую гривну, и которого убили с ним на Альте и отрубили голову из-за золотой гривны. Этот Моисей был взят в плен поляками. И вели его, закованного по рукам и по ногам в тяжкие железа, и крепко стерегли его, потому что был он крепок телом и прекрасен лицом. И увидела его, прекрасного и юного, одна молодая женщина. Была же она из великих земли той, имела большое богатство и власть. И залегла ей в душу красота его, и уязвилось сердце ее страстным желанием. Чтобы склонить и преподобного на любовь к себе, она стала увещевать его льстивыми словами, говоря: "Зачем ты напрасно переносишь такие муки, когда имеешь разум, который мог бы избавить тебя от этих мук и страданий?" — Моисей же сказал: "Так Богу угодно". Она сказала ему: "Если покоришься мне, я избавлю тебя и сделаю великим во всей земле Ляшской. И будешь ты владеть мной самой и всюю областью моей". Понял блаженный желание ее нечистое и сказал ей: "Но кто же, взявши жену и покоровшись ей, сохранил закон? Покорился жене Адам первозданный и из рая изгнан был. И Соломон постиг глубину премудрости, а, повинувшись жене, идолам поклонился. Так как же мне, свободному, самому сделать себя рабом жены? Я не познал ее от рождения". Она же сказала: "Я тебя выкуплю, сделаю знатным господином, над всем домом моим поставлю, и будешь ты мужем моим. Только исполни мою волю, и ты будешь старшим между боярами". Блаженный же Моисей сказал ей: "Будь же уверена, что я не исполню твоей воли. Я не хочу ни власти твоей, ни богатства; для меня лучше всего этого чистота душевная, а также и телесная". Ляхиня подумала: "Если я выкуплю его, он поневоле покорится мне". И послала она к тому, кто держал Моисея, чтобы тот взял у ней денег, сколько хочет, только продал бы ей юношу. Он взял с нее около тысячи и отдал ей Моисея. И насильно, без всякого стыда повлекли блаженного на дело небогоугодное. Теперь эта женщина получила власть над ним, и вот она велит ему сочетаться с собой. Она освобождает его от оков, одевает в многоценные одежды, сладкими кушаньями кормит, объятиями и всякими любовными обольщениями понуждает на свою похоть. Преподобный же, видя ее неистовство, стал еще прилежнее молиться, еще крепче держать пост. И в такую ярость пришла ляхиня, что хотела голодом умерить его. Но Бог преклонил на милость одного из слуг ее, и тот тайно подавал Моисею пищу. Другие же увещевали преподобного, говоря: "Брат Моисей! Что мешает тебе жениться? Ты еще молод, и она — вдова, жившая с мужем только один год. И красотой она лучше других женщин, и богатство имеет бесчисленное, и власть великую в Ляшской земле. Да если бы она захотела выйти за какого-нибудь князя, и тот бы не погнушался ею. А ты, пленник, не хочешь исполнить ее волю! Ведь и Христос не говорит ли в Евангелии: *«оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью»* (Мф. 19; 5, 6). А Апостол говорит: *«лучше вступить в брак, нежели разжигаться»* (1 Кор. 7; 9), ведь ты не инок. Лучше уже тебе покориться

этой вдове, и будешь ты свободен и господин над всем". Он же говорил им: "Ей, братья и добрые друзья мои! Добро вы мне советуете; но я никак не приму вашего совета. Если и придется мне умереть в этих оковах и страшных муках, я совершенно уверен, что приму за это милость от Бога. Пусть все праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу с женой спастись. Если я живой избавлюсь от руки этой женщины, то пойду в монастырь. А что Христос говорит в Евангелии? Кто оставит отца своего и мать, и жену, и детей, и дом, тот Мой ученик (Лк. 14; 26). Кого же мне больше слушаться, — Христа или вас? Нет, братья, никогда не прельстит меня красота этой женщины, никогда не отлучит от любви Христовой". Услышала это вдова та, и вот сажает она преподобного на коня, велит возить его со множеством слуг по городам и селам, принадлежащим ей, и говорить ему: "Тут все, что тебе угодно, — твое, делай со всем этим, что хочешь". Людям же говорила: "Вот господин ваш, а мой муж", — чтобы все, встречая его, кланялись ему. А в услужении у нее было множество рабов и рабынь. Посмеялся блаженный безумию этой женщины и сказал ей: "Напрасно трудишься, не можешь ты прельстить меня тленными вещами этого мира. Пойми это и не трудись напрасно". Она же сказала. "Или ты не знаешь, что ты мне продан? Я никак не отпущу тебя живого, после многих мук смерти тебя предам". Он же без страха отвечал ей: "Не боюсь я того, что ты говоришь. С этих пор я буду иноком. Богу так угодно". В те дни пришел со Святой горы один инок, саном иерей. По наставлению Божию, пришел он к блаженному и облек его в иноческий образ. Много поучал он Моисея о чистоте, а когда ушел, стали искать его и нигде не нашли. Тогда ляхиня, потеряв всякую надежду, пришла в отчаяние и велела растянуть Моисея, и бить палками, так что и земля напиталась его кровью. Бьющие же говорили ему: "Покорись госпоже своей и исполни волю ее. Если ты не послушаешься, мы на куски раздробим твое тело". И отвечал Моисей: "Братья! не медлите, делайте, что вам велено. А мне никак нельзя отречься от иноческой жизни и от любви Божией. А этой бесстыдной женщине не покорюсь я, не исполню волю окаянной!" — Сильно печалилась вдова, желая отомстить за свой срам. И вот посылает она к князю Болеславу с жалобой на преподобного и спрашивает, что ей делать с ним? Князь велел ей приехать к себе и привести с собой Моисея. Она пришла к нему и Моисея привела. Болеслав много принуждал его взять за себя эту вдову, не уговорил и сказал ему: "Отныне будь тебе ведомо: перед тобой на выбор — жить или умереть, или волю госпожи своей исполнить, от нас в чести быть и великую власть иметь или, послушавшись, после многих мук смерть принять". Ей же сказал: "Делай с ним, что хочешь". И сказал Моисей: "А что говорит Бог: *«какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит; или какой выкуп даст человек за душу свою!»* (Мк. 8; 36). Что ты-то мне обещаешь славу и честь? Сам ты скоро лишишься ее, и гроб примет тебя, ничего не имеющего. Эта же скверная женщина в злых муках убита будет". Так и исполнилось, как предсказал преподобный. Теперь вдова эта взяла над ним еще большую власть и бесстыдно влекла его на грех.

Блаженный говорил ей: "Напрасен труд твой. Не думай, что я безумный или не могу этого сделать: я из страха Божия гнушаюсь тебя, как нечистой". Услышав это, ляхиня велела давать ему по сто ударов каждый день, а потом обрезать тайные члены. И лежал Моисей как мертвый, истекая кровью, едва дыша. Болеслав же потакал ей: он поднял великое гонение на черноризцев и всех их изгнал из своей области. Но Бог скоро отомстил за рабов своих. В одну ночь Болеслав внезапно умер, и сделался великий мятеж во всей земле Ляшской, поднялся народ и побил своих епископов и бояр. Тогда убили и эту вдову. Преподобный же Моисей, оправившись от ран, пришел к Пресвятой Богородице, в святой Печерский монастырь, нося на себе мученические раны и венец исповедания, как победитель и храбрый воин Христов. И дал ему Господь силу против страстей. Обуреваемые плотскою похотью, находили в нем помощь; так одного брата, одержимого нечистой страстью, он ударил слегка в грудь палкой (без которой от тех ран не мог он ходить), и тотчас же страсть утихла в сердце брата навсегда. Поистине, сам искушен быв, он и искушаемым с любовью помогал".